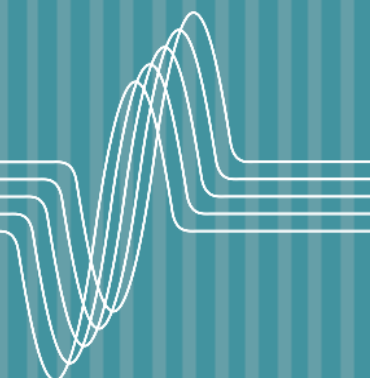
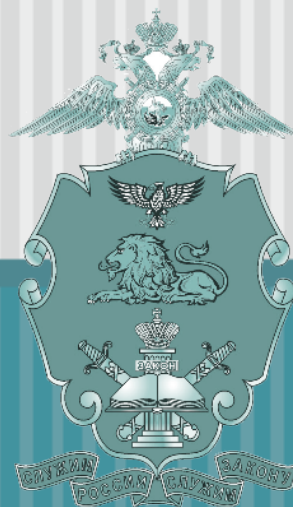

ISSN 2313-5646

2' 2026

ВЕСТНИК

БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА МВД РОССИИ
ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА

ВЕСТНИК БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА. 2026. № 2.

Учредитель и издатель:

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-80715 от 9 апреля 2021 года.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Главный редактор – Александров А.Н., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Заместитель главного редактора – Дизер О.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Белгород)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Бучакова М.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)

Гусев В.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)

Десятов М.С., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)

Дугенец А.С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Евтушенко В.И., доктор юридических наук (Россия, Белгород)

Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Краснодар)

Кириллов М.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Кожевников О.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Колмаков П.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Сыктывкар)

Кудрявцев А.В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Владимир)

Кузнецов А.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Лазарева Л.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Луговик В.Ф., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)

Махина С.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)

Нижник Н.С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Никуленко А.В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)

Нудненко Л.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Петрянин А.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Россинский С.Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Самсонов В.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Белгород)

Солдатов А.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)

Ткачук Т.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Владимир)

Турапин В.Ю., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

Хужин А.М., доктор юридических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)

Шаров В.И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Шевелева С.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Курск)

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Заведующий редакцией: Шульженко Н.И.

Редактор: Шаповал О.И.

Дизайн и компьютерная верстка: Зиновьева И.И.

Сдано в набор 20.05.2026

Подписано к печати 25.05.2026

Дата выхода в свет 29.05.2026

Формат 60х84/8

Объем 16,6 усл. печ. л.

Набор компьютерный. Бумага офисная.

Печать цифровая. Заказ № 35.

Цена: бесплатно. Тираж: 43.

16+

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Адрес редакции, издателя, типографии: 308024, Россия, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Контактный телефон: (4722) 51-71-35; факс: (4722) 55-53-31; e-mail: vestnik.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru

VESTNIK OF PUTILIN BELGOROD LAW INSTITUTE OF MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA. 2026. № 2.

The founder and the publisher:

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia

The Journal is registered in The Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Registration number: Series PI № FS77-80715 of April 9, 2021.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL:

Editor-in-Chief – Alexey N. Alexandrov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Professor (Belgorod, Russia)

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Marina A. Buchakova, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)

Vladimir A. Gusev, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)

Mikhail S. Desyatov, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)

Alexander S. Dugenets, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Vladimir I. Yevtushenko, Doctor of Law (Russia, Belgorod)

Vladimir P. Kamyshansky, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)

Mikhail A. Kirillov, Doctor of Law, Professor (Cheboksary, Russia)

Oleg A. Kozhevnikov, Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Peter A. Kolmakov, Doctor of Law, Professor (Syktyvkar, Russia)

Alexey V. Kudryavtsev, Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir, Russia)

Alexander P. Kuznetsov, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Larisa V. Lazareva, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Victor F. Lugovik, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)

Svetlana N. Makhina, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)

Nadezhda S. Nizhnik, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Andrey V. Nikulenko, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

Lydia A. Nudnenko, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Alexey V. Petryanin, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Sergey B. Rossinsky, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Valery N. Samsonov, Doctor of Law, Professor (Belgorod, Russia)

Alexander P. Soldatov, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Yury N. Starilov, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)

Tatiana A. Tkachuk, Doctor of Law, Professor (Vladimir, Russia)

Vladislav Yu. Turanin, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

Alfir M. Huzhin, Doctor of Law, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Victor I. Sharov, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Svetlana V. Sheveleva, Doctor of Law, Professor (Kursk, Russia)

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of basic results of candidate and doctoral theses

Head of the Editorial Staff: Natalia I. Shulzhenko

Editor: Olga I. Shapoval

Design and computer make-up: Irina I. Zinovieva

It is handed over in a set 20.05.2026

It is passed for the press 25.05.2026

Date of publishing 29.05.2026

Format 60x84/8

Volume 16,6 printer's sheets

Typing. Office paper. Digital printing.

Order № 35. Price: free of charge.

Printed copies: 43.

16+

It is printed in the Polygraphic and Operative Press Department of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 71, Gorkiy Street, Belgorod, Belgorod region, Russia, 308024.

The address of the publisher and edition: 71, Gorkiy Street, Belgorod, Belgorod region, Russia, 308024.

Contact phone: (4722) 51-71-35; fax: (4722) 55-53-31; e-mail: vestnik.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- ТРУФАНОВ М.Е.**
ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНОСТРАННЫХ
ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА
ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ПОБОЕВ
- ПАВЛОВА Е.В.**
ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ СУБЪЕКТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ
ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)
- АФОНИНА Е.Г.**
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ
УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ ПО КОНТРОЛЮ
ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ МИГРАЦИОННОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
- ВЕРБИЦКАЯ М.А.**
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ
К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО
ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 8.54 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ
- КАЗАЧЕНКОВ С.Д.**
ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ И
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ
- ШАКЛЕИН С.Н.**
ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ПОЛИЦИЕЙ
ПОСТАНОВЛЕНИЙ О НАЗНАЧЕНИИ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ ЗА
ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО
ДВИЖЕНИЯ

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- КОБЕЦ П.Н.**
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ ОСНОВ В СФЕРЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
- ЛУГОВИК В.Ф.**
О ПРИРОДЕ ОСНОВАНИЙ ОПЕРАТИВНО-
РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-
ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
- БАУМШТЕЙН А.Б.**
МНИМЫЕ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ
ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА: ПОЛУЧЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ
ЗА ДЕЙСТВИЯ, ОБЪЕКТИВНО НЕ ВХОДЯЩИЕ В
КОМПЕТЕНЦИЮ СУБЪЕКТА
- КАШКИНА Е.В., РЕПЬЕВА А.М.**
ПРОБАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ: ПРАВОВЫЕ
ОСНОВЫ И ПРАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ О СОЦИАЛЬНОЙ
ПОМОЩИ

CONTENTS

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- TRUFANOV M.E.**
PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE LIABILITY
OF FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS
FOR BANDITRY
- PAVLOVA E.V.**
ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS
OF THE ACTIVITIES OF THE EXECUTIVE BODIES
OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION
(ON THE EXAMPLE OF THE OREL REGION)
- AFONINA E.G.**
SOME PROBLEMS OF ORGANIZING ACTIVITIES
OF DISTRICT POLICE OFFICERS TO MONITOR
COMPLIANCE WITH MIGRATION LAWS
- VERBITSKAYA M.A.**
SOME PROBLEMS OF BRINGING
TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY UNDER PART
2 OF ARTICLE 8.54 OF THE ADMINISTRATIVE CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
- KAZACHENKOV S.D.**
DIGITAL TRANSFORMATION OF TAX
ADMINISTRATION AND LAW ENFORCEMENT:
PUBLIC LAW ASPECTS OF REGULATION UNDER
DIGITALIZATION CONDITIONS
- SHAKLEIN S.N.**
PROBLEMS OF POLICE ENFORCEMENT OF
DECISIONS ON THE IMPOSITION OF ADMINISTRATIVE
PENALTIES FOR TRAFFIC OFFENSES

CRIMINAL LAW SCIENCES

- KOBETS P.N.**
KEY DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF PREVENTIVE
FOUNDATIONS IN THE SPHERE OF ENSURING
CYBERSECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION
- LUGOVIK V.F.**
ON THE NATURE OF THE FOUNDATIONS
OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES:
A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS
- BAUMSHTEIN A.B.**
IMAGINARY AND POTENTIAL POWERS
OF AN OFFICIAL: RECEIVING VALUES
FOR ACTIONS THAT ARE NOT OBJECTIVELY WITHIN
THE SUBJECT'S COMPETENCE
- KASHKINA E.V., REPYEVA A.M.**
PROBATION AS AN ELEMENT OF THE SOCIAL
SUPPORT SYSTEM: LEGAL BASES AND PRACTICE OF
INTERACTION WITH SOCIAL ASSISTANCE LEGISLATION

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ШАШИН Д.Г. ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ	65	SHASHIN D.G. GUARANTEES OF LEGALITY IN OPERATIONAL AND SEARCH ACTIVITIES: CURRENT STATE AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT
ЗАРУБИНА К.А. ПРЕДМЕТ ХИЩЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТРАДИЦИОННАЯ КОНЦЕПЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	74	ZARUBINA K.A. THE SUBJECT OF THEFT IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE TRADITIONAL CONCEPT AND CURRENT TRENDS
ЯКОВЛЕВА К.Ю. ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ОПЕРАЦИЙ С ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ: ДИСКУССИОННОСТЬ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ	81	YAKOVLEVA K.YU. SUSPENSION OF MONEY TRANSACTIONS: DISCUSSION OF THE CRIMINAL PROCEDURE FORMS
ВАСИЛЕНКО А.В. ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ КАК ПРЕДМЕТ МОШЕННИЧЕСКИХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ	86	VASILENKO A.V. DIGITAL ASSETS AS THE SUBJECT OF FRAUDULENT ACTS IN RUSSIAN CRIMINAL LAW
ЧЕРНОЯРОВА И.М. РЕЖИМ И УСЛОВИЯ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЙ В ЖЕНСКИХ КОЛОНИЯХ ОБЩЕГО РЕЖИМА	92	CHERNOYAROVA I.M. THE REGIME AND CONDITIONS OF SERVING PUNISHMENTS IN WOMEN'S COLONIES OF GENERAL REGIME
НИСНЕВИЧ А.К. OSINT-АНАЛИЗ САЙТОВ КАК МЕТОД СБОРА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	98	NISNEVICH A.K. OSINT ANALYSIS OF WEBSITES AS A METHOD OF COLLECTING EVIDENCE IN CRIMINAL CASES
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ		INTERNATIONAL EXPERIENCE
ГЕРАСИМЕНКО Е.В. СУБЪЕКТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ ПОДХОД	106	GERASIMENKO E.V. SUBJECTS OF CRIMINAL-SEARCH ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND CENTRAL ASIAN COUNTRIES: A COMPARATIVE APPROACH
АБРАМЧУК А.А. ПРОФИЛАКТИКА ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЯХ: КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	113	ABRAMCHUK A.A. PREVENTION OF ILLEGAL ACTIONS IN RESIDENTIAL PREMISES: KEY AREAS FOR IMPROVING LEGISLATION
ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО		TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST
ВАНЕЕВА М.А. СИСТЕМА МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ИНОСТРАННЫМИ МИГРАНТАМИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	120	VANEEVA M.A. SYSTEM OF MEASURES TO PREVENT CRIMES COMMITTED BY FOREIGN MIGRANTS IN THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT
ЗУЕВА Е.А. О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 137 И 272 ¹ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	129	ZUEVA E.A. ON THE DIFFERENTIATION OF CRIMES PROVIDED FOR IN ARTICLES 137 AND 272 ¹ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
ТКАЧУК В.Н. АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	137	TKACHUK V.N. ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS AS A MEANS OF ENSURING THE LEGALITY OF THE ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Проблемы административной ответственности
иностранных граждан и лиц без гражданства
за причинение побоев****Problems of administrative liability of foreign citizens
and stateless persons for banditry**

УДК 342.951

М.Е. Труфанов,доктор юридических наук, профессор
(Краснодарский университет МВД России,
Россия, Краснодар)
mihail.trufanov@mail.ru**Mikhail E. Trufanov,**Doctor of Law, Professor
(Krasnodar University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Krasnodar, Russia)

Аннотация: в научной работе представлено теоретико-правовое исследование проблемных аспектов, сопутствующих применению административной ответственности в отношении иностранных граждан и лиц, не обладающих гражданством в пределах юрисдикции российского государства. Ключевой акцент в проведенном исследовании основан на сложностях правоприменения, свойственных отправным звеньям процессуальных отношений, возникающих по составу административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Особую проблему создает устойчивое нелегальное присутствие на территории России значительного числа лиц, не являющихся ее гражданами. Сложность привлечения их к ответственности обуславливается тем, что часто нарушители остаются вне зоны доступа информационных ресурсов, что не позволяет оперативно установить их личные данные, необходимые в производстве по делам об административных правонарушениях. В качестве ключевой проблемы в работе рассматривается ситуация, когда неграждане Российской Федерации (иностранцы либо лица без гражданства) причиняют побои и прилагают усилия для того, чтобы выехать за пределы Российской Федерации до окончания проверки по факту противоправного поведения. Автор формулирует ряд решений обозначенной процессуальной коллизии и подчеркивает необходимость существенного обновления законодательства в данной области для приведения его в соответствие с актуальными конституционными стандартами.

Ключевые слова: административная ответственность; иностранные граждане; лица без гражданства; административное правонарушение; побои; территория Российской Федерации; административное выдворение

Для цитирования: Труфанов М.Е. Проблемы административной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства за причинение побоев // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 2. – С. 4–9.

Abstract: the work is devoted to the theoretical and applied aspects related to the application of administrative liability to foreigners and stateless persons in Russia. The main focus is on the enforcement difficulties that arise during the main stages of the administrative offense procedure under Article 6.1.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. A particular challenge is posed by the persistent presence of a significant number of illegal immigrants in Russia. The difficulty in bringing them to justice is due to the fact that violators often remain outside the reach of information resources, making it impossible to quickly identify their personal information during the administrative proceedings. The work is devoted

to the theoretical and applied aspects related to the application of administrative liability to foreigners and stateless persons in Russia. The main focus is on the enforcement difficulties that arise during the main stages of the administrative offense procedure under Article 6.1.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. A particular challenge is posed by the persistent presence of a significant number of illegal immigrants in Russia. The difficulty in bringing them to justice is due to the fact that violators often remain outside the reach of information resources, making it impossible to quickly identify their personal information during the administrative proceedings. As a key problem, the paper examines the situation where non-citizens of the Russian Federation (foreigners or stateless persons) inflict beatings and make efforts to leave the Russian Federation before the end of the investigation into their illegal behavior.

Keywords: administrative liability; foreign citizens; stateless persons; administrative offense; beatings; territory of the Russian Federation; administrative expulsion

For citation: Trufanov M.E. Problems of administrative liability of foreign citizens and stateless persons for banditry // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 2. – P. 4–9.

В соответствии со статьей 62 Конституции Российской Федерации при применении норм статьи 2.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) следует исходить из того, что иностранные граждане и лица без гражданства, находящиеся в Российской Федерации, подлежат административной ответственности на общих основаниях. Непростые вопросы реализации данного института административного права применительно к указанной категории физических лиц остаются актуальными на фоне неотъемлемой приверженности общим нормам, содержащимся в действующем международном праве. Данная проблема не менее существенна в спектре сохраняющегося контингента несанкционированно въезжающих на территорию страны иностранных граждан [1, с. 89].

Правовой статус иностранных граждан, прибывающих в Россию с нарушением миграционного законодательства, является предметом научных дискуссий. Согласно одной из распространенных теоретических позиций подобные субъекты оказываются вне правового поля, поскольку их нелегальное положение не обеспечивает им защиты со стороны государства. Несколько иначе выражают свое мнение другие участники указанной дискуссии. Так, Ю.В. Блинова отмечает, что «им свойственны определенные права и обязанности, но с некоторыми «изъятиями» [2, с. 5]. При этом даже в условиях незаконного присутствия на территории чужого государства за иностранными гражданами признаются естественные их права. В сочетании с установленной для них юридической ответственностью это ложится в основу их специального правового статуса [3, с. 163].

Субъектами, неправомерно находящимися в границах российского государства, можно с уверенностью назвать лиц, нарушивших при въезде в страну государственную границу; безответственно относящиеся к порядку оформления и хранению

документов, подтверждающих правовую возможность въезда в Российскую Федерацию; игнорирующих определенные законом сроки правомерного присутствия в стране; нарушивших порядок транзитного пересечения территории страны.

В то же время с учетом разницы в доктрине и содержании национального законодательства очевидным является не только языковой барьер, но и потенциальные возможности информационного ресурса, позволяющего установить персональные данные субъекта административного правонарушения. Именно специфичность административно-правовой деликтоспособности неграждан Российской Федерации позволяет согласиться с мнением специалистов Восточно-Сибирского института МВД России, которыми отмечено, что особый статус указанных лиц оказывает влияние как на материальную сторону привлечения к административной ответственности, так и на процедурные аспекты ее применения [4, с. 37]. Несомненно, существуют правовые нормы, которые устанавливают, что административная ответственность для иностранных граждан и лиц без гражданства, не обладающих экстерриториальным иммунитетом, имеет свои особенности. Данная категория лиц несет ответственность при нарушении отдельных норм права, содержанием которых экономический, социальный и юридический потенциал российских граждан не ограничивается. При этом следует понимать, что вышеуказанная категория физических лиц выступает в качестве общего субъекта в случаях выполнения юридической квалификации административного правонарушения, за совершение которого административное наказание возможно и в отношении гражданина России. В такого рода правовой прогрессии отдельного внимания заслуживает административная ответственность иностранцев и лиц без гражданства по фактам совершения ими деяний, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ.

В КоАП РФ общественные отношения, связанные с охраной здоровья граждан от неправомерного посягательства, в основном регулируются в положениях, содержащихся в шестой главе. Одной из коренных в данном комплексе административно-правовых норм является ст. 6.1.1, устанавливающая ответственность за нанесение побоев, то есть действий, причинивших физическую боль или телесные повреждения. Важным юридическим последствием является то, что если такое административное правонарушение совершено повторно в течение года, то оно переходит в разряд уголовно наказуемых деяний и предполагает ответственность уже по ст. 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Актуальность рассматриваемого вопроса подтверждают научные публикации Ю.Н. Сосновской и Э.В. Маркиной, в которых отмечено, что в настоящее время прослеживается тенденция к увеличению совершения преступлений в Российской Федерации такой категорией лиц, как иностранные граждане и лица без гражданства [5, с. 110]. В том же ряду стоит проблема латентных семейных конфликтов, сопровождающихся физическим насилием. Этот аспект может быть недооценен, так как официальные статистические данные отражают лишь незначительное количество случаев побоев.

Учитывая закономерности, основанные преимущественно на фактах, можно выдвинуть весомый аргумент, опирающийся на статистические данные Судебного департамента Российской Федерации. Согласно этим данным, наблюдается неуклонный рост числа дел об административных правонарушениях, возбужденных по фактам причинения побоев иностранными гражданами и лицами без гражданства России, хотя подобные правонарушения не охватываются содержанием главы 18 КоАП РФ, регламентирующей реакцию государства на административные правонарушения, совершаемые иностранными гражданами. Следует подчеркнуть то обстоятельство, что многие факты совершения побоев указанной категорией физических лиц во многом обусловлены транснациональным характером отношений, и для обеспечения общественной безопасности критически важно, чтобы при проверке любого конфликта, где замешан иностранный гражданин, в обязательном порядке проверялся его идеологический контекст. Первостепенная задача – установить, действовал ли нарушитель из чувства ненависти или вражды к представителю иной расы или нации, что является квалифицирующим признаком для ст. 116 УК РФ.

Все доводы, образующиеся в ходе правовой квалификации побоев, нанесенных иностранцем,

должны основываться на анализе субъективной стороны. Основная задача здесь заключается не в простом подтверждении виновности лица, а в детальном установлении конкретных мотивов, которыми оно руководствовалось при совершении противоправных действий. Соответственно, юридический акцент смещается с констатации факта правонарушения на выяснение его побудительных причин. Принципиальным в данном случае является учет его полимотивированности. Согласно действующей редакции ст. 116 УК РФ любые проявления побоев, мотивированные хулиганскими, политическими, идеологическими, религиозными, расовыми, национальными побуждениями, должны квалифицироваться в качестве преступления. В случае совершения правонарушителем-иностранцем насильственных действий в ходе ссоры либо драки постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45¹ судам рекомендовано выяснять, кто явился их инициатором, не был ли конфликт спровоцирован для использования его в качестве повода к совершению противоправных действий, особенно в том случае, если зачинщиком ссоры или драки явился потерпевший, или когда поводом к конфликту послужило его противоправное поведение и хулиганские побуждения в содеянном отсутствуют. Кроме этого, нуждается в уточнении наличие достаточных межличностных причин, таких как зависть, месть или ревность.

В силу сказанного выше практически абсолютным условием для иностранных граждан и лиц без гражданства, прибывающих на территорию России, является их национальная либо расовая принадлежность. Если в основу квалификации конфликта с участием данной категории граждан положен мотив, обусловленный хулиганскими побуждениями, расовой, национальной или религиозной ненавистью или враждой, то такого рода признак является экстремистским, и для уверенной его квалификации необходимо обращаться к позиции, изложенным в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11². Однако в данном постановлении среди прочего сказано (абз. 3 п. 3), что преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2008. – № 1.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011 г. – № 8.

или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, следует отграничивать от преступлений, совершенных на почве личных неприязненных отношений.

Для правильного установления мотива правонарушения следует учитывать, в частности, длительность межличностных отношений иностранного гражданина или лица без гражданства с потерпевшим, будь он гражданином Российской Федерации либо таким же иностранцем, что указывает на определенный срок присутствия иностранного гражданина на территории российского государства в составе некой социальной общности (трудовой коллектив, семья и т.п.).

Аналитическая оценка критериев побоев как межличностного инцидента, выразившегося в конфликте между физическими лицами, основанном на отклонениях в их потребностях и интересах, делает возможным понять, что первичные разногласия, вызвавшие конфликт в форме побоев, выражаются и в общих тенденциях, и в преступлении, и в административном правонарушении (ст. 116 УК РФ; ст. 6.1.1. КоАП РФ). Тем не менее обострение фактических взглядов сторон в конфликте и темпы их противостояния весьма выразительно указывают на соответствующие признаки противоправного поведения.

Таким образом, принципиальный алгоритм квалифицированных мероприятий, направленных на выявление признаков преступного поведения, предусмотренных в ст. 116 УК РФ, перетекает в оценку возможных маркеров, свойственных составу преступления, установленного в ст. 116.1 УК РФ, и лишь затем возможно квалифицированное обоснование действий, совершенных иностранным гражданином или лицом, не обладающим гражданством, в рамках состава административного правонарушения, предусмотренного в ст. 6.1.1. КоАП РФ. Опираясь на научные взгляды В.Н. Курченко, согласно которым правонарушение – это социальный и правовой конструкт [6, с. 19], уточним правовую позицию, закрепленную в ст. 2.1 КоАП РФ, где административное правонарушение рассматривается как противоправное, виновное и наказуемое действие. Иначе говоря, формальное определение административного правонарушения не содержит признака общественной опасности, и, действительно, первичные разногласия между физическими лицами нет оснований считать общественно опасными, так как они конструктивно еще не входят в понятие конфликта. Побой – это взаимодействие участников конфликта, вытекающее из смысла и структуры противоречий, которые формируют их динамику и специфику.

На территории России каждый год значительно увеличивается численность иностранных граждан и лиц без гражданства. В частности, по данным, отражающим количественное значение иностранцев, прибывающих в Россию по разному рода основаниям, это количество в 2020 году составляло 9,7 млн человек, в 2021 году – 12,1 млн, в 2022 году – 13,1 млн и в 2023 году – 15,4 млн³. Начальником главного управления по вопросам миграции МВД России в выступлении на в XXVIII Петербургском экономическом форуме было отмечено, что показатели вернулись к допандемийным значениям. За 2024 год прибыло порядка 6,3 млн иностранных граждан, из них около 50% – с трудовой целью⁴. Соответственно, тенденция к увеличению случаев совершения иностранными гражданами и лицами без гражданства административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ, становится очевидной.

Результаты исследования показывают, что наибольший объем дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1. КоАП РФ, приходится на долю районных судов. На таком фоне законодательная фиксация поводов к возбуждению дел об административных правонарушениях о причинении побоев, определение критериев санкционного воздействия, закрепление алгоритма принятия и пересмотра юрисдикционных решений очень часто допускает имплементацию методики, свойственной уголовно-правовому процессу. Такого рода диспозитивность не достигла уровня полного замещения, однако в сфере административного правоприменения стала восприниматься в виде имитации упрощенного уголовно-правового воздействия. В такой ситуации необходимо учитывать то, что Федеральным законом от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»⁵ предусмотрена возможность, позволяющая иностранному гражданину, обладающему правом на временное проживание, свободно покинуть место проживания в Российской Федерации на основании предъявленных документов, удостоверяющих личность, в совокупности с визой. В то же время совершенно очевидно,

³ См.: Портал судебной статистики Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://stat.apn-press.pf/stats/adm/t/31/s/1>

⁴ Начальник ГУВМ МВД России генерал-лейтенант полиции Валентина Казакова принимает участие в XXVIII Петербургском экономическом форуме [Электронный ресурс]. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/news/item/66303474

⁵ Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (ред. от 20 января 2026 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

что многие иностранцы могут пересечь границу Российской Федерации в безвизовом порядке. Таким образом, действующее законодательство не создает препятствий для выезда иностранного гражданина или лица без гражданства в период, когда участковым уполномоченным полиции проводится административное расследование по событиям, предусматривающим административную ответственность по ст. 6.1.1 «Побои» КоАП РФ.

Проводимое по этой проблеме исследование позволяет отметить, что покинуть территорию России после поступления заявления от потерпевшего лица по факту нанесения побоев иностранец или лицо без гражданства может в период проведения проверки в порядке ст. 144 и 145 УПК РФ – в срок до трех суток либо после его продления. Более того, при вынесении определения о проведении судебной экспертизы возможность выехать с территории России опосредуется сроком до 30 суток (с возможным его продлением). Характеризуя данный момент, следует подчеркнуть еще один аспект процессуального характера: когда по факту нанесения побоев уполномоченное должностное лицо проводит проверку, то срок ее проведения не предполагает до начала административного расследования применения отдельных мер административно-процессуального обеспечения.

Представленная проблема не теряет своей актуальности на фоне тех процессуальных вопросов, которые имеют место в случаях если лица, не обладающие российским гражданством, допускают предусмотренные КоАП РФ акты противоправных действий (бездействий) в России вообще и предусмотренные ст. 6.1.1 в частности. Указанные нарушения предписывают негражданам покинуть территорию страны. Дальнейшее разбирательство существенно осложняется, при этом особого порядка досудебного производства, на который в своем исследовании указывают В.В. Мелешко и М.В. Костенников [7, с. 141–147], а также А.А. Байрамов [8, с. 53–59], в нашем случае не предусмотрено.

Согласно процессуальным требованиям, предусмотренным в ч. 2 ст. 25.1 КоАП РФ, рассмотрение дела обычно требует присутствия привлекаемого к ответственности субъекта. Что же касается заочного рассмотрения дела, на наш взгляд, уместно обратиться к известной точке зрения А.П. Шергина [9, с. 3–7] о том, что компетентными участниками правоприменительной деятельности сформированы определенные стереотипы об императивности КоАП РФ. Однако эволюционное совершенствование в процессуальном разделе данного закона подтверждает усложненность основных позиций в производстве по делам и иного не предполагает,

так как на повышение общественной опасности административных правонарушений во многом влияет декриминализация отдельных составов преступлений [10, с. 43].

Действительно, заочное рассмотрение материалов дела, по которому предусмотрена административная ответственность за причинение побоев, допустимо только в строго определенных ситуациях:

1) если это прямо предусмотрено ст. 28.6 (ч. 3) КоАП РФ;

2) если доказано, что лицо было уведомлено о времени и месте проведения слушания по делу;

3) если лицо не запросило переноса слушания, либо если такое ходатайство было отклонено.

Крайне важно в таких случаях принимать во внимание установленные законом сроки давности. В то же время следует помнить, что срок давности прерывается, если нарушитель уклоняется от исполнения наказания. В такой ситуации новый отсчет возобновляется с момента, когда скрывшийся правонарушитель будет обнаружен.

С учетом вышесказанного и с целью исключить преобразование действующих мер административно-процессуального обеспечения в полумеры считаем необходимым дополнить ст. 6.1.1 КоАП РФ частью второй следующего содержания: действия, указанные, в части 1 настоящей статьи, совершенные иностранным гражданином или лицом без гражданства, влекут наложение административного штрафа в размере от пяти тысяч до тридцати тысяч рублей либо административный арест на срок от десяти до пятнадцати суток, либо административное выдворение за пределы Российской Федерации, либо обязательные работы на срок от шестидесяти до ста двадцати часов.

Сам факт административного выдворения иностранного гражданина или лица без гражданства – будь оно основным или дополнительным наказанием – автоматически влечет за собой комплекс мер репрессивного содержания. Соответственно, как только решение судьи об административном наказании обретает юридическую силу, для иностранца, покинувшего Российскую Федерацию после причинения побоев, автоматически наступают следующие юридические последствия: его присутствие в пределах государства становится нелегальным на период до пяти лет, параллельно он лишается доступа к образовательным программам (если проходил обучение), аннулируется его право на труд и статус временно проживающего. Наличие судебного решения формирует правовую почву для запрета на последующие попытки въезда в Российскую Федерацию.

Таким образом, воздействие комплекса геополитических обстоятельств и складывающейся

в государстве новой правовой реальности закономерно требуют эволюции взглядов на привлечение к ответственности за нанесение побоев, предусмотренных ст. 6.1.1. КоАП РФ. В данном

ключе особенно актуальным становится системное изучение результативности административных наказаний, применяемых к иностранным гражданам и лицам без гражданства.

Литература

1. **Захаров П.А.** К вопросу о современном состоянии правового регулирования административного расследования: фундаментальные противоречия и перспективы // Военное право. – 2022. – № 1 (71). – С. 88–99.
2. **Блинова Ю.В.** Личный закон иностранцев, незаконно пребывающих на территории Российской Федерации // Вопросы современной науки и практики. – 2023. – № 2 (9). – С. 5–8.
3. **Снитко О.Г.** Иностранные граждане и лица без гражданства как специальные субъекты административной ответственности // NovaUm.Ru. – 2021 г. – № 31. – С. 163–166.
4. **Краев Е.Ю., Никифорова Е.А., Якимова Е.М.** Пограничный вопрос: сложности привлечения иностранных граждан и лиц без гражданства к административной ответственности // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2025. – № 1 (27). – С. 35–40.
5. **Сосновская Ю.Н., Маркина Э.В.** К вопросу об административной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 3. – С. 109–114.
6. **Курченко В.Н.** Парадигма административной преюдиции в уголовном праве // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 2. – С. 10–21.
7. **Мелешко В.В., Костенников М.В.** О специальном (заочном) производстве в уголовном процессе Республики Беларусь и российской Федерации // Вестник ВИПК России. – 2025. – № 2 (74). – С. 141–147.
8. **Байрамов А.А.** Проблемы, возникающие при производстве по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 6.1.1 КоАП РФ «Побои» // Научный портал МВД России. – 2024. – № 1. – С. 53–59.
9. **Шергин А.П.** Процессуальная составляющая правового регулирования административной ответственности // Административное право и процесс. – 2010. – № 3. – С. 3–7.
10. **Федорова И.В.** К вопросу о практике назначения административных наказаний за побои (на примере Усть-Куломского суда Республики Коми) // Вестник. Государство и право. – 2022. – № 1 (32). – С. 40–44.

References

1. **Zaharov P.A.** K voprosu o sovremennom sostoyanii pravovogo regulirovaniya administrativnogo rassledovaniya: fundamental'nye protivorechiya i perspektivy // Voennoe pravo. – 2022. – № 1 (71). – S. 88–99.
2. **Blinova Yu.V.** Lichnyy zakon inostrancev, nezakonno prebyvayushchih na territorii Rossijskoj Federacii // Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. – 2023. – № 2 (9). – S. 5–8.
3. **Snit'ko O.G.** Inostrannye grazhdane i lica bez grazhdanstva kak special'nye sub'ekty administrativnoj otvetstvennosti // NovaUm.Ru. – 2021 g. – № 31. – S. 163–166.
4. **Kraev E.Yu., Nikiforova E.A., Yakimova E.M.** Pogranichnyy vopros: slozhnosti privlecheniya inostrannykh grazhdan i lic bez grazhdanstva k administrativnoj otvetstvennosti // Nauchnyy dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2025. – № 1 (27). – S. 35–40.
5. **Sosnovskaya Yu.N., Markina E.V.** K voprosu ob administrativnoj otvetstvennosti inostrannykh grazhdan i lic bez grazhdanstva na territorii Rossijskoj Federacii // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2023. – № 3. – S. 109–114.
6. **Kurchenko V.N.** Paradigma administrativnoj preyudicii v уголовном праве // Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. – 2018. – № 2. – S. 10–21.
7. **Meleshko V.V., Kostennikov M.V.** O special'nom (zaochnom) proizvodstve v уголовном процессе Respubliki Belarus' i rossijskoj Federacii // Vestnik VIPK Rossii. – 2025. – № 2 (74). – S. 141–147.
8. **Bajramov A.A.** Problemy, vznikayushchie pri proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyah, predusmotrennykh stat'ej 6.1.1 KoAP RF «Poboi» // Nauchnyy portal MVD Rossii. – 2024. – № 1. – S. 53–59.
9. **Shergin A.P.** Processual'naya sostavlyayushchaya pravovogo regulirovaniya administrativnoj otvetstvennosti // Administrativnoe pravo i process. – 2010. – № 3. – S. 3–7.
10. **Fedorova I.V.** K voprosu o praktike naznacheniya administrativnykh nakazaniy za poboi (na primere Ust'-Kulomskogo suda Respubliki Komi) // Vestnik. Gosudarstvo i pravo. – 2022. – № 1 (32). – S. 40–44.

(статья сдана в редакцию 11.02.2026)

Оценка эффективности деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации (на примере Орловской области)

Assessment of the effectiveness of the activities of the executive bodies of the subjects of the Russian Federation (on the example of the Orel region)

УДК 342

Е.В. Павлова,

кандидат юридических наук, доцент
(Орловский юридический институт
МВД России имени В.В. Лукьянова,
Россия, Орел)
pavlova.evgenia.78@yandex.ru

Evgeniya V. Pavlova,

Candidat of Law, Associate Professor
(Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of
the Interior of Russia,
Orel, Russia)

Аннотация: в современных условиях развития российского государства особое значение приобретает эффективное функционирование и организация публичной власти в субъектах Российской Федерации. Именно на региональном уровне происходит практическая реализация большинства управленческих решений, которые, в свою очередь, затрагивают социально-экономическое развитие территорий, уровень и качество жизни населения, а также обеспечивают права и законные интересы граждан. В связи с этим вопросы организации и функционирования публичной власти в субъектах Российской Федерации требуют постоянного научного анализа и осмысления. Устройство Российской Федерации предполагает сочетание единой системы публичной власти и самостоятельности субъектов Федерации: с одной стороны, взаимодействие регионов в рамках федерального законодательства и общих принципов государственного управления, с другой стороны, использование права самостоятельно формировать систему органов государственной власти и определять приоритеты регионального развития. Рассматриваемое сочетание довольно часто порождает проблемы, связанные с разграничением полномочий, эффективностью управленческих решений и взаимодействием между уровнями власти, что напрямую влияет на результативность публичной власти. Кроме того, следует учесть значительные различия между субъектами Российской Федерации по уровню социально-экономического развития, управленческим возможностям и применяемым моделям публичного управления.

Сравнительное изучение организации публичной власти в российских регионах позволяет не только обнаружить общие закономерности, но и оценить влияние региональных особенностей на эффективность управления. В этой связи анализ модели публичной власти в Орловской области приобретает особую ценность, поскольку регион обладает сформированной системой управления и устойчивой социальной политикой, что дает возможность изучить успешный опыт субъекта Российской Федерации. Данный субъективный опыт позволяет выявить практические аспекты повышения эффективности публичной власти и определить направления ее дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: публичные органы; субъекты Российской Федерации; исполнительная власть; критерии оценки эффективности; сравнительное изучение

Для цитирования: Павлова Е.В. Оценка эффективности деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации (на примере Орловской области) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 2. – С. 10–14.

Abstract: in the current conditions of our country's development, the most effective functioning and organization of public power in the constituent entities of the Russian Federation are of particular importance. It is at the regional level that most management decisions are implemented, which in turn affect the socio-economic development of territories, the level and quality of life of the population, and ensure the rights and legitimate interests of citizens. Therefore, the issues of the organization and functioning of public power in the constituent entities of the Russian Federation require constant analysis and scientific understanding. The structure of the

Russian Federation involves a combination of both the unity of the public power system and the autonomy of the constituent entities. On the one hand, it is assumed that the regions should act within the framework of federal legislation and general principles of public administration, but on the other hand, they have the right to independently form a system of public authorities and determine the priorities of regional development. This combination often leads to problems related to the delineation of powers, the effectiveness of management decisions, and the interaction between different levels of government, which directly affects the performance of public authorities. Additionally, it should be noted that there are significant differences between the constituent entities of the Russian Federation in terms of their level of socio-economic development, management capabilities, and the models of public administration they use. A comparative analysis of the organization of public power in various regions allows us to identify both general patterns and regional features that affect the effectiveness of public power.

In this regard, the analysis of the organization of public power in the Oryol Region remains relevant, as this region is an example of a constituent entity of the Russian Federation with a well-established system of regional governance and a sustainable social policy. Studying the experience of this constituent entity allows us to identify practical aspects of improving the efficiency of public power and determine the directions for its further development.

Keywords: public authorities; subjects of the Russian Federation; executive power; performance evaluation criteria; comparative study

For citation: Pavlova E.V. Assessment of the effectiveness of the activities of the executive bodies of the subjects of the Russian Federation (on the example of the Orel region) // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 2. – P. 10–14.

Публичные органы исполнительной власти в Российской Федерации представляют собой ключевой элемент управления, обеспечивающий реализацию политики государства на всех уровнях. В Конституции Российской Федерации определено федеративное устройство государства, при этом значительная роль отводится органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации¹. Следует отметить, что их деятельность осуществляется на основе тесного взаимодействия с иными ветвями власти, а также федеральными органами, но при этом они являются самостоятельными. Как справедливо отмечает А.В. Петров, органы исполнительной власти реализуют комплекс разнообразных функций, позволяющих обеспечивать поступательное развитие как общества в целом, так и отдельных территорий [1, с. 48]. Подавляющее большинство ученых-правоведов говорят, что от слаженности взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и субъектов Российской Федерации во многом зависит эффективность реализуемой политики в государстве [2, с. 79; 3, с. 50; 4, с. 24; 5, с. 14; 6, с. 38].

Оценка эффективности деятельности публичных органов исполнительной власти требует четкого определения критериев, которые позволяют измерить степень достижения поставленных целей. В мировой практике выделяются два основных подхода: количественный, ориентированный на измерение результатов через статистические показате-

тели, и качественный, учитывающий субъективные оценки граждан и экспертов [7, с. 36]. Эти подходы не исключают, а дополняют друг друга, формируя комплексную систему анализа.

Следует отметить, что в субъектах Российской Федерации, в том числе и в Орловской области, четко определены количественные критерии оценки эффективности деятельности региональной власти, в первую очередь через призму реализации различных национальных проектов, таких как «Инфраструктура для жизни», «Молодежь и дети», «Семья», «Туризм и гостеприимство» и других. В 2025 году Орловская область утвердила 41 региональный проект, на реализацию которых было потрачено 8,2 млрд рублей.

Данные методы оценки находят свое выражение на официальных сайтах региональных органов государственной власти в общем доступе, что позволяет обеспечить прозрачность результатов. Однако критерии расчета достаточно сложны для восприятия обывателя, именно поэтому важными и эффективными остаются качественные методы, которые прежде всего оценивают уровень удовлетворенности по основным показателям оценки. Также эти методы реализуются в основном через призму проводимых социологических исследований среди населения региона, что позволяет соотносить результаты количественных и качественных методик исследования. Качественные методы, напротив, фокусируются на субъективных аспектах управления. Социологические опросы населения позволяют определить уровень доверия к органам власти, а экспертные интервью выявляют системные проблемы, не всегда очевидные в статистических

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

отчетах. Например, исследование, проведенное в 2025 году среди жителей Орловской области, показало, что 42% респондентов недовольны качеством медицинских услуг, несмотря на формальное выполнение регионом федеральных нормативов по количеству больничных коек². При этом следует отметить, что рассматриваемому методу всегда присущ некоторый субъективизм, связанный с индивидуальным восприятием действительности либо с определенным негативным опытом человека, который не всегда имеет отношение к предоставляемой услуге. Вместе с тем именно указанный метод наиболее продуктивно воздействует на региональную власть, позволяя обратить внимание на проблемы, требующие незамедлительного разрешения.

Заслуживает внимания и ежегодный рейтинг субъектов Российской Федерации, позволяющий руководству государства увидеть объективную картину оценки эффективности деятельности публичной власти региона в целом и его главы, а населению – сформировать собственное мнение об объективности отраженных в рейтинге критериев оценки. Однако при учете мнения населения следует активнее пользоваться различным цифровым инструментарием, в том числе и искусственным интеллектом, социальными платформами [8, с. 6957], что позволит дистанционно и объективно оценить работу региональных органов власти. Внедрение подобных технологий в Орловской области пока находится на начальном этапе, но уже демонстрирует потенциал для повышения прозрачности управления.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» определен двадцать один показатель, определяющий деятельность как главы субъекта, так региональных органов власти³. Анализ вышеуказанных критериев позволяет сделать вывод, что в подавляющем большинстве они имеют количественные характеристики (численность населения, коэффициент рождаемости и т.д.), что, с одной стороны, указывает на прозрачность и доступность информации об их реализации, а с другой – может препятствовать формированию объективной картины, основанной на мнении населения конкретного

региона об уровне удовлетворенности деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации.

Следует учесть, что вышеуказанные критерии находят свое выражение в публичном пространстве: в частности, в Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата⁴ ежегодно публикуются сведения об экономической привлекательности конкретного региона, что, в свою очередь, свидетельствует о наличии рабочих мест, стабильно высокой заработной плате и т.д. Подобные инструменты не только стимулируют конкуренцию между регионами, но и позволяют выявить лучшие практики для их дальнейшего тиражирования.

Остановимся на отдельных аспектах оценки эффективности деятельности органов публичной власти Орловской области и развития региона в целом.

Орловская область, расположенная в Центральном федеральном округе, занимает площадь 24,7 тыс. кв. км и граничит с шестью субъектами Российской Федерации, включая Калужскую, Тульскую и Курскую области. Географическое положение региона, находящегося в зоне умеренно-континентального климата с плодородными черноземными почвами, исторически определило его аграрную специализацию⁵. В последние годы область сталкивается с комплексом социально-экономических вызовов, требующих адаптации стратегий управления.

Демографическая ситуация в регионе остается напряженной. По данным Росстата, численность населения Орловской области сократилась с 757 886 человек в 2000 году до 692 486 в 2023 году, что обусловлено естественной убылью и миграционным оттоком молодежи в столичные регионы. Доля лиц старшего трудоспособного возраста превышает 30%, создавая нагрузку на систему здравоохранения и социальной защиты. При этом плотность населения (около 29 чел/кв. км) ниже среднероссийского показателя, что осложняет обеспечение доступности услуг в сельской местности [9, с. 16–24]. Экономика области имеет выраженную аграрно-промышленную направленность. Доля сельского хозяйства в ВРП составляет 18%, что почти вдвое выше среднего уровня по ЦФО. Ключевые отрасли включают растениеводство (производство зерна, сахарной свеклы) и животноводство, а также машиностроение (производство дорожной техники) и пищевую

² Социально-экономическое положение Орловской области за 2025 год [Электронный ресурс]. – URL: [https://57.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Doklad_2025\(1\)](https://57.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Doklad_2025(1)) (дата обращения: 09.02.2026).

³ Указ Президента Российской Федерации от 28 ноября 2024 г. № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

⁴ Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата: методика и результаты [Электронный ресурс]. – URL: <https://asi.ru> (дата обращения: 29.01.2026).

⁵ Информационный паспорт Орловской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ru/ru-ori/2009942/> (дата обращения: 29.01.2026).

промышленность. Однако, как отмечают эксперты, регион испытывает дефицит высокотехнологичных производств и инновационных технологий [10, с. 24].

Для Орловской области ключевыми критериями эффективности могут стать:

- социально-экономические показатели: уровень безработицы, объем инвестиций в основной капитал, доступность жилья;
- качество услуг: время ожидания в очереди на медицинскую помощь, оснащенность школ, доля цифровых государственных услуг;
- удовлетворенность населения: данные социологических опросов о доверии к местной администрации и оценке работы чиновников.

При этом в отчете Губернатора Орловской области А.Е. Клычкова особо подчеркнута ориентированность субъекта на сельское хозяйство, а также на переработку сельхозпродукции, что в совокупности позволяет привлечь инвесторов, создать новые рабочие места и использовать полученные доходы для развития социальной и культурной сфер. Следует отметить, что публичная власть выступает не только как механизм управления, но и как инструмент поддержания социальной стабильности и развития территории. В то же время существующие проблемы в организации публичной власти указывают на необходимость дальнейшего совершенствования управленческих механизмов и повышения качества взаимодействия власти с населением. Эффективность публичной власти не может рассматриваться как статичное состояние, поскольку она требует постоянной адаптации к новым вызовам и изменениям общественных запросов. Устойчивость региональной системы публичной власти напрямую зависит от ее способности обеспечивать баланс между централизованным управлением и учетом региональной специфики [11, с.113].

В целом проблема организации публичной власти в субъектах Российской Федерации должна, на наш взгляд, сводиться к поиску оптимального

соотношения между формальными правовыми конструкциями и реальным содержанием управленческой деятельности. Эффективная публичная власть – это не только наличие выстроенной системы органов и нормативных актов, но прежде всего способность этой системы обеспечивать устойчивое развитие региона, социальную справедливость и доверие граждан. Рассмотрение данной проблемы в контексте региона позволяет сделать вывод о том, что именно качество регионального управления является одним из ключевых факторов эффективности публичной власти в Российской Федерации в целом.

Опыт Орловской области показывает, что при условии последовательной региональной политики, четкой координации деятельности органов исполнительной и законодательной власти, активного взаимодействия с муниципальными образованиями и ориентации на реальные потребности населения достигается эффективность публичной власти. Практика региона подтверждает, что устойчивость системы управления формируется не только за счет правовых механизмов, но и благодаря системной работе по реализации социально-экономических программ, развитию инфраструктуры и поддержанию социальной стабильности.

Таким образом, эффективность организации публичной власти в субъектах Российской Федерации определяется совокупностью правовых, организационных, финансовых и социальных факторов. Она выражается не только в формальном исполнении полномочий, но и в способности органов власти обеспечивать устойчивое развитие территории, создавать благоприятные условия для жизни населения и поддерживать общественную стабильность. В современных условиях повышение эффективности публичной власти должно рассматриваться как непрерывный процесс совершенствования управленческих механизмов, направленный на укрепление регионального развития и повышение качества жизни граждан.

Литература

1. **Петров А.В.** Функции исполнительной власти в системе государственного управления // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С. 45–52.
2. **Смирнова О.А.** Региональное управление в условиях федерализма: проблемы и перспективы. – Москва: Проспект, 2022. – 235 с.
3. **Матина А.С.** Основы и формы взаимодействия федерального органа исполнительной власти с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. – 2025. – № 4 (65). – С. 49–51.
4. **Самситдинов И.З., Сергеева А.В.** Повышение эффективности взаимодействия федеральных и региональных органов государственной исполнительной власти в Республике Башкортостан // Право и государственность. – 2024. – № 4 (5). – С. 23–26.
5. **Ибрагимов О.А.** Актуальные проблемы внутрисистемного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти // Государственная власть и местной самоуправления. – 2024. – № 5. – С. 14–17.
6. **Михайлова Л.Л.** Концептуальная правовая основа формирования информационного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и гражданского общества // Государственная власть и местной самоуправления. – 2024. – № 9. – С. 37–40.
7. **Иванов С.К.** Методология оценки эффективности государственного управления // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2021. – № 4. – С. 34–42.

8. **Рязанцева М.В.** Цифровая трансформация государственного управления // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14. – № 11. – С. 6951–6962.
9. **Кузнецова М.И.** Проблемы оценки эффективности региональной власти в России // Регионология. – 2020. – № 3. – С. 67–75.
10. **Костин А.В.** Промышленная политика регионов ЦФО: вызовы и перспективы // Экономика региона. – 2022. – № 4. – С. 23–31.
11. **Громов А.А.** Управление аграрными регионами: вызовы и решения. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2021. – 118 с.

References

1. **Petrov A.V.** Funkcii ispolnitel'noj vlasti v sisteme gosudarstvennogo upravleniya // Zhurnal rossijskogo prava. – 2020. – № 5. – С. 45–52.
2. **Smirnova O.A.** Regional'noe upravlenie v usloviyah federalizma: problemy i perspektivy. – Moskva: Prospekt, 2022. – 235 s.
3. **Matina A.S.** Osnovy i formy vzaimodejstviya federal'nogo organa ispolnitel'noj vlasti s organami ispolnitel'noj vlasti sub'ektov Rossijskoj Federacii // Rossijskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy. – 2025. – № 4 (65). – С. 49–51.
4. **Samsitdinov I.Z., Sergeeva A.V.** Povyshenie effektivnosti vzaimodejstviya federal'nyh i regional'nyh organov gosudarstvennoj ispolnitel'noj vlasti v Respublike Bashkortostan // Pravo i gosudarstvennost'. – 2024. – № 4 (5). – С. 23–26.
5. **Ibragimov O.A.** Aktual'nye problemy vnutrisistemnogo vzaimodejstviya federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoj samoupravlenie. – 2024. – № 5. – С. 14–17.
6. **Mihajlova L.L.** Konceptual'naya pravovaya osnova formirovaniya informacionnogo vzaimodejstviya federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti i grazhdanskogo obshchestva // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoj samoupravlenie. – 2024. – № 9. – С. 37–40.
7. **Ivanov S.K.** Metodologiya ocenki effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. – 2021. – № 4. – С. 34–42.
8. **Ryazanceva M.V.** Cifrovaya transformaciya gosudarstvennogo upravleniya // Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo. – 2024. – Т. 14. – № 11. – С. 6951–6962.
9. **Kuznecova M.I.** Problemy ocenki effektivnosti regional'noj vlasti v Rossii // Regionologiya. – 2020. – № 3. – С. 67–75.
10. **Kostin A.V.** Promyshlennaya politika regionov CFO: vyzovy i perspektivy // Ekonomika regiona. – 2022. – № 4. – С. 23–31.
11. **Gromov A.A.** Upravlenie agrarnymi regionami: vyzovy i resheniya. – Sankt-Peterburg: SPbGU, 2021. – 118 s.

(статья сдана в редакцию 19.02.2026)

Некоторые проблемы организации деятельности участковых уполномоченных полиции по контролю за соблюдением миграционного законодательства

Some problems of organizing activities of district police officers to monitor compliance with migration laws

УДК 342.5

Е.Г. Афонина,
кандидат юридических наук
(Орловский юридический институт
МВД России имени В.В. Лукьянова,
Россия, Орел)
Evg.afonina@mail.ru

Evgenia G. Afonina,
Candidate of Law
(Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of
the Interior of Russia,
Orel, Russia)

Аннотация: статья посвящена анализу отдельных проблем, возникающих в деятельности участковых уполномоченных полиции при осуществлении полномочий по контролю за соблюдением миграционного законодательства. В современных условиях роль полиции в регулировании миграционных процессов становится особенно значимой, поскольку динамика миграционных потоков постоянно меняется под влиянием экономических, социальных и других факторов. Увеличение масштабов миграционных процессов как внутренней, так и внешней миграции приводит к усложнению криминогенной обстановки, появлению новых угроз общественной безопасности, необходимости оперативного реагирования на возникающие вызовы и угрозы. Участковые уполномоченные выступают первичным звеном в системе профилактики подобных явлений, выявления лиц, нарушающих миграционные правила, а также взаимодействия с местными органами власти, общественными организациями и собственниками жилых помещений. Важной частью указанного контроля является взаимодействие с подразделениями по вопросам миграции, с другими органами и ведомствами, участвующими в регулировании миграционных процессов. Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования действующего законодательства в области миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства и поиска новых форм и методов работы участковых уполномоченных полиции в данной области.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции; миграция; контроль; взаимодействие; профилактика

Для цитирования: Афонина Е.Г. Некоторые проблемы организации деятельности участковых уполномоченных полиции по контролю за соблюдением миграционного законодательства // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 2. – С. 15–20.

Abstract: the article is dedicated to the analysis of specific problems encountered by district police officers in the exercise of their powers to control compliance with migration legislation. In modern conditions, the role of the police in regulating migration processes is becoming particularly significant, as the dynamics of migration flows are constantly changing under the influence of economic, social, and other factors. The increasing scale of migration processes, both internal and external, leads to a worsening criminal situation, the emergence of new threats to public safety, and the need for prompt response to emerging challenges and threats. District police officers act as the primary link in the system of preventing such phenomena, identifying individuals who violate migration rules, and interacting with local authorities, public organizations, and property owners. An important part of control is interaction with migration departments, as well as with other bodies and agencies involved in regulating migration processes. The author concludes that it is necessary to improve the current legislation on the migration registration of foreign citizens and stateless persons, as well as to search for new forms and methods of work for district police officers in this area.

Keywords: district police officer; migration; control; interaction; prevention

For citation: Afonina E.G. Some problems of organizing activities of district police officers to monitor compliance with migration laws // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 2. – P. 15–20.

Государство посредством правового инструментария осуществляет регулирование общественных отношений в сфере миграции, и предусмотренная законодателем юридическая ответственность выдвигается в качестве одного из наиболее результативных средств в системе механизма воздействия на миграционные отношения [1, с. 24]. Важную роль в регулировании миграционных процессов играет деятельность органов внутренних дел, особенно полиция. Согласно пункту 33 статьи 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» к обязанностям полицейского относится участие в контроле за соблюдением правил миграционного законодательства лицами, въезжающими и находящимися на территории Российской Федерации¹. Надлежащее исполнение этих обязанностей обеспечивает поддержание правопорядка, предупреждение преступности среди мигрантов и повышение безопасности общества. Так, именно полиция выявляет случаи фиктивной регистрации, проверяет адреса проживания иностранных граждан, занимается профилактикой преступлений, связанных с миграцией, в том числе с торговлей людьми, незаконной организацией каналов миграции, нарушениями трудового и административного законодательства. Результативность этих действий во многом зависит от тесного взаимодействия полиции с органами, ответственными за предоставление государственных услуг мигрантам, а также с местными и региональными структурами власти. При этом административный контроль становится крайне актуальным в связи с увеличением миграционных потоков, ростом угроз безопасности и необходимостью обеспечить соблюдение правовых норм и обязанностей всех вовлеченных в миграционные процессы [2, с. 307].

В настоящее время утверждена Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы², которая определяет основные цели и задачи миграционной политики на определенный период. Серьезная и весьма эффективная работа проводится

подразделениями МВД России в области пресечения незаконной миграции [3, с. 31], причем системная роль полиции выражается в осуществлении учета иностранцев и лиц без гражданства, в подготовке материалов для принятия решений о выдворении из страны, в осуществлении депортации иностранных граждан, в гарантии соблюдения правовых норм в ходе административных процедур. Для повышения эффективности работы в данном направлении полиция широко использует современные технологии, электронные базы данных и средства мониторинга миграционных потоков. Взаимодействие с другими субъектами регулирования, такими как Федеральная служба безопасности России, Федеральная служба судебных приставов, органы прокуратуры, позволяет наладить системную работу по выявлению организованных каналов нелегального въезда, координировать усилия по обеспечению национальной безопасности и правопорядка. Особое значение имеет профилактическая работа полиции, направленная на повышение правовой грамотности населения, информирование иностранных граждан о необходимости соблюдения законодательства, предупреждение этнокриминальных проявлений.

Одним из направлений деятельности участкового уполномоченного полиции как сотрудника, работающего в непосредственном контакте с населением, является контроль за соблюдением гражданами и должностными лицами Российской Федерации правил регистрационного учета [4, с. 123]. Деятельность участковых уполномоченных полиции как субъекта профилактики правонарушений в сфере миграции четко регламентируется нормативными актами, такими как Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и приказ МВД России³, определяющий порядок несения службы и организацию работы участковых на закрепленных административных участках. Роль службы участковых уполномоченных полиции в противодействии незаконной миграции становится особенно значимой [5, с. 42], так как в процессе реализации такой формы деятельности, как профилактический обход административного участка, участковый уполномоченный полиции информирует граждан о действующем законода-

¹ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

² Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 42. – Ст. 6143.

³ Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

тельстве в сфере миграции, предупреждает о возможных мерах юридической ответственности за противоправные действия. Полученные сведения о жилых помещениях, арендаторах, в том числе иностранцах, позволяют своевременно выявлять нарушения миграционного законодательства.

В современной правоприменительной практике все чаще выявляются случаи использования так называемых резиновых квартир – жилых помещений небольшой площади, в которых временно проживает значительное число иностранных граждан, зачастую без надлежащей регистрации. Подобные ситуации не только нарушают права и законные интересы окружающих жителей, но и создают дополнительные риски для общественной безопасности и санитарно-эпидемиологического благополучия.

Характерный пример такого правонарушения нашел отражение в приговоре суда от 24 марта 2025 года. Так, согласно материалам дела, гражданка, являющаяся собственником квартиры, находясь в помещении ОМВД России, совершила действия по фиктивной постановке на миграционный учет иностранного гражданина, а именно: заполнила бланк уведомления о прибытии иностранного гражданина в место пребывания на имя Хушвахтчона (Хушвахтджона) Фатуллоевича; заверила документ своей подписью; указала в качестве места фактического проживания адрес принадлежащей ей квартиры. При этом судом установлено, что гражданка заведомо знала, что иностранный гражданин не будет фактически проживать (пребывать) по указанному адресу. У нее отсутствовало намерение предоставлять жилое помещение для постоянного проживания, что свидетельствует о фиктивности постановки на учет.

В последние годы фиксируется немалое количество случаев коррупционных действий среди отдельных сотрудников полиции⁴. Такие сотрудники, получая материальную выгоду, игнорируют факты проживания на территории обслуживаемых участков иностранных граждан, находящихся там нелегально, и не принимают меры для их выявления и пресечения нарушений миграционных правил. Одна из ключевых задач участкового уполномоченного полиции – обеспечение контроля за соблюдением правил пребывания и проживания на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства⁵. Для

этого необходимо проверять наличие документов: подтверждение постановки на миграционный учет, регистрацию по месту жительства, а также наличие разрешения на временное проживание или вида на жительство для иностранцев различных категорий.

При непосредственном выполнении служебных обязанностей участковый уполномоченный полиции активно использует информацию, полученную в ходе профилактического обхода, визуального наблюдения, рассмотрения заявлений граждан и оперативных опросов. Если во время профилактического обхода участковый уполномоченный полиции обнаруживает причины и условия, которые могут способствовать совершению правонарушений в сфере миграции, он должен обязательно сообщить об этом своему непосредственному руководителю. Руководитель, в свою очередь, инициирует направление представления в соответствующие органы или организации, независимо от их формы собственности, а также в общественные объединения с целью устранения этих причин и условий. Это позволяет предупредить новые нарушения и улучшить ситуацию в области миграции⁶.

В процессе работы участковый уполномоченный полиции выявляет административные правонарушения, относящиеся к миграционной сфере, что является одним из важных критериев оценки эффективности его деятельности. Сведения о выявленных нарушениях фиксируются в специальных таблицах, отражающих обстановку на обслуживаемой территории, и непосредственно влияют на показатели служебной деятельности участкового уполномоченного органа МВД России по району⁷. Таким образом, участковые уполномоченные полиции активно принимают участие в данном направлении деятельности полиции, так как их работа предполагает тесное общение с проживающими на участке мигрантами. По специфике своей должности они проводят работу с гражданами на постоянной основе, принимают участие в обеспечении правопорядка, розыске лиц, проводят профилактический обход административного участка [6, с. 35]. Следовательно, участковый уполномоченный полиции играет ключевую роль в предупреждении и профилактике правонарушений среди иностранных граждан на обслуживаемой территории. Участ-

⁴ Приговор Невского районного суда (г. Санкт-Петербург) № 1-644/2023 от 20 октября 2023 г. по делу № 1-644/2023 [Электронный ресурс]. – URL: www.sudact.ru (дата обращения: 12.02.2026).

⁵ Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁶ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 26 (ч. I). – Ст. 3851.

⁷ Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

ковые ответственные за своевременное обнаружение и пресечение нарушений миграционного законодательства, а их работа напрямую влияет на поддержание правопорядка и профилактику негативных последствий пребывания нелегальных эмигрантов, таких как рост этнических преступлений, конфликты между национальностями и распространение инфекционных заболеваний. Эффективность выполнения этих задач требует от участкового добросовестного отношения к службе и глубокого знания всех нормативных актов, регулирующих вопросы миграции.

В рамках обеспечения эффективного миграционного контроля важно подчеркнуть, что деятельность подразделений полиции в этой сфере должна быть не эпизодичной, а последовательной, системной и непрерывной. Регулярные плановые проверки и рейдовые мероприятия должны проводиться на постоянной основе, что позволит своевременно выявлять и пресекать нарушения правил пребывания иностранных граждан в Российской Федерации. Отмечая мнение Э. Исламовой относительно необходимости исключения действия Федерального закона № 294-ФЗ⁸ при проведении плановых проверок миграционного контроля, можно подчеркнуть, что установленная данным законом периодичность (не чаще одного раза в три года) является недостаточной для эффективного обеспечения миграционной безопасности, поскольку создает риск возникновения продолжительных периодов контроля без надзора, когда возможны нарушения миграционного законодательства [7].

Стоит отметить, что на сегодняшний момент в Министерстве внутренних дел Российской Федерации создана система учета, в которой содержится информация об иностранных гражданах, временно въезжающих на территорию страны, лицах без гражданства, временно или постоянно проживающих на территории России, а также о тех, кто является участниками государственных программ, например добровольный банк данных по учету иностранных граждан (далее – ЦБД УИГ) выступает специализированной информационной подсистемой, входящей в состав государственной системы миграционного учета и предназначенной для обеспечения межведомственного и внутриорганизационного взаимодействия органов власти и подразделений МВД России при решении задач миграционного контроля и учета. Использование ЦБД УИГ позволяет оперативно

обмениваться информацией о мигрантах, ускоряет процессы проверки данных, способствует выявлению нарушений, обеспечивает интеграцию усилий различных структур, а также поддерживает высокий уровень прозрачности и контроля при осуществлении миграционных процедур. Все это создает надежную основу для повышения эффективности деятельности в сфере миграционного контроля, а также для своевременного реагирования на вызовы, связанные с обеспечением миграционной безопасности [8, с. 140].

Единая база данных, используемая в органах внутренних дел для миграционного учета, зарекомендовала себя как эффективный инструмент межведомственного взаимодействия. Она обеспечивает обмен и обработку информации о миграционных процессах на государственном уровне.

Вместе с тем остается ряд проблем, которые существенно снижают эффективность внутриорганизационного взаимодействия. Одна из главных трудностей – ограниченность оперативного доступа сотрудников полиции территориальных органов МВД России, в том числе участковых уполномоченных, к Центральной базе данных учета иностранных граждан. Такая ситуация затрудняет их работу непосредственно на обслуживаемых административных участках, особенно при выявлении нарушений миграционного законодательства либо в ходе проведения профилактических мероприятий. Отсутствие быстрого доступа к актуальной информации существенно снижает возможности полиции быстро реагировать на нарушения и принимать своевременные решения. Кроме того, в работе с базой данных отмечается дублирование информации. Это обычно происходит при ошибках операторов или из-за некорректных сведений, которые иностранные граждане указывают при заполнении миграционных документов: даже незначительная корректировка букв в установочных данных может привести к созданию нового досье, что усложняет контроль и анализ сведений о конкретном человеке [9, с. 49].

Еще одной актуальной проблемой в сфере обеспечения миграционного контроля выступает чрезмерно высокая служебная нагрузка на участковых уполномоченных полиции. Помимо выполнения функций по контролю за соблюдением миграционного законодательства Российской Федерации участковые уполномоченные имеют широкий спектр обязанностей по обеспечению общественного порядка на административном участке и профилактике правонарушений различных категорий, а также ведут индивидуальную работу с различными категориями граждан, в том числе с лицами, состоящими на профилактических учетах, и группами повышенного социального риска.

⁸ Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [Электронный ресурс]. – URL ://www.pravo.gov.ru

В результате многозадачности и ограниченности временных и кадровых ресурсов участковым уполномоченным зачастую не хватает возможностей для полноценного выполнения задач по контролю в сфере миграции. Это снижает эффективность выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства, ведет к формальному подходу при проведении профилактических мероприятий и ослабляет общий уровень миграционной безопасности на обслуживаемых территориях. Решением обозначенной проблемы может стать комплексное совершенствование системы мотивации и отчетности в деятельности участковых уполномоченных, что позволит повысить личную заинтересованность сотрудников в исполнении данных обязанностей и в целом улучшить качество миграционного контроля на административных участках.

Недостаток правовых и методических знаний у части участковых также негативно сказывается на эффективности их деятельности. При этом действующее законодательство в сфере миграции характеризуется высокой сложностью и динамичностью нормативных изменений, в то время как система профессиональной подготовки участковых уполномоченных не обеспечивает достаточного уровня освоения соответствующих правовых норм. В качестве приоритетных мер следует рассмотреть повышение уровня профессиональной подготовки участковых уполномоченных, организацию регулярных учебных мероприятий, семинаров и тренингов по актуальным вопросам миграционного законодательства, расширение методической поддержки.

Важной проблемой является недостаточная материально-техническая база. Не все участковые обеспечены современными средствами связи, транспортом и доступом к автоматизированным базам данных, что снижает скорость проведения мероприятий по проверке лиц, находящихся на обслуживаемой территории. Для повышения эффек-

тивности деятельности полицейских необходимо совершенствовать материально-техническое обеспечение, предоставлять доступ к современным средствам связи и транспортным средствам, а также к актуальным базам данных о мигрантах, решать организационные, информационные, кадровые и материально-технические проблемы, а также осуществлять межведомственное взаимодействие и внедрение современных технологий.

Сотрудникам полиции при контроле миграционных процессов также надлежит особое внимание уделять повышению эффективности применения административно-правового инструментария при осуществлении регулирования процессов миграции, а также проводить работу по выявлению несовершенств действующего законодательства [10, с. 36]. В целом можно отметить, что сегодня роль и реальные масштабы взаимодействия участковых с подразделениями по вопросам миграции не до конца отражаются в нормативных документах. Фактически участковые уполномоченные, представляя наиболее многочисленное подразделение территориальных органов МВД России, осуществляют значительный объем работы, который зачастую выходит за рамки формально закрепленных функций. В то же время подразделения по вопросам миграции пока еще не всегда способны полностью самостоятельно выполнять все задачи по выявлению мигрантов-нарушителей непосредственно на обслуживаемых территориях. Для того чтобы участковые уполномоченные полиции наиболее эффективно осуществляли контроль за соблюдением иностранными гражданами правил пребывания в России, требуется четко конкретизировать их обязанности в этой области и детализировать вопросы взаимодействия с подразделениями по вопросам миграции. Это обеспечит слаженность действий, повысит оперативность реагирования и позволит более эффективно контролировать миграционные процессы на местах.

Литература

1. **Столбина Л.В., Панфилова О.В., Смиронов А.С.** Отдельные аспекты взаимодействия территориальных органов МВД России на транспорте с иными подразделениями по вопросам предупреждения и пресечения правонарушений в сфере миграции / Актуальные вопросы деятельности территориальных органов МВД России на транспорте: электронный сборник материалов Международной конференции, Белгород, 29 мая 2020 года. Том Выпуск 6. – Белгород: Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. И.Д. Путилина, 2020. – EDN: MNQEHH
2. **Абкадырова Д.Р., Джабраилова Л.А., Русанова С.Ю.** Правовые аспекты административного контроля за миграционными процессами / Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: сборник статей по результатам IV Международной научно-практической конференции, Симферополь, 1–4 апреля 2025 года. – Симферополь: Научный мир, 2025. С. 305–311.
3. **Исламова Э.** Вопросы обеспечения законности в миграционной сфере // Законность. – 2015. – № 5. – С. 20–24.
4. **Сахарова Т.А.** Деятельность участкового уполномоченного полиции по контролю за соблюдением миграционного законодательства гражданами Российской Федерации / Организация деятельности участкового уполномоченного полиции: учебник. – Санкт-Петербург: ООО «Р-КОПИ», 2017. С. 123–137.

5. **Зраева И.М., Зенина М.Г.** Актуальные вопросы взаимодействия участковых уполномоченных полиции и сотрудников подразделений по вопросам миграции при осуществлении контроля за соблюдением иностранными гражданами миграционного законодательства // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. – 2022. – № 20. – С. 41–42.
6. **Емельянов В.М.** Участие участковых уполномоченных полиции в обеспечении режима пребывания иностранных граждан на территории Тюменской области / Актуальные вопросы теории и практики применения административного, административно-деликтного и административно-процессуального законодательства в правоохранительной деятельности: сборник статей III Международной заочной научно-практической конференции, Могилев, 28 мая 2024 года. – Могилев: Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2024. С. 34–38.
7. **Новопавловская Е.Е.** О реформировании миграционного законодательства в контексте формирования человеческого капитала / Человеческий капитал как ключевой фактор социально-экономического развития региона: материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической междисциплинарной конференции, Белгород, 6–7 февраля 2020 года. – Белгород: АГПИТ, 2020. Том 2. С. 308–317.
8. **Макеева И.А.** Законодательное регулирование противодействия незаконной миграции: административно-правовой аспект / Деятельность органов внутренних дел по противодействию криминальным проявлениям в миграционной среде: материалы заочного внутриведомственного круглого стола. – Санкт-Петербург, 2020. С. 307–311.
9. **Обидин В.С., Столярова З.Н.** Центральный банк данных по учету иностранных граждан и лиц без гражданства: опыт создания и ведения // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 3. – С. 47–51.
10. **Скрипко А.С.** Роль МВД России в миграционных процессах // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 35. – С. 1859–1863.

References

1. **Stolbina L.V., Panfilova O.V., Smironov A.S.** Otdel'nye aspekty vzaimodejstviya territorial'nyh organov MVD Rossii na transporte s inymi podrazdeleniyami po voprosam preduprezhdeniya i presecheniya pravonarushenij v sfere migracii / Aktual'nye voprosy deyatel'nosti territorial'nyh organov MVD Rossii na transporte: elektronnyj sbornik materialov Mezhdunarodnoj konferencii, Belgorod, 29 maya 2020 goda. Tom Vypusk 6. – Belgorod: Belgorodskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii im. I.D. Putilina, 2020. – EDN: MNQEHH
2. **Abkadyrova D.R., Dzhabrailova L.A., Rusanova S.Yu.** Pravovye aspekty administrativnogo kontrolya za migracionnymi processami / Voprosy sudebnoj deyatel'nosti i pravoprimereniya v sovremennyh usloviyah: sbornik statej po rezul'tatam IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Simferopol', 1–4 aprelya 2025 goda. – Simferopol': Nauchnyj mir, 2025. S. 305–311.
3. **Islamova E.** Voprosy obespecheniya zakonnosti v migracionnoj sfere // Zakonnost'. – 2015. – № 5. – С. 20–24.
4. **Saharova T.A.** Deyatel'nost' uchastkovogo upolnomochennogo policii po kontrolyu za soblyudeniem migracionnogo zakonodatel'stva grazhdanami Rossijskoj Federacii / Organizaciya deyatel'nosti uchastkovogo upolnomochennogo policii: uchebnik. – Sankt-Peterburg: OOO «R-KOPI», 2017. S. 123–137.
5. **Zraeva I.M., Zenina M.G.** Aktual'nye voprosy vzaimodejstviya uchastkovykh upolnomochennykh policii i sotrudnikov podrazdelenij po voprosam migracii pri osushchestvlenii kontrolya za soblyudeniem inostrannymi grazhdanami migracionnogo zakonodatel'stva // Vestnik obrazovatel'nogo konsorciuma Srednerusskij universitet. Seriya: Yurisprudenciya. – 2022. – № 20. – С. 41–42.
6. **Emel'yanov V.M.** Uchastie uchastkovykh upolnomochennykh policii v obespechenii rezhima prebyvaniya inostrannykh grazhdan na territorii Tyumenskoj oblasti / Aktual'nye voprosy teorii i praktiki primeneniya administrativnogo, administrativno-deliktnogo i administrativno-processual'nogo zakonodatel'stva v pravoohranitel'noj deyatel'nosti: sbornik statej III Mezhdunarodnoj zaочноj nauchno-prakticheskoy konferencii, Mogilev, 28 maya 2024 goda. – Mogilev: Mogilevskij institut MVD Respubliki Belarus', 2024. S. 34–38.
7. **Novopavlovskaya E.E.** O reformirovanii migracionnogo zakonodatel'stva v kontekste formirovaniya chelovecheskogo kapitala / Chelovecheskij kapital kak klyuchevoj faktor social'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona: materialy Vserossijskoj очно-заочноj nauchno-prakticheskoy mezhdisciplinarnoj konferencii, Belgorod, 6–7 fevralya 2020 goda. – Belgorod: APLIT, 2020. Tom 2. S. 308–317.
8. **Makeeva I.A.** Zakonodatel'noe regulirovanie protivodejstviya nezakonnoj migracii: administrativno-pravovoj aspekt / Deyatel'nost' organov vnutrennih del po protivodejstviyu kriminal'nym proyavleniyam v migracionnoj sfere: materialy zaочноj vnutrivedomstvennogo kruglogo stola. – Sankt-Peterburg, 2020. S. 307–311.
9. **Obidin V.S., Stolyarova Z.N.** Central'nyj bank dannyh po uchetu inostrannykh grazhdan i lic bez grazhdanstva: opyt sozdaniya i vedeniya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2020. – № 3. – С. 47–51.
10. **Skripko A.S.** Rol' MVD Rossii v migracionnykh processah // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. – 2021. – № 35. – С. 1859–1863.

(статья сдана в редакцию 14.02.2026)

Некоторые проблемы привлечения к административной ответственности по части 2 статьи 8.54 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Some problems of bringing to administrative responsibility under part 2 of article 8.54 of the Administrative code of the Russian Federation

УДК 342.9

М.А. Вербицкая,
кандидат юридических наук
(Северо-Кавказский социальный институт,
Россия, Ставрополь)
verbickaya.77@yandex.ru

Maria A. Verbitskaya,
Candidate of Law
(North Caucasus Social Institute,
Stavropol, Russia)

Аннотация: в статье рассматриваются отдельные аспекты деятельности по обращению с животными без владельцев. Анализируется предусмотренный нормативными правовыми актами порядок такой деятельности, вопросы административной ответственности за несоблюдение требований к осуществлению деятельности по обращению с животными без владельцев и вопросы возмещения вреда здоровья в результате нападения бродячих собак. Для освещения этой проблемной темы анализируются научные труды отечественных правоведов, материалы правоприменительной практики, статистические данные. Изученный материал позволяет констатировать следующее: в случае причинения укусов человеку бездомной собакой в содеянном имеются признаки административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 8.54 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Субъектом данного правонарушения, как правило, признается компетентное должностное лицо местной администрации. Данные дела сложны как доказыванием факта безнадзорности собаки, так и установлением надлежащего субъекта по делу. Приводятся признаки безнадзорности собаки (отсутствие ошейников, намордников, свалявшаяся шерсть, желтая бирка, а также отсутствие рядом людей).

Решение по делу об административном правонарушении по упомянутой статье будет иметь для суда преюдициальное значение при решении вопроса о возмещении вреда. Вред такого рода возмещается только в порядке гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: домашние животные без владельцев; собаки; деятельность по обращению с животными без владельцев; административная ответственность; укусы; возмещение вреда

Для цитирования: Вербицкая М.А. Некоторые проблемы привлечения к административной ответственности по части 2 статьи 8.54 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 2. – С. 21–25.

Abstract: the article highlights certain aspects of the handling of unowned animals. It analyzes the procedure for such activities provided for by legal acts, the issues of administrative liability for non-compliance with the requirements for handling unowned animals, and the issues of compensation for health damage caused by stray dogs. To address this issue, the article examines the scientific works of Russian legal scholars, materials from legal practice, and statistical data. The studied material allows us to state the following. If a stray dog bites a person, there are signs of an administrative offense provided for in Part 2 of art.8.54 of the Administrative Code of the Russian Federation. Signs of neglect of the dog are given (absence of collars, muzzles, matted fur, yellow tag, as well as the absence of people nearby). As a rule, a competent official of the local administration is

recognized as the subject of this offense. These cases are difficult both to prove the fact of neglect of a dog and to establish the proper subject in the case.

The decision on the case of an administrative offense (under Part 2 of art.8.54 of the Administrative Code of the Russian Federation) will be of prejudicial importance to the court when deciding on compensation for harm. Damage of this kind is compensated only through civil proceedings.

Keywords: pets without owners; dogs; activities for the treatment of animals without owners; administrative responsibility; bites; compensation for harm

For citation: Verbitskaya M.A. Some problems of bringing to administrative responsibility under part 2 of article 8.54 of the Administrative code of the Russian Federation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 2. – P. 21–25.

Ответственное обращение с животными находится в фокусе повышенного общественного внимания последние несколько лет. Данная тенденция обусловлена в том числе значительным числом бродячих животных, что вызывает обеспокоенность и требует принятия соответствующих мер. Согласно приведенным в этой области данным экспертов, по состоянию на апрель 2025 года в России 3,6 миллиона животных (2,8 миллиона кошек и 0,8 миллиона собак) находится на улице или в приютах¹. Существующее многоуровневое (федеральное, региональное, местное) нормативное правовое регулирование² в данной сфере также требует совершенствования [1, с. 68; 2, с. 198; 3, с. 39].

Данные общественные отношения охраняются в том числе и административно-правовыми санкциями³. В частности, за несоблюдение требований к осуществлению деятельности по обращению с животными без владельцев предусмотрена административная ответственность в соответствии с ч. 2 ст. 8.54 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Однако в стране даже с учетом предпринятых масштабных усилий все еще остается ряд проблемных вопросов обращения с животными без владельцев. Так, в июле 2023 года регионам были переданы полномочия самостоятельно устанавливать приемлемые для них методы контроля

численности животных⁴. Метод «отлов – стерилизация – вакцинация – возврат» (далее – ОСВВ), предусмотренный в федеральном законе, иные мероприятия контроля численности животных без владельцев не должны препятствовать учету особенностей ситуации, сложившейся в отдельных субъектах Российской Федерации. Также следует принимать во внимание географическую, климатическую, социально-экономическую и иные специфики конкретного региона. Отметим, однако, что предпринятые меры кардинально не изменили статистику нападений бездомных животных на людей. Статистические данные, представленные Роспотребнадзором, настораживают: за медицинской помощью при укусах собак в 2022 году обратилось 227 тысяч человек, в 2023 году – 239 тысяч человек, а в 2024 году – 237 тысяч человек⁵.

В субъектах Российской Федерации ведется большая нормотворческая и организационная работа в данном направлении (Ставропольский край не является исключением). Члены общественной палаты Ставропольского края в июне 2023 года также посвятили данной проблематике свое совещание, где особенное внимание было уделено низкой эффективности программы ОСВВ, не решающей вопрос кормовой базы и размещения возвращенных животных⁶.

¹ Эксперт назвала число бездомных кошек и собак в России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ria.ru> (дата обращения: 03.01.2026).

² Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 8 августа 2024 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон от 13 июня 2023 № 230-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон от 24 июля 2024 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статью 44 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный закон от 24 июля 2024 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статью 44 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Убийство или штраф: как намерены решить проблему с бездомными собаками на Ставрополье [Электронный ресурс]. – URL: <http://newstracker.ru> (дата обращения: 03.01.2026).

В краевом законе нормативно закрепили признаки немотивированной агрессии животных⁷. В 2024 году в муниципальных образованиях Ставропольского края появились нормативные правовые акты, закрепляющие места, на которые запрещается возвращать животных без владельцев⁸. Полагаем, однако, что данная конкретная мера вряд ли остановит миграцию таких животных.

Федеральные депутаты в 2025 году внесли в Государственную Думу Российской Федерации законопроект, в котором, в частности, предлагают исключить из статьи 18 Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ пункт 4 «возврат неагрессивных животных в места их обитания» (законопроект пока не принят)⁹. Данный законопроект был неоднозначно оценен представителями юридического сообщества. Так, В.С. Галецкий и С.М. Ключев в своей публикации выразили аргументированные возражения против его принятия (4, с. 108). Параллельно с предложенными мерами мы считаем целесообразным активизировать работу с владельцами животных, расширив их правовой статус путем введения дополнительных обязанностей и предусмотрев меры ответственности за их ненадлежащее исполнение. В данной связи заслуживают внимания предложенные С.Г. Коромысловой меры по вопросу гуманного способа снижения количества бродячих животных [5].

Очевидно, что проблема ответственного обращения с животными находит отклик и у представителей юридического сообщества. Ей посвящены публикации А.П. Анисимова, О.А. Волконской, А.Р. Галуева, Д.Б. Горохова, С.Г. Коромысловой, А.В. Мадьяровой, Е.Л. Мининой, С.Г. Петрова, Д.А. Старова, О.С. Филипповой, В.Н. Хорькова, М.А. Шабалиной и др.

Полагаем, что в ситуации причинения собаками без владельцев укусов пострадавшим име-

ется основание для привлечения виновных лиц к административной ответственности по ч. 2 ст. 8.54 КоАП РФ. Отрадно, что на данном направлении начинает складываться правоприменительная практика. Так, в ходе прокурорской проверки, проведенной прокуратурой Климовского района Брянской области, был установлен и доказан факт причинения телесных повреждений женщине в результате нападения на нее бродячей собаки. По данному факту к административной ответственности по ч. 2 ст. 8.54 КоАП РФ были привлечены глава администрации и директор МУП «Благоустройство»¹⁰.

Согласимся с мнением А.Р. Галуева о том, что решение по делу об административном правонарушении (по ч. 2 ст. 8.54 КоАП РФ) будет иметь для суда преюдициальное значение при решении вопроса о возмещении вреда [6, с. 51]. Вред такого рода возмещается в порядке гражданского судопроизводства. Зачастую в подобных ситуациях заявляются иски о взыскании компенсации морального вреда. Высшая судебная инстанция прямо закрепила такое право пострадавших лиц в пункте 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»¹¹. Судебные решения по данным гражданским делам весьма примечательны в части доказывания вины ответчика. Мы разделяем точку зрения С.Г. Петрова о том, что подобные гражданские дела сложны как доказыванием факта безнадзорности собаки, так и установлением надлежащего ответчика по делу¹². Аналогичной позиции придерживается и Д.А. Старов [7, с. 247].

Признаками безнадзорности суды считают: отсутствие ошейников, намордников, свалывшуюся шерсть¹³, желтую бирку¹⁴, а также отсутствие

⁷ Закон Ставропольского края от 24 июня 2023 г. №72-кз «О внесении изменений в Закон Ставропольского края «Об обеспечении эпизоотического и ветеринарно-санитарного благополучия в Ставропольском крае» и Закон Ставропольского края «О некоторых вопросах в области обращения с животными без владельцев на территории Ставропольского края» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Постановление администрации г. Ставрополя от 7 мая 2024 г. № 928 «Об определении Перечня мест, на которые запрещается возвращать животных без владельцев (собак, кошек) на территории города Ставрополя, и Перечня лиц, уполномоченных на принятие решений о возврате животных без владельцев на прежние места их обитания на территории города Ставрополя» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Проект Федерального закона № 853484-8 «О внесении изменений в статьи 16 и 18 Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Прокуратура Климовского района в судебном порядке добила возмещения морального вреда за нападение бродячей собаки [Электронный ресурс]. – URL: <http://nproc.gov.ru> (дата обращения: 03.01.2026).

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² Взыскание компенсации морального вреда, вызванного повреждением здоровья в результате нападения безнадзорных (бродячих) собак [Электронный ресурс]. – URL: <http://pravorub.ru> (дата обращения: 03.01.2026).

¹³ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21 апреля 2021 г. по делу № 8Г-9446/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 29 марта 2023 г. по делу № 88-8626/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

рядом людей¹⁵. Поскольку правоприменение по данным делам не отличается единым подходом, то в данной ситуации заслуживает внимания высказанное Д.О. Маркадеевым предложение законодательно закрепить презумпцию собственности муниципалитетов или уполномоченных органов государственной власти на безнадзорных собак в случае причинения ими вреда, если не будет доказано иное [8, с. 71].

Вместе с тем, по мнению О.С. Филипповой, такая презумпция собственности должна возникать в отношении не всех, а только чипированных и/или вакцинированных собак (так можно понять, с какого момента государство в лице своих органов должно будет нести ответственность за вред, причиненный такими животными, и с какого момента они становятся безнадзорными, хоть и не имеющими владельца), которые ранее были отловлены и потом снова возвращены в среду. Данное положение призвано не допустить злоупотребления правами со стороны фактических собственников животных [9, с. 78]. В этом вопросе с О.С. Филипповой согласны и другие авторы [10, с. 21].

Установление виновного в содеянном лица и доказывание его вины требует значительных усилий. При доказывании вины администрации следует обратить внимание на ряд ключевых моментов.

Во-первых, местная администрация вправе заниматься данным видом деятельности. Более того, соответствующий региональный орган исполнительной власти наделил муниципалитет такими государственными полномочиями в заключенном Соглашении о предоставлении субвенций из бюд-

жета региона бюджету муниципального образования. Во-вторых, данная субвенция израсходована не в полном объеме. В-третьих, согласно представленной аналитической справке на территории муниципального образования имеет место рост количества собак без владельцев. В-четвертых, в рассматриваемый период в соответствии с муниципальным контрактом было стерилизовано несоизмеримо малое количество собак в сравнении с общей численностью безнадзорных животных¹⁶.

Совокупность этих фактов свидетельствует о недостаточности и неэффективности деятельности местной администрации по обращению с животными без владельцев, что обусловило их численный прирост. То есть вина местной администрации в случившемся является доказанной.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы и выработать ряд предложений. Многоуровневая система нормативных правовых актов по вопросам ответственного обращения с животными (с животными без владельцев) требует комплексной сбалансированной корректировки, исключающей чрезмерное обременение обязанностями по данному направлению уполномоченных органов государственной власти в регионах и муниципальных образований. Учитывая сложности доказывания признаков субъекта и субъективной стороны по административным правонарушениям, предусмотренным ч. 2 ст. 8.54 КоАП РФ, вполне обоснованным было бы разработать методические рекомендации по осуществлению производства по рассматриваемой категории дел.

¹⁵ Решение Интинского городского суда Республики Коми от 11 мая 2022 г. по делу № 2-322/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Решение Интинского городского суда Республики Коми от 11 мая 2022 г. по делу № 2-322/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. **Хорьков В.Н.** Законодательство субъектов РФ в области обращения с животными нуждается в совершенствовании // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 5. – С. 65–68.
2. **Шабалина М.А.** Проблемы правового регулирования обращения с безнадзорными животными в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 5. – С. 198–227.
3. **Власова Е.Л., Шабанов Р.Т., Весельев Д.А.** Правовые аспекты регулирования безнадзорных животных: вызовы и решения в административном праве // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – Иркутск. – 2025. – № 2 (28). – С. 30–42.
4. **Галецкий В.С., Ключев С.М.** К вопросу о необходимости внесения изменений в законодательство об ответственном обращении с животными: общеправовой и криминологический анализ законопроекта № 853484-8 // Евразийская адвокатура. – 2025. – № 1 (72). – С. 105–109.
5. **Коромыслова С.Г.** Актуальность гуманного регулирования количества бездомных собак для обеспечения безопасности граждан / Эволюция Российского права: сборник материалов конференции. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева. С. 674–678.
6. **Галуев А.Р.** Установление административной ответственности за допущение нападения животного на человека: анализ административно-деликтного законодательства г. Москвы и Республики Северная Осетия – Алания // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 12. – С. 48–54.
7. **Старов Д.А.** Ответственность за вред, причиненный безнадзорными животными: от теории к практике // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 36. – С. 243–257.
8. **Маркадеев Д.О.** Признание собак источниками повышенной опасности. Законодательные меры, направленные на предупреждение вреда, причиняемого владельческими и безнадзорными животными // Вестник магистратуры. – 2019. – № 3-1 (90). – С. 69–72.

9. **Филиппова О.С.** Ответственность за причинение вреда животными без владельца / Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах: сборник материалов Международной научно-практической конференции памяти М.Ф. Медведева, Волгоград, 26 мая 2023 г.; отв. ред. Е.Н. Агибалова, И.Б. Иловыйский. – Волгоград: Волгоградский институт управления РАНХиГС, 2023. С. 76–79.
10. **Анисимов А.П., Волконская О.А.** Компенсация морального вреда, причиненного гражданину животными без владельцев // Российский судья. – 2025. – № 5. – С. 17–22.

References

1. **Hor'kov V.N.** Zakonodatel'stvo sub'ektov RF v oblasti obrashcheniya s zhivotnymi nuzhdaetsya v sovershenstvovanii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2021. – № 5. – С. 65–68.
2. **Shabalina M.A.** Problemy pravovogo regulirovaniya obrashcheniya s beznadzornymi zhivotnymi v Rossii // Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki. – 2022. – № 5. – С. 198–227.
3. **Vlasova E.L., Shabanov R.T., Vesel'ev D.A.** Pravovye aspekty regulirovaniya beznadzornyh zhivotnyh: vyzovy i resheniya v administrativnom prave // Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – Irkutsk. – 2025. – № 2 (28). – С. 30–42.
4. **Galeckij V.S., Klyuzhev S.M.** K voprosu o neobходимosti vneseniya izmenenij v zakonodatel'stvo ob otvetstvennom obrashchenii s zhivotnymi: obshchepравovoj i kriminologicheskij analiz zakonoproekta № 853484-8 // Evrazijskaya advokatura. – 2025. – № 1 (72). – С. 105–109.
5. **Koromyslova S.G.** Aktual'nost' gumannogo regulirovaniya kolichestva bezdomnyh sobak dlya obespecheniya bezopasnosti grazhdan / Evolyuciya Rossijskogo prava: sbornik materialov konferencii. – Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet im. V.F. Yakovleva. С. 674–678.
6. **Galuev A.R.** Ustanovlenie administrativnoj otvetstvennosti za dopushchenie napadeniya zhivotnogo na cheloveka: analiz administrativno-deliktного zakonodatel'stva g. Moskvy i Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2016. – № 12. – С. 48–54.
7. **Starov D.A.** Otvetstvennost' za vred, prichinennyj beznadzornymi zhivotnymi: ot teorii k praktike // Voprosy rossijskoj yusticii. – 2025. – № 36. – С. 243–257.
8. **Markadeev D.O.** Priznanie sobak istochnikami povyshennoj opasnosti. Zakonodatel'nye mery, napravlennye na preduprezhdenie vreda, prichinyaemogo vladel'cheskimi i beznadzornymi zhivotnymi // Vestnik magistratury. – 2019. – № 3-1 (90). – С. 69–72.
9. **Filippova O.S.** Otvetstvennost' za prichinenie vreda zhivotnymi bez vladel'ca / Tendencii razvitiya zakonodatel'stva o deliktnyh obyazatel'stvah: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii pamyati M.F. Medvedeva, Volgograd, 26 maya 2023 g.; отв. ред. Е.Н. Агибалова, И.Б. Иловыйский. – Volgograd: Volgogradskij institut upravleniya RANHiGS, 2023. С. 76–79.
10. **Anisimov A.P., Volkonskaya O.A.** Kompensaciya moral'nogo vreda, prichinennogo grazhdaninu zhivotnymi bez vladel'cev // Rossijskij sud'ya. – 2025. – № 5. – С. 17–22.

(статья сдана в редакцию 13.01.2026)

Цифровая трансформация налогового администрирования и правоохранительная деятельность: публично-правовые аспекты регулирования в условиях цифровизации

Digital transformation of tax administration and law enforcement: public law aspects of regulation under digitalization conditions

УДК 342.922:336.2

С.Д. КАЗАЧЕНКОВ
(Ростовский государственный
экономический университет,
Россия, Ростов-на-Дону)
kazachenkov94@mail.ru

STANISLAV D. KAZACHENKOV
(Rostov State University of Economics,
Rostov-on-Don, Russia)

Аннотация: в статье представлен комплексный анализ трансформационных процессов в налоговом администрировании под влиянием цифровизации и их правовых последствий для органов внутренних дел. В работе определены критические пробелы в конституционно-правовой защите субъектов налогообложения при внедрении автоматизированных систем контроля и технологий машинного обучения. Автор выявляет три системные проблемы: недостаток процессуальных механизмов для оспаривания машинных решений; отсутствие гарантий информационной прозрачности при формировании решений алгоритмом; дефицит человеческого участия в управленческих решениях, влияющих на правовой статус граждан. Обосновывается необходимость разработки специализированного законодательства, закрепляющего принцип цифровой справедливости с судебными гарантиями, а также координационного взаимодействия налоговых и правоохранительных органов при соблюдении разделения властей. Особое внимание уделяется проблеме правового регулирования цифровых финансовых активов и криптовалют, создающих новые вызовы для налогового контроля. Предлагается концепция цифрового надлежащего процесса, адаптирующая традиционные конституционные гарантии к условиям алгоритмического анализа. В работе объясняется необходимость создания специализированных подразделений органов внутренних дел для выявления налоговых преступлений в цифровой среде и разработки федерального закона об использовании искусственного интеллекта в налоговом администрировании с обязательными гарантиями защиты прав граждан.

Ключевые слова: цифровая трансформация налогового администрирования; алгоритмический контроль; конституционная защита прав; процессуальные гарантии; искусственный интеллект; правоохранительная деятельность

Для цитирования: Казаченков С.Д. Цифровая трансформация налогового администрирования и правоохранительная деятельность: публично-правовые аспекты регулирования в условиях цифровизации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 2. – С. 26–30.

Abstract: the research focuses on a comprehensive analysis of transformational processes in tax administration under the influence of digitalization and their legal implications for law enforcement bodies. The work identifies critical gaps in constitutional and legal protection of taxpaying entities in the implementation of automated control systems and machine learning technologies. The author reveals three systemic problems:

shortage of procedural mechanisms for challenging algorithmic decisions; absence of transparency guarantees in algorithm-based decision formation; deficit of human participation in managerial decisions affecting legal status of citizens.

The article justifies the necessity to develop specialized legislation consolidating the principle of digital fairness with judicial safeguards, and to establish coordinated interaction between tax and law enforcement authorities while respecting separation of powers. Special attention is paid to the problem of legal regulation of digital financial assets and cryptocurrencies, which create new challenges for tax control. The author proposes the concept of «digital due process,» adapting traditional constitutional guarantees to conditions of algorithmic analysis. The work considers the necessity of creating specialized divisions within law enforcement bodies to detect tax crimes in the digital environment and the development of a Federal Law on artificial intelligence use in tax administration with mandatory citizen rights protection safeguards. The research demonstrates that effective digital tax administration requires comprehensive legislative framework balancing state control efficiency with fundamental constitutional protections.

Keywords: digital transformation of tax administration; algorithmic control; constitutional rights protection; procedural safeguards; artificial intelligence; law enforcement activity

For citation: Kazachenkov S.D. Digital transformation of tax administration and law enforcement: public law aspects of regulation under digitalization conditions // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 2. – P. 26–30.

Цифровая трансформация налогового администрирования в России неминуемо влечет трансформацию публично-правовой охраны налоговых отношений и изменение характера взаимодействия государственных органов. Если ранее налоговый контроль осуществлялся преимущественно на основе традиционных методов (документарные проверки, анализ отчетности), то сегодня Федеральная налоговая служба Российской Федерации внедряет автоматизированные информационные системы (АИС «Налог-3»), способные в режиме реального времени вести мониторинг финансовых потоков и выявлять потенциальные нарушения [1, с. 13]. Одновременно органы внутренних дел (далее – ОВД) получают новые полномочия и ответственность в сфере борьбы с налоговыми преступлениями, совершаемыми с использованием цифровых каналов и финансовых активов [2, с. 139].

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 прямо говорит о необходимости цифровой трансформации государственного управления, включая налоговую сферу, в соответствии с конституционными принципами правового государства¹. Во-вторых, развитие цифровых финансовых активов и криптовалют создает новые вызовы для налогового администрирования, требуя совершенствования нормативной право-

вой базы. В-третьих, возникает острая проблема конституционной защиты прав налогоплательщиков при применении алгоритмических решений, поскольку действующее законодательство не содержит процессуальных гарантий, позволяющих налогоплательщику оспорить решение, принятое автоматизированной системой [3, с. 40].

Развитие налогового администрирования в России отражает более широкие тенденции эволюции публичного права и изменения роли государства в регулировании экономических отношений. На первом этапе (до 2000-х годов) налоговый контроль был исключительно функцией налоговых органов, работавших преимущественно на основе традиционных документальных методов. МВД России участвовало в процессе только при наличии явных признаков преступления. Конституционно-правовой статус налогоплательщика был слабо разработан. На втором этапе (2000–2015 годы) произошла информатизация налогового администрирования, сопровождавшаяся развитием электронной отчетности и систем обмена информацией между государственными органами [4, с. 1313], в этот период началась разработка административных процедур, обеспечивающих более справедливый налоговый контроль. Конституционная защита прав налогоплательщиков стала предметом судебных разбирательств. Принцип разделения властей требовал более четкого определения полномочий различных органов власти в налоговой сфере. Третий, современный этап (с 2015 года по настоящее время) характеризуется переходом к алгоритмическому анализу и концепции Tax Administration 3.0, предложенной OECD [5, р. 156]. Эта парадигма предусматривает «встроенное налогообложение», когда

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542?ysclid=mnue8ag37w970633207>

налоговый платеж рассчитывается и осуществляется автоматически в момент совершения хозяйственной операции. С позиций публичного права это означает трансформацию основ налогового правоотношения: от позиции налогоплательщика как активного субъекта, обязанного самостоятельно исчислять налог, к позиции пассивного участника процесса, подчиняющегося алгоритмическому решению. Такая трансформация порождает серьезные конституционно-правовые вопросы: может ли государство посредством алгоритма, без непосредственного участия человека, принимать решения, обременяющие граждан налоговыми обязательствами? каковы гарантии справедливого судебного разбирательства, если налогоплательщик не в состоянии узнать, на основании каких критериев алгоритм принял решение?

Конституция Российской Федерации закрепляет принцип равенства перед законом (ст. 19), право на справедливое судебное разбирательство (ст. 46), право на защиту своих прав и законных интересов (ст. 45)². Однако действующее налоговое законодательство не в полной мере обеспечивает эти конституционные гарантии в условиях цифровизации. Первая проблема – отсутствие «права на объяснение». При применении системы «Налог-3» налогоплательщик не имеет права требовать от налоговой службы объяснения, на основании каких критериев алгоритм принял решение о проведении проверки, направлении наказания или применении иных мер контроля. Это противоречит принципу справедливого судебного разбирательства, гарантированному Конституцией и Европейской конвенцией по правам человека [6, с. 75]. Вторая проблема – отсутствие эффективного механизма оспаривания алгоритмических решений. Налоговый кодекс предусматривает право на апелляцию и кассацию, но эти механизмы неэффективны при оспаривании решения, принятого алгоритмом, поскольку апелляционный суд не может переоценить логику алгоритма, если она не раскрыта [4, с. 1315]. Третья проблема – отсутствие гарантии человеческого участия. Принцип справедливого процесса требует, чтобы решения, оказывающие серьезное воздействие на права и интересы граждан, принимались человеком, а не машиной. Однако при применении системы «Налог-3» ключевые решения (например, направление на проверку) принимаются алгоритмом без участия налогового инспектора.

Для обеспечения конституционной защиты необходимо развитие процессуального права, включающего введение специальной процедуры оспаривания алгоритмических решений, предус-

матривающего право на объяснение и право на пересмотр человеком. Требуется нормативное обеспечение путем закрепления в налоговом кодексе принципов цифрового надлежащего процесса, включающих прозрачность алгоритма, предсказуемость его применения, возможность оспаривания. Необходимо расширение полномочий судов при рассмотрении споров о применении алгоритмических решений, включая право на судебную экспертизу алгоритма.

Появление цифровых финансовых активов (далее – ЦФА) и криптовалют создало новый объект публично-правового регулирования. Россия пошла по пути специального регулирования ЦФА, введя в 2024–2025 годах нормы, регламентирующие их правовой статус, порядок обращения и налогообложения [7, с. 18]. Однако правовой статус остается неопределенным, что создает сложности для налогового администрирования и взаимодействия между налоговой службой и ОВД. Отсутствие в законодательстве четкого определения порядка налогообложения ЦФА не позволяет установить момент возникновения налогового обязательства: возникает ли оно при получении криптовалюты, в период ее хранения либо при реализации. Данная правовая неопределенность создает предпосылки для налогового мошенничества [8, с. 14]. От решения этой проблемы зависит правильность применения алгоритма «Налог-3» к операциям с ЦФА. Другой сложностью является анонимность цифровых активов и проблемы идентификации. Множество криптовалютных адресов действительно анонимны, что препятствует ФНС России и МВД России в выявлении налогового нарушения. В связи с этим требуется развитие специальных механизмов идентификации, включая взаимодействие с иностранными платформами обмена. И, наконец, пограничный транзит и валютный контроль. ЦФА по природе трансграничны, и их перемещение через границу не требует прохождения традиционных таможенных процедур. Это создает риск уклонения от валютного контроля и налогообложения.

Принцип разделения властей предполагает четкое разграничение полномочий между различными органами государственной власти, что имеет принципиальное значение и для налоговой сферы. Федеральная налоговая служба, представляющая исполнительную ветвь власти, уполномочена осуществлять налоговый контроль строго в рамках действующего законодательства. В свою очередь, на Министерство внутренних дел Российской Федерации возложены функции по выявлению и расследованию налоговых преступлений. Судебная же власть выполняет функцию контроля над деятельностью обеих структур. В условиях активного процесса цифровизации экономики особую актуальность приобретает необходимость

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

налаживания более тесного взаимодействия между ФНС России и МВД России при неукоснительном соблюдении принципа разделения полномочий, который служит гарантией законности и предотвращает злоупотребления. Это предусматривает: 1) обмен информацией, когда система «Налог-3» интегрируется с информационными системами ОВД (но такой обмен должен осуществляться в соответствии с процессуальным законодательством и принципом конфиденциальности); 2) координацию действий путем создания межведомственных комиссий для определения критериев, когда налоговое нарушение переходит в разряд преступления и подлежит передаче в МВД России; 3) нормативное обеспечение путем разработки соответствующих приказов и инструкций, определяющих порядок взаимодействия налоговой службы и министерства в условиях цифровизации [1, с. 22].

Использование AI в налоговом администрировании требует специального нормативного правового регулирования, обеспечивающего баланс между эффективностью контроля и защитой прав граждан. На данный момент в России отсутствует специальный закон об использовании искусственного интеллекта в государственном управлении, поэтому в будущем предлагается разработка федерального закона об использовании AI в налоговом администрировании, содержащего принципы прозрачности, справедливости, подотчетности, требования к разработке и внедрению алгоритмов, процедуры валидации и тестирования алгоритмов, механизмы контроля и надзора за использованием AI, гарантии защиты прав граждан. Существенным подспорьем будет являться разработка документа ФНС России об организации использования системы «Налог-3», содержащего основные критерии выявления риск-профилей, процедуру оспаривания алгоритмических решений, порядок информирования налогоплательщиков о результатах алгоритмического анализа. Также необходима разработка инструкции МВД России по выявлению и расследованию налоговых преступлений в цифровой среде, содержащей методики работы с блокчейн-аналитикой, порядок взаимодействия с налоговой службой при выявлении налоговых преступлений, требования к квалификации сотрудников ОВД [9, с. 164].

Одной из центральных проблем цифровизации налогового администрирования является обеспечение справедливого судебного разбирательства в отношении решений, принятых с помощью использования алгоритма. Традиционное налоговое судопроизводство предполагает, что апелляционный суд может переоценить факты, установленные в первой инстанции, и дать иную юридическую оценку. Однако при оспаривании алгоритмического решения это становится невозможным, если алгоритм не раскрыт. Для решения данной про-

блемы предлагаем следующие процессуальные гарантии: получение информации о критериях алгоритма, гарантирующей право налогоплательщика требовать от налоговой службы сведения о том, какие данные обрабатывал алгоритм и какие принципы выявления риска он использовал; право на судебную экспертизу, когда при оспаривании алгоритмического решения налогоплательщик имеет право требовать проведения судебной экспертизы алгоритма, включающей оценку его корректности и соответствия принципам справедливости; право на пересмотр решения человеком, при котором любое решение о взыскании налога или применении штрафа, принятое первоначально алгоритмом, должно быть пересмотрено налоговым инспектором перед передачей в суд; право на адекватную защиту, предоставляющее налогоплательщику возможность получить помощь специалиста, обладающего компетенциями в области AI и блокчейн-технологий.

Цифровая трансформация налогового администрирования представляет собой одно из наиболее значительных изменений в публичном праве России за последние годы. Внедрение автоматизированных систем анализа, включая «Налог-3», потенциально повышает эффективность налогового контроля, но одновременно создает серьезные угрозы для конституционных прав налогоплательщиков [6, с. 75]. Основные проблемы состоят в отсутствии процессуальных гарантий при применении алгоритмических решений, что нарушает конституционное право на справедливое судебное разбирательство; в неопределенности правового статуса ЦФА в налоговом законодательстве, препятствующей эффективному применению алгоритмов; в недостатке нормативной правовой базы для регулирования использования AI в налоговом администрировании; в несогласованности взаимодействия между ФНС России и МВД России, затрудняющей борьбу с налоговыми преступлениями в цифровой среде [4, с. 1313].

Для решения этих проблем необходимо развитие конституционного права путем закрепления принципов цифрового надлежащего процесса и гарантий защиты прав налогоплательщиков в условиях применения AI; совершенствование налогового законодательства с четким определением правового статуса ЦФА, момента возникновения налогового обязательства, критериев квалификации налоговых нарушений; развитие процессуального права путем введения специальных процедур оспаривания алгоритмических решений, механизмов судебного контроля над использованием AI в налоговом администрировании; нормативное обеспечение использования AI путем разработки федерального закона о его использовании в налоговом администрировании, содержащего принципы и требования, обеспечивающие справедливость

и прозрачность; укрепление координации между органами власти путем развития механизмов межведомственного взаимодействия при сохранении разделения властей и конституционных гарантий справедливого судопроизводства.

Реализация предложенных мер обеспечит развитие цифрового налогового администрирования на основе верховенства закона и уважения к правам человека, создавая условия для справедливого и эффективного налогового контроля.

Литература

1. **Касаткина Г.М., Рябухина Е.А.** Эффективность налогового администрирования как фактор снижения налоговых рисков и укрепления экономической безопасности // *Global & Regional Research*. – 2025. – № 2. – С. 13–22.
2. **Антонова Д.В.** Цифровые финансовые активы как предмет преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // *Закон и право*. – 2025. – № 7. – С. 139–145.
3. **Галачиева М.М., Караева Е.** Понятие и система налоговых преступлений в законодательстве России / Актуальные проблемы права: сборник научных статей магистрантов. – Владикавказ: Государственный технологический университет, 2021. С. 40–44.
4. **Комарова Г.П., Змановская О.В., Касаткина Г.М.** Актуальные вопросы налоговых проверок // *Baikal Research Journal*. – 2024. – № 3. – С. 1313–1326.
5. OECD. Tax Administration 3.0: The Digital Transformation of Tax Administration. – Paris: OECD Publishing, 2020. – 156 p.
6. **Лютцова О.И.** Налоговые обязанности в цифровую эпоху: периодизация правового регулирования // *Антинормии*. – 2024. – № 1. – С. 73–88.
7. **Матыцин Д.Е., Иншакова А.О.** Использование цифровых финансовых активов в качестве инвестиций: проблемы правового регулирования // *Правовая парадигма*. – 2024. – № 1. – С. 16–26.
8. **Жутаев А.С.** Налоговый контроль за операциями по налогу на добавленную стоимость в эпоху цифровизации // *Налоги*. – 2024. – № 1. – С. 14–16.
9. **Стребкова О.В.** Особенности налоговых преступлений в цифровой среде // *Вестник науки*. – 2025. – № 7 (88). – Т. 3. – С. 164–171.
10. **Погребняк А.Д.** Современные особенности налогового планирования и прогнозирования бизнес-процессов в организации // *Вестник евразийской науки*. – 2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://esj.today/PDF/56FAVN124.pdf>

References

1. **Kasatkina G.M., Ryabuhina E.A.** Effektivnost' nalogovogo administrirovaniya kak faktor snizheniya nalogovykh riskov i ukrepleniya ekonomicheskoy bezopasnosti // *Global & Regional Research*. – 2025. – № 2. – S. 13–22.
2. **Antonova D.V.** Cifrovyye finansovyye aktivy kak predmet prestuplenij, predusmotrennykh stat'yami 174 i 174.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // *Zakon i pravo*. – 2025. – № 7. – S. 139–145.
3. **Galachieva M.M., Karaeva E.** Ponyatie i sistema nalogovykh prestuplenij v zakonodatel'stve Rossii / Aktual'nye problemy prava: sbornik nauchnykh statej magistrantov. – Vladikavkaz: Gosudarstvennyj tekhnologicheskij universitet, 2021. S. 40–44.
4. **Komarova G.P., Zmanovskaya O.V., Kasatkina G.M.** Aktual'nye voprosy nalogovykh proverok // *Baikal Research Journal*. – 2024. – № 3. – S. 1313–1326.
5. OECD. Tax Administration 3.0: The Digital Transformation of Tax Administration. – Paris: OECD Publishing, 2020. – 156 p.
6. **Lyutova O.I.** Nalogovyye obyazannosti v cifrovuyu epohu: periodizaciya pravovogo regulirovaniya // *Antinomii*. – 2024. – № 1. – S. 73–88.
7. **Matytsin D.E., Inshakova A.O.** Ispol'zovanie cifrovyykh finansovykh aktivov v kachestve investitsij: problemy pravovogo regulirovaniya // *Pravovaya paradigma*. – 2024. – № 1. – S. 16–26.
8. **Zhutaev A.S.** Nalogovyy kontrol' za operatsiyami po nalogu na dobavlenную stoimost' v epohu cifrovizacii // *Nalogi*. – 2024. – № 1. – S. 14–16.
9. **Strebkova O.V.** Osobennosti nalogovykh prestuplenij v cifrovoj srede // *Vestnik nauki*. – 2025. – № 7 (88). – T. 3. – S. 164–171.
10. **Pogrebnyak A.D.** Sovremennyye osobennosti nalogovogo planirovaniya i prognozirovaniya biznes-processov v organizacii // *Vestnik evrazijskoj nauki*. – 2024 [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://esj.today/PDF/56FAVN124.pdf>

(статья сдана в редакцию 15.12.2025)

Проблемы исполнения полицией постановлений о назначении административных наказаний за правонарушения в области дорожного движения

Problems of police enforcement of decisions on the imposition of administrative penalties for traffic offenses

УДК 342.9

С.Н. Шаклеин,

соискатель

(Всероссийский научно-исследовательский
институт МВД России,
Россия, Москва)
shaklein83@mail.ru

Sergey N. Shaklein,

Applicant

(NRI of the Ministry of Interior of Russia,
Moscow, Russia)

Аннотация: статья посвящена анализу проблемных вопросов исполнения постановлений, предусматривающих административные наказания за правонарушения в области дорожного движения. В работе с учетом накопленного опыта исполнения отдельных видов административных наказаний и имеющихся в этой связи проблем в деятельности сотрудников органов внутренних дел (полиции) сформулированы предложения по изменению действующего законодательства об административных правонарушениях, которые направлены на повышение эффективности исполнения административных наказаний, назначаемых в области дорожного движения (прежде всего административного штрафа и лишения специального права – права управления транспортным средством). Автор формулирует не только предложения по совершенствованию действующего законодательства об административных правонарушениях, но и подходы к практической реализации правовых норм в сфере дорожного движения, в частности регламентированного частью 1 статьи 32.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях порядка лишения права управления транспортными средствами. В завершение отмечается, что в целях исполнения административных наказаний и достижения поставленных задач необходимы комплексные и всесторонние исследования как в теоретическом, так и в прикладном аспектах, направленных на повышение эффективности исполнения административных наказаний в области дорожного движения.

Ключевые слова: административное наказание; цель административного наказания; безопасность дорожного движения; глава 12 КоАП РФ; административные правонарушения в области дорожного движения; исполнение административных наказаний

Для цитирования: Шаклеин С.Н. Проблемы исполнения полицией постановлений о назначении административных наказаний за правонарушения в области дорожного движения // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 2. – С. 31–36.

Abstract: the article is devoted to the study of problematic issues of the execution of decisions on the imposition of administrative penalties for administrative offenses in the field of traffic. Taking into account the accumulated experience in the execution of certain types of administrative penalties and the problems in this regard in the activities of law enforcement officers (police), proposals are formulated to amend the current legislation on administrative offenses aimed at improving the effectiveness of the execution of administrative penalties imposed in the field of traffic (primarily administrative fines and deprivation of special rights in the form of the right to drive a vehicle). The author offers not only proposals to amend the current legislation on administrative offenses, but also the implementation of legal norms stipulated by the legislation on administrative offenses in the field of traffic, in particular, the procedure for implementing Part 1 of Article 32.6 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation on the procedure for deprivation of the right to drive vehicles, which has developed

in the Magadan region. In conclusion, it is noted that in order to execute administrative penalties and, ultimately, achieve the goal of administrative punishment, comprehensive and comprehensive research is needed, both in theoretical and applied aspects, aimed at improving the effectiveness of the execution of administrative penalties in the field of traffic.

Keywords: administrative punishment; the purpose of administrative punishment; road safety; Chapter 12 of the Administrative Code of the Russian Federation; administrative offenses in the field of traffic; execution of administrative penalties

For citation: Shaklein S.N. Problems of police enforcement of decisions on the imposition of administrative penalties for traffic offenses // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 2. – P. 31–36.

Высокий уровень латентности административных правонарушений может указывать на проблемы исполнения административных наказаний уполномоченными органами [1, с. 57–62], слабую реализацию принципа неотвратимости административных наказаний, обусловленную в том числе отсутствием правового механизма, позволяющего должностному лицу административно-юрисдикционного органа при рассмотрении административного дела выбрать целесообразный вид и размер наказания, который бы соответствовал его цели.

Президент Российской Федерации неоднократно в официальных заявлениях подчеркивал, что «любой преступивший закон должен знать, что наказание неотвратимо»¹. В 2026 г., выступая на ежегодном совещании судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов Российской Федерации, он в очередной раз указал, что «самое главное, чтобы наказание было неизбежным»².

Несоблюдение принципа неотвратимости административного наказания лишает смысла весь процесс привлечения к административной ответственности, а в крайних случаях способно спровоцировать формирование атмосферы вседозволенности и способствовать развитию правового нигилизма у административных делинквентов. Принцип неотвратимости административных наказаний строится как минимум на двух началах: добровольном, путем стимулирования (ст. 31.5 и ч. 1.3 ст. 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) или устрашения (чч. 1, 4 ст. 12.7, ст. 20.25 и ч. 2 ст. 32.7 КоАП РФ), и принудительном, путем физических мер воздействия должностных лиц правоохранительных государственных органов, обращенных в сторону административного де-

линквента и (или) его имущества (ч. 5 ст. 32.2, ч. 6 ст. 32.8 КоАП РФ; Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»³; Федеральный закон 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»⁴).

Рассмотрим подробнее добровольное исполнение административных наказаний через механизмы стимулирования и устрашения. Такой подход необходим, поскольку принудительные методы не всегда обеспечивают должную эффективность административного наказания, особенно в отношении самого распространенного – административного штрафа. Этот вид наказания применяется в 143 санкциях из 152 составов правонарушений, включенных в главу 12 КоАП РФ.

Как справедливо отмечает Ю.Н. Стариков, правовое регулирование осуществляется от имени государства – соответственно, исполнение правовых норм обеспечивается не только организационными и разъяснительными средствами, но и стимулирующими, имеющими важное значение [2, с. 790]. Аналогичной позиции придерживается Ю.М. Козлов, который подчеркивает, что принуждение как метод правового воздействия представляет собой исключительный инструмент управленческого влияния на социальные отношения и деятельность их участников. Данный метод применяется преимущественно в тех случаях, когда иные способы регулирования демонстрируют свою неэффективность [3, с. 320.].

Исполнение административных наказаний не только обеспечивает достижение их целей, но и оказывает профилактическое воздействие на уровень безопасности дорожного движения. Проведенный анализ исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях в 2024–2025 гг., по которым назначен администра-

¹ Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 25 апреля 2005 г. «О важнейших общенациональных задачах» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Владимир Путин выступил перед российскими судьями: цифровизация правосудия важна, но... Судить будет человек [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2026/02/19/sudit-budet-chelovek.html>

³ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

⁴ Федеральный закон 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

тивный штраф, показал, что в 2024 г. в Российской Федерации вынесено 254 680 320 постановлений по делам об административных правонарушениях, из которых исполнено 249 449 626, что составило 97,95% исполненных постановлений. Однако более детальный анализ демонстрирует, что по вынесенным 253 512 576 постановлениям сотрудниками органов внутренних дел исполнено 248 558 386 постановлений (98% исполненных постановлений), а по вынесенным судами 1 167 744 постановлениям исполнено 445 620 (38,2% исполненных постановлений).

Аналогичное положение дел наблюдалось в 2025 г.: вынесено 232 009 763 постановления по делам об административных правонарушениях, из которых исполнено 220 659 097, что составило 95,1% исполненных постановлений. Сотрудниками органов внутренних дел вынесено 230 219 757 постановлений, исполнено 220 291 853 (95,7% исполненных постановлений), судами вынесено 1 167 744 постановления, исполнено 445 620 (31,1% исполненных постановлений)⁵. Проведенный анализ демонстрирует, что, несмотря на отнесение дел об административных правонарушениях, рассмотренные судом, к грубым нарушениям⁶, большая часть постановлений о назначении наказания в виде административного штрафа не исполняется. Это снижает потенциал административной ответственности, создает угрозы безопасности дорожного движения и отнюдь не способствует достижению цели административных наказаний.

Для повышения эффективности исполнения административного штрафа предлагаем внедрить стимулирующие и устрашающие меры, которые будут оказывать воспитательное воздействие на правонарушителей и корректировать их поведение и отношение к нормам безопасности дорожного движения:

1. Согласно ч. 1.3 ст. 32.2 КоАП РФ уплата административного штрафа в течение тридцати дней с момента вынесения соответствующего постановления позволяет снизить размер платежа до 75% от установленной суммы. Представляется обоснованным изучить возможность применения этой стимулирующей меры в отношении лиц, которые на момент совершения правонарушения не считаются подвергнутыми административному на-

казанию. Целью административного наказания является предупреждение совершения административного правонарушения. Соответственно, данная мера государственного воздействия должна быть в первую очередь ориентирована на предотвращение новых противоправных деяний. Если же после применения наказания совершается повторное правонарушение, то наличие льготы в виде скидки на уплату штрафа может субъективно восприниматься правонарушителем как косвенное поощрение предшествующего противоправного поведения. Это создает для отдельных лиц риск совершения повторных правонарушений.

2. Одним из условий возврата транспортно-го средства, задержанного в порядке ст. 27.13 КоАП РФ, предлагаем предусмотреть отсутствие неоплаченных административных штрафов, назначенных за нарушения в области дорожного движения. В этом случае срок исполнения постановления о назначении наказания в виде административного штрафа, предусмотренный ч. 1 ст. 32.2 КоАП РФ, не позднее шестидесяти дней со дня вступления постановления в законную силу не будет действовать.

3. В исчерпывающий перечень оснований для отказа в приеме документов, необходимых для проведения технического осмотра автобусов, в котором принимает участие сотрудник подразделения Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России⁷, предлагаем включить отсутствие сведений, подтверждающих оплату административных штрафов, назначенных за нарушения в области дорожного движения. При этом срок, предусмотренный ч. 1 ст. 32.2 КоАП РФ, не позднее шестидесяти дней со дня вступления постановления о наложении административного штрафа в законную силу также не будет действовать.

4. Считаем важным рассмотреть возможность внесения изменения в ст. 32.2 КоАП РФ и добавить часть 1.2-1 следующего содержания: «Административный штраф, назначенный за административное правонарушение, предусмотренный главой 12 настоящего Кодекса, должен быть уплачен до возврата транспортного средства, задержанного в порядке ст. 27.13 КоАП РФ, и при прохождении технического осмотра автобусов».

В правоприменительной практике также имеются проблемные вопросы исполнения административного наказания в виде лишения специального права, предоставленного физическому лицу. Административные правонарушения, за совершение которых предусмотрено лишение специального права, предоставленного физическому лицу,

⁵ Учет административных правонарушений в области дорожного движения [Электронный ресурс] // ФБД «Адмпрактика». URL: <http://fbdap.fism.gibdd.ru/csp/fismadm/web.index.cl>.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 14 ноября 2025 г. № 841 «Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 23 мая 2020 г. № 741 «Об утверждении Правил организации и проведения технического осмотра автобусов» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

относятся к грубым правонарушениям, а значит, неисполнение данного вида административного наказания влечет угрозу в области безопасности дорожного движения. Кроме того, существует практика, создающая риски в области безопасности дорожного движения, когда гражданин при трудоустройстве предоставляет водительское удостоверение и (или) удостоверение тракториста-машиниста (тракториста), и на этом основании работодателем осуществляется допуск этого лица к управлению транспортными средствами, в то время как гражданин может считаться лишенным права управления транспортными средствами.

В целях повышения уровня защищенности граждан от дорожно-транспортных происшествий предлагается восстановить в ст. 27.10 КоАП РФ «Изъятие вещей и документов» часть 3, исключенную в 2013 г.: «при совершении административного правонарушения, влекущего лишение права управления транспортными средствами соответствующего вида, у водителя изымается водительское удостоверение, удостоверение тракториста-машиниста (тракториста) и выдается временное разрешение на право управления транспортными средствами соответствующего вида на срок до вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении, но не более чем на два месяца⁸».

В процессе контроля за соблюдением правил дорожного движения сотрудники Госавтоинспекции обнаруживают и фиксируют нарушения, а также устанавливают личности лиц, их совершивших. Однако пресечение административного правонарушения происходит постфактум, в то время как приоритетной задачей является профилактический эффект от принимаемых административно-юрисдикционных мер. Предлагаемое изменение по выдаче временного разрешения на право управления транспортными средствами при изъятии водительского удостоверения направлено на исключение угроз и рисков безопасности дорожного движения, минимизацию фактов управления транспортными средствами указанной категорией лиц.

Отдельного внимания заслуживает ч. 1 ст. 32.6 КоАП РФ, которая устанавливает порядок исполнения постановления о лишении права управления транспортными средствами. Данная норма предусматривает, что лицо, лишенное право управления транспортными средствами, одновременно лишается права управления тракторами, самоходными машинами или другими видами техники (в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Рос-

сийской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» разъяснено, что под транспортными средствами понимаются трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины).

Отметим, что на территории Магаданской области данная правовая норма получила свое развитие и практическую реализацию. Постановление суда о лишении права управления транспортными средствами направляется не только в органы внутренних дел, но и в орган Гостехнадзора, а начало срока лишения права управления транспортными средствами наступает тогда, когда лицо одновременно сдает водительское удостоверение и удостоверение тракториста-машиниста в органы, исполняющие этот вид административного наказания, либо в случае утраты документов подает заявления об этом в указанные органы. В свою очередь, если орган Гостехнадзора направляет административный материал по ст. 9.3 КоАП РФ в суд на рассмотрение, то постановление (решение) суда о лишении права управления транспортными средствами направляется в том числе и в орган внутренних дел.

Исполнение административных наказаний в области дорожного движения является завершающей стадией всего административно-юрисдикционного процесса, и по его результатам дается оценка всему процессу, в том числе каждому в отдельности производству и в целом деятельности правоохранительных органов – а самое главное, исполнение административного наказания реализует его целевые установки: предупреждение совершения новых правонарушений как самим нарушителем, так и другими лицами.

Без исполнения назначенных административных наказаний законодательство об административных правонарушениях не может эффективно решать задачи, закрепленные за институтом административной ответственности в целом. Безнаказанность правонарушителей обесценивает авторитет российской правоохранительной системы, а нормы, устанавливающие административную ответственность, не становятся действенными, если принятые юрисдикционные акты не исполняются [4, с. 36]. Неисполнение административных наказаний препятствует реализации общеправового принципа неотвратимости ответственности, способствует перерастанию административных правонарушений в преступные деяния, укрепляет позиции правового нигилизма, дискредитирует цели назначения административного наказания, снижая эффективность правоохранительной де-

⁸ Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 196-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 28 Федерального закона «О безопасности дорожного движения» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

тельности в целом и органов внутренних дел (полиции) в частности [5, с. 38–41]. Убеждены, что производство по исполнению административного наказания требует комплексного и всестороннего исследования – как теоретического, так и прикладного, а также поэтапного тщательного и детального изучения, направленного на достижения справедливого, соразмерного и индивидуального административного наказания. Так, выводы А.С. Дугенца по итогам исследования эффективности и порядка применения административных наказаний в настоящее время остаются актуальными и востребованными: вопрос об эффективности административных наказаний и порядка их применения имеет большое теоретическое и практическое значение, но, к сожалению, до настоящего времени не имеет четкого организационно-правового разрешения [6, с. 40–41; 7, с. 155–156]. Эффективность применения административного наказания напрямую зависит от четкости административно-процессуального регулирования, от отлаженности механизмов назначения и исполнения наказания, а также от профессионализма правоприменителей. [8, с. 4].

Исследования в этой области способствовали бы разработке проблем и совершенствованию регулирования не только общих положений исполнения административных наказаний, но и частных, например в отношении отдельно взятой категории лиц с инвалидностью. Так, учитывая действие ч. 3 ст. 3.8 КоАП РФ, согласно которой лишение специального права в виде управления транспортными средствами не может применяться к лицу, пользующимся им в связи с инвалидностью, возникает вопрос: можно ли тот же признак-исключение распространить на лиц, которые были лишены права управления, будучи здоровыми, но стали инвалидами в период действия наказания? По действующему законодательству – нет. Законодательно это допустимо, однако при сопоставлении с правилами освобождения от административного ареста или обязательных работ из-за утраты здоровья возникает вопрос о соответствии принципу справедливости, поскольку схожие обстоятельства получают разную правовую оценку.

Обращает на себя внимание также содержание ч. 5 ст. 32.8 КоАП РФ, согласно которой решение о приостановлении или отмене дальнейшего отбывания административного ареста при наступлении прямо указанных признаков в законе (тяжелое заболевание, смерть близкого родственника или близкого лица и т. д.) возможно, но не обязательно. Между тем постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» установлено в правовых актах

юридико-лингвистической неопределенности – употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера – отнесено к коррупционным факторам. Устранение выявленной проблемы видится в изменениях и дополнениях рассматриваемой нормы, соответствующих антикоррупционным требованиям к правовым актам.

Вышеуказанный пример демонстрирует, что требуются не только новые исследования по повышению эффективности административного наказания, но и дополнительные повторные исследования имеющихся правовых норм (пересмотр) на предмет их соответствия действительности и целям административного наказания.

Характер мер административной ответственности существенно отличается. В случаях совершения административных правонарушений, не представляющих значительной общественной опасности (вредности), достаточным видом административного наказания может выступать предупреждение. Напротив, при совершении серьезных административных правонарушений применение менее строгих мер не обеспечивает достижения целей административного наказания. [9, с. 339].

Согласно подп. 19 п. 90 Стратегии повышения безопасности дорожного движения увеличение эффективности управления в области обеспечения безопасности дорожного движения включает в себя оптимизацию ответственности за счет эффективной реализации принципа неотвратимости наказания и обеспечения соразмерности наказания угрозам, создаваемым нарушением, в целях достижения максимального профилактического эффекта. Целью наказания является предупреждение совершения новых деликтов как самим правонарушителем, так и другими лицами путем их воспитания, нравственно-психологического преобразования сознания правонарушителя [10, с. 174]. Именно поэтому производство по исполнению административного наказания требует комплексного и всестороннего исследования как в теоретическом, так и в прикладном аспектах, в том числе поэтапного тщательного и детального исследования, направленного на достижение справедливого, соразмерного и индивидуального административного наказания.

Достижение целей административного наказания через реализацию принципа неотвратимости его исполнения формирует ряд позитивных изменений в поведении участников дорожного движения. Прежде всего это выражается в росте уровня правосознания и правовой культуры. Далее формируется устойчивый стереотип безопасного поведения и чувство ответственности перед другими участниками дорожного движения. В результате укрепляется законопослушность граждан, а уровень административных правонарушений сни-

жаются за счет их эффективной профилактики. В противном случае возникает риск формирования устойчивой модели противоправного поведения, систематического пренебрежения установленным требованиям безопасности дорожного движения и

игнорирования правил дорожного движения. Эти процессы формируют благоприятную среду для латентности и повторности административных правонарушений, что в совокупности ведет к общему росту уровня преступности.

Литература

1. **Дерюга А.Н., Мотрович И.Д.** Причины латентности административных правонарушений // Административное право и процесс. – 2013. – № 7. – С. 57–62.
2. **Стариков Ю.Н.** Курс общего административного права. В 3 т. История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. – Москва, 2002. Т. 1. – 728 с.
3. **Козлов Ю.М.** Административное право: учебник. – Москва: Юрист, 1996. – с. 728.
4. **Зуева Л.Ю.** Проблемы исчисления и соблюдения сроков исполнения отдельных видов административных наказаний // Административное право и процесс. – 2013. – № 7. – С. 36–38.
5. **Головко В.В., Бражников В.В.** Исполнение административного наказания // Законность. – 2008. – № 2. – С. 38–41.
6. **Дугенец А.С.** Правовые средства обеспечения социальной эффективности административных наказаний и совершенствование процесса их применения / Применение административных наказаний органами внутренних дел: сборник научных трудов – Москва: ВНИИ МВД России, 2006. С. 40–55.
7. **Дугенец А.С.** О необходимости обеспечения социальной эффективности административных наказаний // Актуальные проблемы предупреждения правонарушений в сфере общественного порядка и общественной безопасности: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 14–15 мая 2009 г. – Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2009. С. 155–167.
8. **Дугенец А.С.** Гарантии законности в производстве по делам об административных правонарушениях // Научный портал МВД России. – 2011. – № 2. – С. 3–11.
9. **Анисифорова М.В.** Особенности административной ответственности за нарушения законодательства о прекурсорах наркотических средств и психотропных веществ / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2023. С. 339–343.
10. **Головко В.В., Майоров В.И.** Основы безопасности дорожного движения: учебное пособие. – Москва, 2008. – 174 с.

References

1. **Deryuga A.N., Motrovich I.D.** Prichiny latentnosti administrativnykh pravonarushenij // Administrativnoe pravo i process. – 2013. – № 7. – S. 57–62.
2. **Starilov Yu.N.** Kurs obshchego administrativnogo prava. V 3 t. Istoriya. Nauka. Predmet. Normy. Sub»ekty. – Moskva, 2002. T. 1. – 728 s.
3. **Kozlov Yu.M.** Administrativnoe pravo: uchebnik. – Moskva: Yurist», 1996. – s. 728.
4. **Zueva L.Yu.** Problemy ischisleniya i soblyudeniya srokov ispolneniya otdel'nykh vidov administrativnykh nakazaniy // Administrativnoe pravo i process. – 2013. – № 7. – S. 36–38.
5. **Golovko V.V., Brazhnikov V.V.** Ispolnenie administrativnogo nakazaniya // Zakonnost'. – 2008. – № 2. – S. 38–41.
6. **Dugenev A.S.** Pravovye sredstva obespecheniya social'noy effektivnosti administrativnykh nakazaniy i sovershenstvovanie processa ih primeneniya / Primenenie administrativnykh nakazaniy organami vnutrennih del: sbornik nauchnykh trudov – Moskva: VNII MVD Rossii, 2006. S. 40–55.
7. **Dugenev A.S.** O neobkhodimosti obespecheniya social'noy effektivnosti administrativnykh nakazaniy // Aktual'nye problemy preduprezhdeniya pravonarushenij v sfere obshchestvennogo poriyadka i obshchestvennoy bezopasnosti: sbornik materialov Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 14–15 maya 2009 g. – Habarovsk: DVYuI MVD Rossii, 2009. S. 155–167.
8. **Dugenev A.S.** Garantii zakonnosti v proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyah // Nauchnyj portal MVD Rossii. – 2011. – № 2. – S. 3–11.
9. **Anisiforova M.V.** Osobennosti administrativnoy otvetstvennosti za narusheniya zakonodatel'stva o prekusorah narkoticheskikh sredstv i psihotropnykh veshchestv / Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava (Sorokinskije chteniya): sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Sankt-Peterburg, 2023. S. 339–343.
10. **Golovko V.V., Majorov V.I.** Osnovy bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: uchebnoe posobie. – Moskva, 2008. – 174 s.

(статья сдана в редакцию 15.01.2026)

**Основные направления развития
профилактических основ в сфере обеспечения
кибербезопасности Российской Федерации****Key directions of development of preventive
foundations in the sphere of ensuring cybersecurity
of the Russian Federation**

УДК 343.72

П.Н. Кобец,

доктор юридических наук, профессор
(Всероссийский научно-исследовательский
институт МВД России,
Россия, Москва)
pkobets37@rambler.ru

Peter N. Kobets,

Doctor of law, Professor
(NRI of the Ministry of Interior of Russia,
Moscow, Russia)

Аннотация: интегрирование цифровизации в различные процессы жизнедеятельности создало условия для дистанционной реализации киберпреступниками своих преступных замыслов и при этом минимизировало возможность быть привлеченными к уголовной ответственности за совершаемые противоправные деяния. Обозначенная ситуация актуализирует важность изучения и повышения качества работы по развитию профилактических основ обеспечения адекватных мер защиты от потенциальных угроз в сфере кибербезопасности. Потребность в проведении данного исследования вызвана необходимостью разработки эффективных мер профилактического воздействия на киберпреступные проявления. В процессе исследования автором делается акцент на том, что сегодня наблюдаются кардинальные преобразования, происходящие в сфере информтехнологий, обусловленных ростом преступности в телекоммуникационной сфере. В целях более успешного противодействия киберпреступным проявлениям автором предложен комплекс мероприятий. Так, в частности, результативность противодействия киберпреступности в большинстве случаев определяется тем, насколько действенны формы и методы борьбы с рассматриваемым преступным проявлением, а также целесообразность их использования. Кроме того, по мнению автора, в сложившихся условиях важно более активное продвижение идеи сбора как можно большего объема информационных данных о рассматриваемом преступном явлении и его последствиях для наиболее результативного противодействия. Также требуется актуализировать проблематику и сосредоточить исследовательские усилия на разработке инновационных подходов к противодействию современным, более сложным формам киберпреступности, стремиться к тому, чтобы область криминологических исследований киберпреступности неуклонно возрастала и интенсивно развивалась. Сегодня криминологи должны иметь возможность исследовать как можно больше новых актуальных проблем, связанных с вопросами противодействия киберпреступным проявлениям. Проблематика предупреждения киберпреступности в долгосрочной перспективе характеризуется необходимостью постоянного развития и совершенствования существующих подходов. Ученые криминологи, исследующие данную область, призваны обеспечивать поступательное движение науки, формулируя инновационные направления исследований, отвечающие современным вызовам киберпреступности.

Ключевые слова: процессы цифровизации; противодействие преступности; цифровая безопасность; предупреждение кибератак; профилактика киберугроз; развитие научной деятельности; правоохранительные органы

Для цитирования: Кобец П.Н. Основные направления развития профилактических основ в сфере обеспечения кибербезопасности Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 2. – С. 37–42.

Abstract: the integration of digitalization into various life processes has enabled cybercriminals to remotely implement their criminal plans, while virtually avoiding criminal liability for their illegal acts. This situation highlights the importance of studying and improving the quality of work to develop preventive foundations for ensuring adequate protection against potential cybersecurity threats. Therefore, the need for this study is driven by the need to develop effective preventative measures against cybercrime. In this study, the author emphasizes that today we are witnessing fundamental transformations in the field of information technology due to the rise in crime in the telecommunications sector. To more successfully counter cybercrime, the author proposes a set of measures. In particular, the effectiveness of countering cybercrime in most cases is determined by the effectiveness of the forms and methods used to combat the criminal activity in question, as well as the appropriateness of their use. Furthermore, the author believes that, in the current circumstances, it is essential to more actively promote the idea of collecting as much information as possible about the criminal phenomenon in question and its consequences in order to more effectively combat it. It is also important to highlight the importance of focusing on researching new approaches to combating more complex forms of cybercrime. Furthermore, in the future, it is necessary to strive to ensure that the field of criminological research on cybercrime steadily grows and develops intensively. Today, criminologists must have the opportunity to explore as many new and pressing issues related to countering cybercrime as possible. In the long term, all issues in the field of cybercrime prevention require constant improvement, and therefore, criminologists studying these issues must move forward, proposing new promising directions in this field.

Keywords: digitalization processes; combating crime; digital security; preventing cyberattacks; preventing cyberthreats; developing scientific activities; law enforcement agencies

For citation: Kobets P.N. Key directions of development of preventive foundations in the sphere of ensuring cybersecurity of the Russian Federation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 2. – P. 37–42.

В докладе «Глобальная связь 2025» представлена всесторонняя оценка эволюции глобальной связи. Если в 1994 году она была дефицитным ресурсом, то сегодня превратилась в важнейшую опору повседневной жизни. Согласно прогнозам доклада к 2025 году к Сети будет подключено около 6 млрд человек¹. Современная статистика это подтверждает. Одновременно с этим важно отметить, что стремительный рост кибертехнологий в быстро развивающемся цифровом пространстве практически всех существующих научных и технологических направлений создает условия для поступательного движения организованных высокотехнологичных киберпреступных проявлений, занимающих одни из лидирующих позиций преступного мира [1, с. 47]. Развитие современных цифровых технологий позволило обеспечить возможность для существенной модернизации межгосударственного взаимодействия и деятельности различных объединений организаций, подготовив, однако, при этом и новые возможности для роста киберпреступности [2]. Данная ситуация, в свою очередь, беспокоит правоохранителей большинства стран, констатирующих увеличение мас-

штабов киберпреступности, а также усугубление последствий для стабильности критически важной государственной инфраструктуры [3, с.118].

Статистика киберпреступности, опубликованная в 2025 г. многими зарубежными странами, демонстрирует негативную тенденцию в рассматриваемой сфере, обусловленную ростом киберпреступлений. Согласно отчету о тенденциях в области безопасности 2025 г., который основан на более чем 800 тестах на проникновение, почти 150 000 автоматизированных сканированиях уязвимостей и данных от более чем 900 глобальных компаний, в 2024 г. году количество уязвимостей выросло на 50,86%. Удалось предотвратить убытки на сумму свыше 2,88 млрд долларов. Веб-приложения составили 96% уязвимости. API и ошибки в настройках облачных сервисов незаметно наносят реальный ущерб. При этом злоумышленники не изобретают новые методы преступных посягательств, а просто автоматизируют их. Прогнозируется, что ущерб от киберпреступлений с использованием программ-вымогателей для жертв к 2031 году увеличится до 265 миллиардов долларов².

¹ Measuring digital development: Global Connectivity Report 2025 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.itu.int/hub/publication/d-ind-ict_mdd-gcr-2025-4/ (дата обращения: 12.12.2025).

² 20+ Cyber Crime Statistics 2025: Cost, Industries & Trends [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.getastra.com/blog/security-audit/cyber-crime-statistics/> (дата обращения: 12.12.2025).

Отдельное место в современных киберпреступных проявлениях занимают преступные посягательства, совершенные с использованием новейших технологий, в том числе искусственного интеллекта [4, с. 145]. Использование данных инструментов для совершения рассматриваемых преступлений является новым уровнем угроз в сфере информационной безопасности [5, с. 71]. В настоящее время мы регулярно взаимодействуем с технологиями на основе искусственного интеллекта, которые помогают автоматизировать различные аспекты человеческой деятельности. [6, с. 143]: активируя поисковые системы в Интернете, пользуясь системой безналичной оплаты, прокладывая различные маршруты, распознавая образы и отпечатки пальцев в различных электронных устройствах и пр. [7, с. 189]. Применение программного обеспечения, работающего на технологиях искусственного интеллекта, все больше превращается в доступное занятие. В то же время следует отметить и угрозы, возникающие в процессе работы с такими программами. К примеру, появление отдельных вирусов, которые могут быть созданы и стать программами, не распознаваемыми антивирусными программами, позволит использовать системы искусственного интеллекта для совершения преступлений и, соответственно, незаконного получения различных информационных данных [8, с. 93].

По мнению отечественных экспертов, в современных условиях обозначенные выше киберпреступные проявления выступают в качестве преимущественных угроз не только для информационной государственной сферы, но и для стабильного развития всех экономических основ государства. Сумма ущерба в стране от киберпреступлений в 2024 году составила около 200 млрд рублей. Об этом сообщил Президент Российской Федерации В.В. Путин на заседании коллегии МВД России 6 марта 2025 г.³ В отчете 2026 г. отмечается, что «на протяжении ряда лет Россия входит в число наиболее приоритетных целей киберпреступников. Так, например, в период с июля 2024 по сентябрь 2025 года на Россию пришлось от 14% до 16% всех успешных кибератак в мире и 72% атак, зафиксированных в государствах – участниках СНГ». В докладе делается прогноз, что по итогам 2025 г. общее количество успешных кибератак вырастет на 20–45% по сравнению с предыдущим годом, а в 2026 г. может увеличиться еще на 30–35%⁴.

³ Путин раскрыл сумму ущерба россиян от киберпреступлений [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ptsecurity.com/research/analytics/preview/russia-cyberthreat-landscape-2026/#id1> (дата обращения: 12.12.2025).

⁴ CODE RED 2026: актуальные киберугрозы для российских организаций [Электронный ресурс]. – URL: https://pt-corp.storage.yandexcloud.net/CODE_RED_2026_9685772206.pdf. (дата обращения: 12.12.2025).

Продолжая анализ основных направлений развития профилактических основ в сфере обеспечения кибербезопасности, важно отметить, что большинство киберпреступлений, хорошо известных сегодня, еще двадцать лет назад не могли быть совершены, пока не появились новые технологии, а также новейшее программное обеспечение, на основе которого действует большинство современных технических устройств [9, с. 137]. Собственно, стремительное развитие рассматриваемых преступных проявлений в первую очередь вызвано «воздействием определенной части преступников на процессы цифровой трансформации определенных общественных отношений» [10, с. 95]. Соответственно, при использовании анализируемых технологий возникают возможности как по последовательному развитию различных сфер жизнедеятельности, так и по созданию новейших криминальных возможностей, способов и средств преступного воздействия на эту же жизнедеятельность, ее процессы [11, с. 80]. В то же время важно отметить, что средства, связанные с получением и передачей информационных данных преступниками, с каждым годом становятся все разнообразнее. Зачастую данное обстоятельство позволяет правонарушителям, находясь весьма далеко от места совершения противоправных деяний, реализовывать свои преступные замыслы [12, с. 47]. Подобное повышение «качества» при совершении преступлений в виде изобретения преступниками новых способов противоправных деяний обуславливает необходимость в разработке правоохранителями из разных стран совместных мероприятий, а также в согласовании необходимых процессуальных действий.

Для дальнейшего успешного противодействия рассматриваемым преступным проявлениям автором предложен комплекс мероприятий, направленных на снижение роста киберпреступности. Так, в частности, в дальнейшем необходимо, чтобы сотрудники всех правоохранительных органов были задействованы в мониторинге интернет-пространства в соответствии с поставленными перед ними задачами. Им также надлежит прилагать все усилия, чтобы запланированные преступниками мероприятия в виде отдельных преступлений с использованием устройств, работающих на основе новых технологий, в дальнейшем не представляли серьезную угрозу общественной безопасности.

Кроме того, правоохранители должны стремиться к обладанию самой полной картины киберпреступности, к анализу способов совершения тех или иных противоправных деяний и технологий искусственного интеллекта. Важно обладать возможностями для более раннего установления местонахождения киберпреступников и своевременного блокирования их технологиче-

ского программного обеспечения [13, с. 47]. Также необходимо стремиться к оперативному выявлению всех структурных компонентов цифрового пространства, используемого злоумышленниками при совершении киберпреступлений.

Сегодня для борьбы с киберпреступностью очень важны разнообразные официальные статистические данные, чтобы объективно оценивать возможности правоохранителей и иных заинтересованных служб и, соответственно, умело расставлять приоритеты для борьбы с этим явлением. К сожалению, мы не имеем единой статистической информации по некоторым преступным проявлениям в рассматриваемой сфере, тогда как крайне важно обладать, например, статистическими данными не только по общей численности фактов совершенного кибермошенничества и иных киберпреступлений, но и по разнообразным их видам, причем вновь возникающим. Сегодня нужна разбивка по отдельным составам совершенных киберпреступлений, а также, например, данные о точных размерах материального вреда от этих противоправных деяний, причем совершенных как в отношении отдельных компаний, организаций, секторов, так и в целом по стране.

Для эффективного противодействия киберпреступности необходим глубокий анализ всех случаев таких правонарушений с тщательным отбором данных из разных источников. Это позволит получить полную картину киберпреступлений (включая статистику и используемые злоумышленниками технологии); разработать более совершенные стратегии защиты; прогнозировать развитие угроз и своевременно принимать превентивные меры [14, с. 142]. Современным исследователям киберпреступных проявлений зачастую приходится собирать первичные данные об анализируемой преступности на основе разнообразных научных инструментов и способов. Причем не только с помощью анкетирования и интервьюирования практических работников, но и путем анализа высказанных суждений специалистами, занимающимися разработкой систем кибербезопасности на разного рода научно-практических форумах, а также в процессе полевых экспериментов, когда исследователи проводят опросы различных экспертов в сфере борьбы с рассматриваемой незаконной деятельностью.

Для большей результативности в борьбе с киберпреступлениями ученые и практики должны обладать необходимыми инновационными и эффективными инструментами по мониторингу цифрового пространства, используя для этого возможности нейросетевых технологий [15, с. 41]. В целях более эффективного противодействия рассматриваемым преступным проявлениям необходимо также проработать вопрос о возможности перевода в циф-

ровой режим действующих форм статистического учета, приговоров суда и др. для более детального проведения мониторинга ранее совершенных преступных проявлений, выявления определенных личностных особенностей преступников, совершающих преступные деяния в киберпространстве. Также немаловажно отметить необходимость проведения постоянного исследования эффективности противодействия киберпреступным проявлениям учеными и практиками [16, с. 145]. Совершенно очевидно, что подобный подход мог бы позволить обеспечить систематический сбор данных на системной основе, их тщательное исследование и оценку с последующим широким распространением результатов положительного опыта, а также его внедрение в правоохранительную практику для более результативного предотвращения киберпреступных посягательств [17, с. 83].

С каждым годом рост киберпреступности делает очевидной потребность более активного сотрудничества правоохранительных органов как в рамках государств – участников СНГ, так и с дружественными России странами [18, с. 118], поскольку только на основе развития международной системы безопасности можно будет создать эффективный барьер против транснациональной киберпреступности. Данный вопрос приобретает особую актуальность еще и потому, что 25 октября 2025 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин в приветствии к участникам церемонии подписания Конвенции против киберпреступности отметил, что Российская Федерация открыта для самого тесного международного сотрудничества в сфере борьбы с киберпреступностью⁵.

В долгосрочном плане необходимо как на национальном, так и на международном уровне организовать проведение как можно большего числа научно-представительских мероприятий в сфере предупреждения киберпреступности с обсуждением наиболее актуальных направлений противодействия таким преступным посягательствам. Данное обстоятельство обусловлено необходимостью обеспечения криминологам и представителям других научных дисциплин максимальных возможностей для совместной работы и обмена результатами целенаправленных исследований и разработок в области предупреждения киберпреступности как теоретического, так и практического характера. Теоретические разработки, как правило, являются фундаментом большинства научных изысканий, направленных на изучение киберпреступлений и разработку методов борьбы с ними.

В процессе проведения научно-представи-

⁵ Россия открыта к сотрудничеству в борьбе с IT-преступностью [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20251025/putin-2050547638.html?ysclid=mj1che59g3750938435> (дата обращения: 12.12.2025).

тельских мероприятий, в том числе в научных и образовательных организациях МВД России, их участники должны поднимать как можно больше актуальных проблем по анализируемой проблеме [19, с.182]. Обсуждаемые вопросы призваны в дальнейшем помочь ученым и практикам лучше ориентироваться и разбираться в природе человеческого фактора киберпреступности, а также в иных ее важнейших компонентах и составляющих. В том числе также немаловажно в процессе проведения данных мероприятий поднимать вопросы о необходимости сосредоточиться на исследовании новых подходов в отношении борьбы с более сложными формами киберпреступности. Современным исследователям необходимо обратить внимание на анализ практик социального контроля в Интернете, а также на применимость теорий и политик социального контроля в контексте киберпространства. Им также требуется сосредоточить свои усилия на проработке вопросов применимости криминологических теорий к киберпреступлениям и виктимизации, а также к реагированию правоохранительных органов на киберпреступления. Особого внимания заслуживает внедрение инновационных методов сбора данных как ключевого элемента борьбы с киберпреступностью.

Таким образом, подводя итоги анализа важнейших направлений развития профилактических мероприятий в сфере обеспечения кибербезопасности, следует отметить, что совершенствование современных процессов цифровизации привело к тому, что в настоящее время можно говорить о кардинальных преобразованиях, происходящих в сфере информтехнологий, в условиях активно развивающегося цифрового пространства и роста преступности в телекоммуникационной сфере. Особенность этих преступных деяний, как правило, сводится к использованию преступниками информтехнологий с целью планирования преступной деятельности и координации своих действий, а также

при совершении противоправных актов в цифровой сфере. Сегодня киберпреступные проявления выступают в качестве преимущественных угроз для информационной государственной сферы и стабильного развития всех экономических основ государства. Именно по этим причинам необходим целый комплекс специальных мероприятий, направленных на снижение роста киберпреступности. В частности, в дальнейшем необходимо стремиться к тому, чтобы правоохранители реагировали не только на угрозы, исходящие со стороны киберпреступников, и не только на зарегистрированные противоправные деяния, но и предупреждали потенциальные риски. Субъектам рассматриваемой работы не менее важно стремиться к своевременному выявлению всех структурных компонентов цифрового пространства, используемого при кибератаках. В долгосрочной перспективе важно акцентировать внимание на проведении как можно большего числа научно-представительских мероприятий в сфере предупреждения киберпреступности. В том числе ученым и практикам важно стремиться к подготовке инновационных и эффективных инструментов по мониторингу цифрового пространства. Всем заинтересованным субъектам рассматриваемой деятельности следует развивать более интенсивное взаимодействие между правоохранителями с государствами – участниками СНГ и дружественными Российской Федерации странами.

Совершенно очевидно, что результативность противодействия киберпреступности в большинстве случаев будет определяться именно тем, насколько действенны формы и методы борьбы с рассматриваемым преступным проявлением и целесообразно их использование для борьбы с рассматриваемым явлением. Только применение эффективных методов и апробированных стратегий противодействия киберпреступности может обеспечить успешное выполнение всех мероприятий по борьбе с этим видом преступности.

Литература

1. **Дерюгин Р.А.** Киберпреступность в России: современное состояние и актуальные проблемы // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2019. – № 2 (22). – С. 46–49.
2. **Кобец П.Н.** Кибертерроризм как важная угроза национальной безопасности // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2022. – № 1 [Электронный ресурс]. – URL: <https://futurepubl.ru/ru/nauka/article/50622/view>
3. **Гордеев А.Ю.** К вопросу о положительном опыте предупреждения преступлений в зарубежных странах // Вопросы российского и международного права. – 2017. – Т. 7. – № 11А. – С. 115–121.
4. **Кобец П.Н.** Криминологическая оценка возможных рисков при условии развития технологий «сильного» искусственного интеллекта // Философия права. – 2024. – № 1 (108). – С. 142–148.
5. **Сундиев И.Ю.** Эволюция вербовочных технологий в цифровую эпоху // Научный портал МВД России. – 2018. – № 1 (41). – С. 67–76.
6. **Кобец П.Н.** О необходимости противодействия посягательствам на неприкосновенность частной жизни, выражающихся в негативном воздействии на личность через сеть Интернет, с использованием различных средств коммуникации / Актуальные проблемы современного российского государства и права: материалы ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, Калининград, 19 мая 2017 года. – Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2017. С. 73–78.
7. **Бураева Л.А.** Кибертерроризм как новая и наиболее опасная форма терроризма // Проблемы экономики и юридической практики. – 2017. – № 2. – С. 188–190.

8. **Кобец П.Н.** Противодействие экстремистским и террористическим преступлениям, совершаемым с использованием интернета и социальных сетей / Особенности противодействия гибридным угрозам в отношении Российской Федерации: материалы Луганского международного юридического форума, Луганск, 16 мая 2025 года. – Луганск: Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2025. С. 91–97.

9. **Кобец П.Н.** Необходимость разработки мер уголовно-правового предупреждения преступлений, совершаемых при помощи технических средств, использующих технологии искусственного интеллекта // Юристы-Правоведы. – 2024. – № 1 (108). – С. 135–140.

10. **Тулегенов В.В.** Киберпреступность как форма выражения криминального профессионализма // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – № 2 (33). – С. 94–97.

11. **Маслакова Е.А.** Кибертерроризм как новая форма терроризма // Наука и практика. – 2015. – № 2. – С. 79–81.

12. **Карпова Д.Н.** Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение // Власть. – 2014. – № 8. – С. 46–50.

13. **Номоконов В.А., Тропина Т.Л.** Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 1 (24). – С. 45–55.

14. **Жуков А.З.** Киберпреступность: актуальные проблемы и уголовно-правовая оценка в системе современного права // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – Т. 15. – № 4. – С. 141–143.

15. **Алпеев А.С.** Терминология безопасности: кибербезопасность, информационная безопасность // Вопросы кибербезопасности. – 2014. – № 5 (8). – С. 39–42.

16. Правовое обеспечение национальной безопасности. Десять лет Закону о стратегическом планировании в Российской Федерации: обзор III Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 19 апреля 2024 г. / А.М. Воронов, С.И. Гирько, Д.В. Ирошников [и др.] // Транспортное право и безопасность. – 2024. – № 3 (51). – С. 141–159.

17. **Антонян Ю.М., Бабаев М.М., Касперович Ю.Г.** Предупреждение преступности в России: монография / под ред. профессора Ю.М. Антоняна. – Москва: ОАО «Можайский полиграфический комбинат», 2014. – 344 с.

18. **Гордеев А.Ю.** К вопросу о положительном опыте предупреждения преступлений в зарубежных странах // Вопросы российского и международного права. – 2017. – Т. 7. – № 11А. – С. 115–121.

19. Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А.А. Прохожева: обзор II Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 21 апреля 2023 года / О.Ф. Акбашев, К.В. Алексеев, В.П. Беркут [и др.] // Транспортное право и безопасность. – 2023. – № 4 (48). – С. 158–191.

References

1. **Deryugin R.A.** Kiberprestupnost' v Rossii: sovremennoe sostoyanie i aktual'nye problemy // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – № 2 (22). – С. 46–49.

2. **Kobec P.N.** Kiberterrorizm kak vazhnejshaya ugroza nacional'noj bezopasnosti // Nacional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie. – 2022. – № 1 [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://futurepubl.ru/ru/nauka/article/50622/view>

3. **Gordeev A.Yu.** K voprosu o polozhitel'nom opyte preduprezhdeniya prestuplenij v zarubezhnyh stranah // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2017. – Т. 7. – № 11А. – С. 115–121.

4. **Kobec P.N.** Kriminologicheskaya ocenka vozmozhnyh riskov pri uslovii razvitiya tekhnologij «sil'nogo» iskusstvennogo intellekta // Filosofiya prava. – 2024. – № 1 (108). – С. 142–148.

5. **Sundiev I.Yu.** Evolyuciya verbovoznyh tekhnologij v cifrovuyu epohu // Nauchnyj portal MVD Rossii. – 2018. – № 1 (41). – С. 67–76.

6. **Kobec P.N.** O neobходимости protivodeystviya posyagatel'stvam na neprikosnovennost' chastnoj zhizni, vyrazhayushchihsya v negativnom vozdeystvii na lichnost' cherez set' Internet, s ispol'zovaniem razlichnyh sredstv kommunikacii / Aktual'nye problemy sovremenno rossijskogo gosudarstva i prava: materialy ezhegodnoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Kaliningrad, 19 maya 2017 goda. – Kaliningrad: Kaliningradskij filial Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2017. С. 73–78.

7. **Buraeva L.A.** Kiberterrorizm kak novaya i naibolee opasnaya forma terrorizma // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. – 2017. – № 2. – С. 188–190.

8. **Kobec P.N.** Protivodeystvie ekstremistskim i terroristicheskim prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem interneta i social'nyh setej / Osobennosti protivodeystviya gibridnym ugrozam v otnoshenii Rossijskoj Federacii: materialy Luganskogo mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma, Lugansk, 16 maya 2025 goda. – Lugansk: Luganskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii, 2025. С. 91–97.

9. **Kobec P.N.** Neobходимость razrabotki mer ugovolno-pravovogo preduprezhdeniya prestuplenij, sovershaemyh pri pomoshchi tekhnicheskikh sredstv, ispol'zuyushchih tekhnologij iskusstvennogo intellekta // Yurist-Pravoved. – 2024. – № 1 (108). – С. 135–140.

10. **Tulegenov V.V.** Kiberprestupnost' kak forma vyrazheniya kriminal'nogo professionalizma // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. – 2014. – № 2 (33). – С. 94–97.

11. **Maslakova E.A.** Kiberterrorizm kak novaya forma terrorizma // Nauka i praktika. – 2015. – № 2. – С. 79–81.

12. **Karpova D.N.** Kiberprestupnost': global'naya problema i ee reshenie // Vlast'. – 2014. – № 8. – С. 46–50.

13. **Nomokonov V.A., Tropina T.L.** Kiberprestupnost' kak novaya kriminal'naya ugroza // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. – 2012. – № 1 (24). – С. 45–55.

14. **Zhukov A.Z.** Kiberprestupnost': aktual'nye problemy i ugovolno-pravovaya ocenka v sisteme sovremenno go prava // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. – 2019. – Т. 15. – № 4. – С. 141–143.

15. **Alpееv A.S.** Terminologiya bezopasnosti: kiberbezopasnost', informacionnaya bezopasnost' // Voprosy kiberbezopasnosti. – 2014. – № 5 (8). – С. 39–42.

16. Правовое обеспечение национальной безопасности. Desyat' let Zakonu o strategicheskome planirovanii v Rossijskoj Federacii: obzor III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 19 aprelya 2024 g. / A.M. Voronov, S.I. Gir'ko, D.V. Iroshnikov [i dr.] // Transportnoe pravo i bezopasnost'. – 2024. – № 3 (51). – С. 141–159.

17. **Antonyan Yu.M., Babaev M.M., Kasperovich Yu.G.** Preduprezhdenie prestupnosti v Rossii: monografiya / pod red. professora Yu.M. Antonyana. – Moskva: ОАО «Mozhayskij poligraficheskij kombinat», 2014. – 344 s.

18. **Gordeev A.Yu.** K voprosu o polozhitel'nom opyte preduprezhdeniya prestuplenij v zarubezhnyh stranah // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2017. – Т. 7. – № 11А. – С. 115–121.

19. Правовое обеспечение национальной безопасности. Pamyati A.A. Prohozheva: obzor II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 21 aprelya 2023 goda / O.F. Akbashev, K.V. Alekseev, V.P. Berkut [i dr.] // Transportnoe pravo i bezopasnost'. – 2023. – № 4 (48). – С. 158–191.

(статья сдана в редакцию 16.12.2025)

О природе оснований оперативно-розыскной деятельности: теоретико-правовой анализ

On the nature of the foundations of operational investigative activities: a theoretical and legal analysis

УДК 343

В.Ф. Луговик,

доктор юридических наук, профессор
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
Vlug@yandex.ru

Viktor F. Lugovik,

Doctor of Law, Professor
(Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

Аннотация: статья посвящена теоретико-правовому анализу фундаментальных оснований оперативно-розыскной деятельности как самостоятельного социально-правового института. Методологически разграничиваются основания оперативно-розыскной деятельности как института (фундаментальные предпосылки) и процедурные основания для проведения конкретных оперативно-розыскных мероприятий. На основе комплекса методов (философско-правовой, структурно-функциональный, формально-логический анализ) систематизируется многоуровневая система оснований оперативно-розыскной деятельности, выходящая за рамки узковедомственного подхода. В результате автором предложена неиерархическая классификация, выделяющая шесть типов оснований оперативно-розыскной деятельности: априорные (ценностно-нормативная рамка, основанная на не выводимых из опыта принципах); онтологические (обусловленные скрытой и противодействующей природой преступности); гносеологические (обосновывающие необходимость особого режима познания для преодоления латентности); институционально-организационные (раскрывающие оперативно-розыскную деятельность как атрибут публичной власти и элемент системы управления рисками); нравственно-этические (разрешающие парадокс между целями защиты и ограничительными методами через принципы правовой обоснованности, соразмерности и гуманизма); методологические (задающие принципы научного осмысления оперативно-розыскной деятельности как комплексного феномена).

Сформулирован вывод о трансформации оперативно-розыскной деятельности из инструмента уголовного преследования в компонент системы государственного управления криминальными рисками, обозначены перспективы дальнейших исследований, включая необходимость междисциплинарного анализа, построения динамической модели оснований и оценки их адекватности для противодействия современным вызовам, таким как киберпреступность и гибридные угрозы.

В заключение намечены перспективы дальнейших исследований, связанных с междисциплинарным анализом и модернизацией теоретических оснований оперативно-розыскной деятельности в условиях новых вызовов.

В статье представлен теоретико-правовой анализ прежде всего фундаментальных оснований оперативно-розыскной деятельности как самостоятельного социально-правового института. Основная цель исследования заключается в систематизации оснований оперативно-розыскной деятельности первого порядка, которые объясняют ее необходимость, допустимость и пределы, в отличие от процедурных оснований для проведения конкретных оперативно-розыскных мероприятий. Методологическую базу составили философско-правовой, структурно-функциональный, формально-логический и сравнительно-правовой методы, позволившие осуществить междисциплинарный анализ.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; основания оперативно-розыскной деятельности; априорные основания; онтологические основания; гносеологические основания; латентность преступности; легитимность

* Авторская орфография сохранена в отдельных словах в соответствии с исходным текстом ранее опубликованных работ.

Для цитирования: Луговик В.Ф. О природе оснований оперативно-розыскной деятельности: теоретико-правовой анализ // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 2. – С. 43–50.

Abstract: the article is devoted to the theoretical and legal analysis of the fundamental foundations of operational investigative activity as an independent socio-legal institution. Methodologically, the bases of operational search activity as an institution (fundamental prerequisites) and the procedural grounds for conducting specific operational search activities are distinguished. Based on a set of methods (philosophical and legal, structural and functional, formal and logical analysis), a multilevel system of grounds for operational investigative activities is systematized, going beyond the narrowly departmental approach. As a result, the author proposes a non-hierarchical classification that identifies six types of bases for gangs: a priori (a value-normative framework based on principles not derived from experience); ontological (due to the hidden and counteracting nature of crime); epistemological (justifying the need for a special mode of cognition to overcome latency); institutional and organizational (revealing operational investigative activities as an attribute of public authority and an element of the risk management system); moral and ethical (resolving the paradox between the goals of protection and restrictive methods through the principles of legal validity, proportionality and humanism); methodological (setting the principles of scientific understanding of operational investigative activities as a complex phenomenon). The conclusion is drawn about the transformation of operational investigative activities from an instrument of criminal prosecution into a component of the public criminal risk management system. In conclusion, the prospects for further research are outlined, including the need for interdisciplinary analysis, building a dynamic model of foundations and assessing their adequacy to counter modern challenges such as cybercrime and hybrid threats. In conclusion, prospects for further research related to interdisciplinary analysis and modernization of the theoretical foundations of operational investigative activities in the context of new challenges are outlined. The article presents a theoretical and legal analysis, first of all, of the fundamental foundations of operational investigative activity as an independent socio-legal institution. The main purpose of the study is to systematize the grounds for operational investigative activities of the first order, which explain its necessity, permissibility and limits, as opposed to the procedural grounds for conducting specific operational investigative activities. The methodological base consists of philosophical-legal, structural-functional, formal-logical and comparative-legal methods that allowed for interdisciplinary analysis.

Keywords: operational investigative activity; grounds for operational investigative activity; a priori grounds; ontological grounds; epistemological grounds; crime latency; legitimacy

For citation: Lugovik V.F. On the nature of the foundations of operational investigative activities: a theoretical and legal analysis // Vestnik of Putlin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 2. – P. 43–50.

Введение. Настоящее исследование направлено на выявление и систематизацию фундаментальных оснований оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) как самостоятельного социально-правового института и вида государственной деятельности. Для достижения поставленной цели и решения соответствующих задач был применен комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания, а также сформулированы ключевые методологические предпосылки работы.

Исследование базируется на признании ОРД в качестве самостоятельного вида государственно-правовой деятельности и концептуальном разграничении между основаниями ОРД как института (фундаментальные предпосылки ее существования и функционирования) и процедурными основаниями проведения конкретных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). Предметом исследования выступают только основания

первого порядка. Автор опирается на традиции советской школы теории права в разграничении основ как элементарных, устоявшихся положений и оснований как фундаментальных, методологических предпосылок деятельности. Основания ОРД определяются как система фундаментальных предпосылок, объясняющих необходимость ОРД для общества и государства; допустимость применения негласных методов при соблюдении правовых и нравственных ограничений; пределы и легитимные цели ОРД как формы реализации публичной власти.

Методы. Для реализации исследовательской задачи использовался комплекс взаимодополняющих методов: философско-правовой анализ (позволил проанализировать априорные и нравственно-этические основания ОРД, исследовать парадоксы легитимации ограничения прав); структурно-функциональный анализ (использован для рассмотрения ОРД как целостной систе-

мы, выявления ее функций и места в системе государственных органов, а также для анализа взаимосвязи между различными уровнями ее оснований); формально-логический и догматический методы (применялись для анализа норм действующего оперативно-розыскного законодательства, для уточнения правовых дефиниций и построения классификаций); сравнительно-правовой метод (использовался в ограниченных пределах для сопоставления различных научных позиций по проблеме оснований ОРД) и др.

Работа носит теоретико-прикладной характер с преобладанием фундаментальной теоретической компоненты. В фокусе исследования находятся теоретические основания ОРД как института. Эмпирические аспекты, ведомственная специфика, тактика проведения отдельных ОРМ, а также сравнительный анализ законодательства зарубежных стран остаются за его пределами, поскольку требуют отдельного специализированного изучения.

Примененный комплекс методов позволил осуществить междисциплинарный анализ оснований ОРД, преодолеть редукционистские подходы и раскрыть сущностные предпосылки существования данного вида государственной деятельности.

Обсуждение. В современной оперативно-розыскной науке устойчиво мнение, что ОРД является самостоятельным видом государственно-правовой деятельности. Подтверждение этому находим в ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 № 144-ФЗ (ред. от 1 апреля 2025 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – закон об ОРД), которая гласит, что оперативно-розыскная деятельность – вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то федеральным законом, в пределах их полномочий, посредством проведения ОРМ в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. В статье 7 данного закона определены основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Вместе с тем в научном дискурсе нередко смешиваются два разных слоя проблематики: во-первых, основания ОРД в целом, то есть причины и предпосылки существования ОРД как социально-правового института и вида деятельности государства; во вторых, основания проведения ОРМ – юридически значимые фактические поводы и условия для применения конкретных ОРМ, которые имеют собственную регламентацию и иной уровень привязки к ситуации.

Мы представляем результаты исследования оснований ОРД как института и процесса, а поводы и условия проведения ОРМ затрагиваются лишь

в той мере, в какой они помогают очертить границы предмета. И здесь ориентируемся на концепцию советской школы теории права, которая разграничивала основы и основания исследования правовых явлений, где под основами имелись в виду элементарные и устоявшиеся положения, а основания рассматривались как фундаментальные, методологические предпосылки познавательной деятельности [1, с. 5]. Отметим, что под основаниями ОРД в рамках данной работы мы будем иметь в виду систему фундаментальных предпосылок, которые, во-первых, объясняют необходимость ОРД в обществе и государстве, во-вторых, обосновывают допустимость особых (в том числе негласных) способов деятельности при соблюдении правовых и нравственных ограничений, в-третьих, задают пределы и легитимные цели ОРД как формы публичной власти¹.

Такое понимание согласуется с тем, что ОРД реализует широкий спектр государственных функций (охрана прав и свобод, собственности, правопорядка, борьба с преступностью и др.) [2, с. 154–155]. Мы не можем согласиться с мнением, что ОРД предназначена исключительно для установления виновных в совершении преступлений в целях привлечения их к уголовной ответственности [3, с. 4].

В настоящее время тенденция такова, что ОРД представляет собой более масштабное явление, чем простое реагирование на криминальные проявления и предпосылки к совершению новых преступлений [4, с. 30], поэтому сведение оснований ОРД к основаниям ОРМ методологически неверно по двум причинам. Во-первых, ОРД шире института ОРМ, так как включает управление оперативной информацией, работу с конфиденциями, организацию сил и средств, взаимодействие субъектов, режим секретности, контроль, а также негласное производство, на которое мы уже обращали внимание как на особую форму государственной активности [5, с. 56–60]. Во-вторых, основания ОРД имеют многоуровневую природу: ценностную (зачем обществу нужна ОРД?), онтологическую (какова природа преступности и противодействия?), гносеологическую (какое знание требуется, и почему оно недоступно к получению традиционными способами?), институциональную (как ОРД встроена в систему власти?), этическую, методологическую и др.

Исходя из изложенного, представляется целесообразным сформулировать для последующей дискуссии систематизированный перечень видов оснований ОРД. Ключевой принцип предлагаемой

¹ Подход несколько отличается от нормативного понимания оснований для проведения ОРМ (ст. 7 закона об ОРД), но это допустимо, так как речь идет о разных сферах познания: теоретической и нормативно-практической.

классификации заключается в том, что выделяемый вид призван отражать не процедурную форму, а философско-правовую природу предпосылки, лежащей в основе вмешательства оперативных подразделений в сферу частных интересов. Такой перечень оснований ОРД не представляет собой иерархической структуры, выстроенной по критерию значимости оснований. Основания перечислены в произвольном порядке, что обусловлено существенной сложностью, а зачастую и методологической невозможностью объективного ранжирования их сравнительной ценности. Любая попытка такого ранжирования неизбежно приобретает характер субъективно-оценочного суждения, что противоречит задаче построения нейтральной аналитической модели. Подобный подход позволяет сосредоточить внимание на качественной специфике каждого основания, не предопределяя его аксиологический вес.

Первыми в этом перечне назовем **априорные основания**², которые задают ценностную и нормативную рамку ОРД: признание охраны личности и безопасности как публичного блага, приоритет прав человека и одновременно обязанность государства защищать общество от преступных посягательств. Эта отправная точка реализована в конституционном императиве: защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2 Конституции Российской Федерации). Априорные основания – это фундаментальные, логически необходимые принципы, не выводимые из опыта и существующие независимо от конкретного законодательства. В философии права априорные понятия – это условия и цели существования права или деятельности как таковых. В контексте ОРД априорные основания являются не только метаправовыми категориями, но и практическими аксиомами, необходимыми для функционирования государственных органов в условиях угрозы преступности.

В отличие от апостериорных оснований (выводимых из практики, статистики, законодательства) априорные основания формируют идеологическую и логическую основу ОРД. Они определяют, почему ОРД существует, что она должна делать и почему допускаются ограничения прав граждан. В основе ОРД лежат несколько базовых априорных истин, которые формируют его правовую и философскую основу:

1. Преступность – объективно существующее социальное явление. Это означает, что государство обязано иметь инструменты для противодействия ей, включая негласные методы.

2. Защита прав граждан невозможна без вмешательства в эти права в исключительных случаях. Это парадокс правового государства, когда для защиты свободы необходимо временно ее ограничивать. ОРД реализует принцип «ограничения ради безопасности».

3. Право знать о потенциальной угрозе противопоставляется тайным действиям правонарушителя. В условиях угрозы общественной безопасности приоритет получает интерес общества к информации о потенциальном преступлении путем ограничения прав конкретного человека.

4. Информация – ключевой ресурс в борьбе с преступностью. Без доступа к информации невозможно выявить скрытые угрозы. ОРД основана на сборе, анализе и использовании скрытой информации, это не только реакция на совершенное преступление, но и превенция. В отличие от уголовного процесса ОРД направлена в том числе и на предотвращение преступления. Априорная «ценностная матрица» проявляется и в доктрине принципов, которые определяются как руководящие идеи, отражающие убеждения и взгляды общества на сущность, цели и задачи ОРД [6, с. 145; 7, с. 120–127; 8, с. 288–295].

Вывод. В отличие от апостериорных (выводимых из опыта, статистики, законодательства) априорные основания формируют идеологическую и логическую основу ОРД. Они определяют, почему ОРД существует, что она должна делать и зачем допускаются ограничения прав граждан.

Онтологические основания ОРД коренятся в специфической природе той социальной реальности, противодействие которой она призвана осуществлять. Эти основания определяются рядом фундаментальных характеристик преступности. Прежде всего это объективное существование преступности как социального явления, обладающего собственной внутренней логикой, структурой и закономерностями развития. Имманентно присущие ей свойства – это склонность к сокрытию (преступная деятельность изначально ориентирована на уклонение от социального контроля и правовой оценки); способность к активному противодействию (преступные структуры и лица целенаправленно противодействуют правоохранительным органам, используя коррупцию, запугивание, технические средства и юридические уловки); адаптивность (преступность демонстрирует высокую пластичность, приспосабливаясь к изменяющимся социально-экономическим условиям, новым технологиям и методам правоохранительной деятельности). Этим обуслов-

² Термины «априори» и «апостериори» использовались еще в античности, в философии Платона и Аристотеля. В дальнейшем это различие исследовали Северин Бозций, средневековые арабские философы (Ибн Рушд, Ибн Сина) и европейские схоласты (Альберт Великий, Фома Аквинский). Нынешнее значение термина установилось благодаря Канту. См.: Сайт «Википедия. Свободная энциклопедия» [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 17.01.2026).

лена государственная необходимость ОРД. Для эффективного противостояния этой скрытой и адаптивной реальности государство вынуждено создавать и применять специальные, адекватные ей средства и методы. Обычные, гласные процедуры уголовно-процессуального расследования зачастую оказываются недостаточными для проникновения в закрытую среду преступной деятельности. В учении о принципах ОРД данная онтологическая связка находит свою лаконичную и концентрированную формулировку «тайным способом совершения преступлений государство противопоставляет тайные способы их раскрытия» [9, с. 357–361]. Этот тезис не просто описывает технологию, но отражает сущностный ответ государства на вызов, заложенный в природе самого противника.

Из онтологии напрямую проистекает и основная особенность ОРД как вида государственной деятельности – ее негласный (разведывательно-поисковый) характер. Деятельность реализуется путем систематического и регламентированного использования преимущественно негласных возможностей компетентных органов. Эти возможности служат для решения строго определенных законом задач, которые, в свою очередь, заданы ключевой государственной функцией – защитой личности, общества и государства от преступных посягательств. В настоящее время в оперативно-розыскной науке уже предложены концептуальные положения частной теории негласности ОРД [10, с. 76–83; 11, с. 211–217]. Таким образом, негласность ОРД является не произвольным выбором, а вынужденной и легитимной мерой, обусловленной самой объективной природой противостоящей ей криминальной среды.

Вывод. Онтологические основания отвечают на вопрос, какие особенности преступности и системы противодействия ей делают ОРД неизбежной как особую форму деятельности.

Гносеологические основания оперативно-розыскной деятельности фиксируют фундаментальную познавательную проблему, лежащую в ее основе. Для эффективного противодействия криминальной реальности государству необходимо особое знание – оперативно-розыскная информация, которая обладает свойствами актуальности, достоверности и прогностичности. Основная гносеологическая сложность заключается в том, что это знание необходимо добывать в условиях криминального противодействия, умеренной скрытности объекта познания и жестко ограниченного доступа к фактам, что делает традиционные, гласные методы познания зачастую неэффективными или вовсе неприменимыми. Эта ярко проявляется в понимании методов ОРД, которые, как отмечается в научной литературе

[12, с. 10], несут двойную смысловую нагрузку: как методы научного познания они формируют особую исследовательскую модель изучения скрытых социальных процессов, разрабатывая специфические приемы сбора и анализа данных; как методы практической деятельности – представляют собой конкретный инструментарий, применяемый оперативными сотрудниками для решения задач выявления, предупреждения и раскрытия преступлений в реальном времени.

Ключевым гносеологическим источником и одновременно вызовом для ОРД выступает феномен латентности преступности. Как отмечают исследователи, преступность, имея разные виды латентности, во все времена стремилась оставаться скрытной [13, с. 273–274]. Это не просто статистический параметр, а сущностное свойство, искажающее картину социальной реальности и создающее закрытые социальные зоны для гласного правового контроля. Следовательно, ОРД выступает как специальный гносеологический механизм, призванный преодолеть эту латентность, «осветить» замаскированные криминальные связи и процессы, сделать их доступными для познания и последующего правового реагирования.

Вывод. Гносеологические основания ОРД дают ответ на центральный вопрос, почему государству для борьбы с преступностью требуется не просто информация, а принципиально иной, специфический режим познания и особые, конфиденциальные каналы ее получения. Они обосновывают необходимость существования правового института, чья основная гносеологическая миссия – производство легитимного знания о том, что изначально стремится остаться неизвестным.

Институционально-организационные (государственно-политические) основания оперативно-розыскной деятельности укоренены в ее сущностной роли как элемента публично-властной архитектуры современного государства. Эти основания раскрываются не только через наличие специальных органов, уполномоченных на осуществление ОРД (ст. 13 закона об ОРД), но и через комплекс системных связей, обеспечивающих ее легитимность, эффективность и подконтрольность. Ключевыми компонентами этой системы являются: институциональный (система уполномоченных государственных органов, наделенных оперативно-розыскными полномочиями); нормативный (детально регламентированные законом процедуры и основания осуществления ОРД); контрольно-надзорный (механизмы прокурорского надзора, судебного и ведомственного контроля); кадрово-ресурсный (специальный порядок подбора, подготовки и обеспечения лиц, реализующих оперативно-розыскные функции); конституцион-

ный (интеграция ОРД в общую систему разделения властей и сдержек и противовесов).

Исследуя проблему баланса власти в этой специфической сфере, А.И. Мелихов выдвигает принципиальный тезис: «...само наличие у государства суверенных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, является важнейшим институциональным признаком его суверенности» [14, с. 80]. Это утверждение подчеркивает, что ОРД представляет собой монополию и неотъемлемую функцию сильного правового государства, способного защищать свой конституционный строй и правопорядок от скрытых угроз, которые не могут быть нейтрализованы иными средствами.

Институциональный аспект также проявляется в динамическом, хотя и спорном, расширении функционального горизонта ОРД. Если исторически ее задачи сводились преимущественно к борьбе с общеуголовной и государственной преступностью, то сегодня перечень целей эволюционирует. Это находит отражение в законодательном включении в задачи ОРД сбора информации для обеспечения безопасности государства, общественной безопасности, а также для принятия управленческих решений в этих сферах (например, в области экономики, обороны, кадрово-проверочной работы и др.). Таким образом, ОРД трансформируется из узконаправленного инструмента уголовного преследования в компонент системы государственного управления рисками и стратегического анализа.

Вывод. Институционально-организационные основания объясняют, почему ОРД является атрибутом публичной власти и как она легитимно встраивается в систему государства.

Нравственно-этические основания оперативно-розыскной деятельности раскрывают ее глубинный моральный парадокс и определяют центральную проблему ее легитимации. Эта проблема заключается в принципиальном противоречии между высокими социально-полезными целями деятельности (защита жизни, прав, безопасности общества и государства) и средствами их достижения, которые по своей природе могут вступать в конфликт с фундаментальными этическими нормами и правовыми ценностями. К таким средствам относятся: ограничение конституционных прав и свобод граждан (на тайну частной жизни, переписки, неприкосновенность жилища); использование конспирации, скрытности и введения в заблуждение (легендирование, использование доверительных отношений в оперативных целях); применение мер скрытого принуждения и психологического воздействия [15, с. 286–293].

В специальных исследованиях по этике ОРД справедливо отмечается, что подобная деятель-

ность всегда вызывает в обществе двойственную нравственную оценку [16, с. 185–190; 17, с. 385–389]. С одной стороны, общественное сознание одобряет результат – нейтрализацию опасных преступников. С другой – испытывает интуитивное отторжение к методам, которые ассоциируются с тотальным контролем и вторжением в частную сферу, оценивая их как доноительство, стукачество, слежку и т. п. Эта амбивалентность порождает для оперативного сотрудника ситуацию перманентного морального выбора в условиях ценностного конфликта. Разрешение этого конфликта часто апеллирует к концепту «выбор наименьшего зла», то есть осознанное и вынужденное причинение ограниченного, контролируемого и юридически оправданного вреда рассматривается как этически допустимое для предотвращения, например, тяжкого преступления [18, с. 128].

Однако, как подчеркивают философы права, сам по себе принцип наименьшего зла является недостаточным и потенциально опасным без строгих моральных условий, так как этическое поведение, в том числе и в правовой сфере, состоит в осуществлении ценностей [19, с. 130]. Эти условия образуют этический каркас ОРД и определяют, при каких моральных ограничителях деятельность, связанная с введением в заблуждение и ограничением прав объектов оперативной разработки, может быть оправдана и оставаться социально приемлемой. К таким условиям относятся:

- принцип правовой обоснованности и соразмерности: любое ограничение прав для достижения законной цели должно быть прямо предусмотрено законом и соразмерно ей, а вред, причиняемый частным интересам, должен быть минимально возможным;

- принцип subsidiarity: ОРД не может применяться чрезмерно, когда является очевидным, что достижение тех же целей гласными правовыми средствами возможно и менее затратно;

- принцип гуманизма и сохранения морального ядра личности: несмотря на специфику работы, деятельность не должна вести к деградации моральных качеств сотрудников и конфиденентов, поощрять жестокость или цинизм;

- принцип профессиональной честности и ответственности перед законом и совестью: сотрудник обязан осознавать моральную цену своих действий.

Вывод. Нравственно-этические основания отвечают на вопрос о том, какие моральные условия легитимности должна выдерживать ОРД, чтобы оставаться социально приемлемой.

Методологические основания оперативно-розыскной деятельности задают принципы научного осмысления ОРД как сложного социально-правового феномена. Они выстраивают ана-

лиз, обеспечивающий целостность ее теоретической модели и преодолевают узковедомственные или чисто эмпирические описания. Это наиболее фундаментальный уровень, определяющий понимание субъекта и объекта ОРД. Он обосновывает легитимность ОРД в контексте соотношения свободы и безопасности, общего блага и частного интереса; дает модель человека, исходя не только из рационального, но и из иррационального, аффективного, склонного к преступной деятельности. Это объясняет феномен психологического противодействия и позволяет анализировать ОРД как социальный институт, порожденный специфической природой криминальной реальности.

Вывод. Методологические основания ОРД исчерпывающе объясняют, на какой надстройке знаний строится ее теория. Они демонстрируют, что ОРД не является примитивной технологией или сугубо правовой дисциплиной. Это синтетический объект исследования, требующий интегрального подхода. Без междисциплинарного подхода любое описание ОРД становится редуccionистским, так как оно сводит ее либо к юридическому формализму, либо к тактическим приемам и технологическому инструментарию.

Заключение. На основе проведенного теоретико-правового анализа можно сформулировать следующие выводы.

Основания ОРД как социально-правового института представляют собой систему фундаментальных, многоуровневых предпосылок, выходящих за рамки процедурных оснований для проведения отдельных мероприятий. Эта система включает априорные, онтологические, гносеологические, институционально-организационные, нравственно-этические и методологические основания. Априорные основания задают аксиологическую рамку ОРД, базируясь на не выводимых из опыта принципах. Онтологические и гносеологические основания взаимосвязаны и обусловлены спецификой объекта воздействия – преступности. Онтологические основания раскрывают необходимость ОРД как адекватного ответа на скрытую и противодействующую природу преступной деятельно-

сти. Гносеологические основания обосновывают потребность в особом, негласном режиме познания для преодоления латентности и получения прогностической информации, недоступной для гласных методов. Нравственно-этические основания раскрывают ключевой моральный парадокс ОРД, заключающийся в противоречии между социально полезными целями и ограничением прав и конспирацией. Легитимность деятельности обеспечивается соблюдением строгих этических условий: правовой обоснованности, соразмерности, subsidiarity, гуманизма и профессиональной ответственности.

Перспективным вектором для последующих научных изысканий может стать комплексное изучение оснований ОРД на основе междисциплинарного подхода, интегрирующего философско-правовой, структурно-функциональный и теоретико-познавательный анализ. Это позволит преодолеть редуccionистские трактовки ОРД и рассматривать ее как институт публичной власти, встроенный в систему сдержек и противовесов и выполняющий функции управления криминальными рисками. Дальнейшие исследования могут быть направлены на преодоление нерешенной в данной статье проблемы объективного ранжирования, системных связей и субординации между различными типами оснований (априорными, онтологическими и т.д.), что поможет построить динамическую теоретическую модель, объясняющую приоритет тех или иных оснований в зависимости от конкретных задач, исторического контекста или типа оперативно-розыскного мероприятия.

Актуальным является изучение адекватности существующей системы оснований ОРД для противодействия современным вызовам, таким как гибридные войны, киберпреступность, транснациональный терроризм, использование криптовалют и децентрализованных сетей, а также анализ того, как онтологические и гносеологические основания модифицируются при столкновении с принципиально новыми формами латентной противоправной деятельности в сети Интернет.

Литература

1. Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. – Москва: Мысль, 1986. – 332 с.
2. Сидоренко А.В., Масленников К.И. Значение оперативно-розыскных способов выявления коррупционных преступлений в сфере госзакупок // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 4. – С. 150–158.
3. Зуев С.В. Основы оперативно-розыскной деятельности: курс лекций. – Челябинск: ЮУрГУ, 2018. – 178 с.
4. Одионов К.В. Трансформация задач оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях: от реагирования к прогнозированию // Научные исследования преступления и наказания. – 2025. – № 3. – С. 24–32.
5. Луговик В.Ф. Негласное производство по уголовным делам // Общество и право. – 2018. – № 1. – С. 56–60.
6. Основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / под ред. А.Е. Четчина. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт МВД России. 2015. – 264 с.
7. Маликова Н.Б., Мусалева А.В. Система принципов оперативно-розыскной деятельности // Научный портал МВД России. – 2022. – № 4. – С. 120–127.

8. **Бирюков С.Ю.** Понятие, задачи, общие условия (принципы) и формы взаимодействия между следователем и оперативным сотрудником // Гуманитарные и юридические исследования. – 2025. – Т. 12. – № 2. – С. 288–295.
9. **Сыромолотов В.Б.** Принцип конспирации в оперативно-розыскной деятельности // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 5. – С. 357–361.
10. **Павличенко Н.В.** Частная теория негласности в оперативно-розыскной деятельности: от идеи до реализации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 4 (108). – С. 139–147.
11. **Тамбовцев А.И.** Проблема определения и толкования понятия «защита тайны» в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 2. – С. 211–217.
12. **Варданян А.В.** Проблема систематизации цифровых методов оперативно-розыскной деятельности, используемых в борьбе с дистанционными хищениями, и их криминалистическое значение // Юрист-Правовед. – 2022. – № 2. – С. 7–13.
13. **Капанадзе М.Т., Свежинцев Е.И.** Латентная преступность: характеристика, виды и пути минимизации латентной преступности // Вестник науки. – 2025. – № 11. – Том 3. – С. 272–278.
14. **Мелихов А.И.** Элементы системы сдержек и противовесов в сфере оперативно-розыскной деятельности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2021. – № 3. – С. 80–88.
15. **Червонюк В.И.** Оперативно-розыскные мероприятия: инструментальная ценность, правовая определенность норм закона // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 5. – С. 286–293.
16. **Щеглов А.В.** Размышления о нравственном характере оперативно-розыскной деятельности // Криминологический журнал. – 2023. – № 2. – С. 185–190.
17. **Буряков Е.В.** Соотношение морали, этики и права в розыскной и идентификационной деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2025. – Т. 31. – № 4. – С. 385–389.
18. **Синилов Д.К., Парамонов И.М.** К вопросу о психологии морального поведения функциональных субъектов оперативно-розыскной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 4. – С. 127–129.
19. **Соколова А.А., Богданова А.В.** Война, зло, человечность в философской антропологии Н.А. Бердяева / Война в контексте мировой культуры: материалы III Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, Астрахань, 28 мая 2025 года. – Астрахань: Астраханский государственный технический университет. 2025. С. 129–134.

References

1. **Kerimov D.A.** Filosofskie osnovaniya politiko-pravovykh issledovaniy. – Moskva: Mysl', 1986. – 332 s.
2. **Sidorenko A.V., Maslennikov K.I.** Znachenie operativno-rozysknykh sposobov vyavleniya korruptsiy prestupleniy v sfere goszakupok // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2023. – № 4. – С. 150–158.
3. **Zuev S.V.** Osnovy operativno-rozysknoy deyatel'nosti: kurs lekciy. – Chelyabinsk: YuUrGU, 2018. – 178 s.
4. **Odinokov K.V.** Transformatsiya zadach operativno-rozysknoy deyatel'nosti v ispravitel'nykh uchrezhdeniyah: ot reagirovaniya k prognozirovaniyu // Nauchnye issledovaniya prestupleniya i nakazaniya. – 2025. – № 3. – С. 24–32.
5. **Lugovik V.F.** Neglasnoe proizvodstvo po ugolovnym delam // Obshchestvo i pravo. – 2018. – № 1. – С. 56–60.
6. Osnovy operativno-rozysknoy deyatel'nosti organov vnutrennih del / pod red. A.E. Chechetina. – Habarovsk: Dal'nevostochnyy yuridicheskij institut MVD Rossii. 2015. – 264 s.
7. **Malikova N.B., Musaleva A.V.** Sistema principov operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Nauchnyy portal MVD Rossii. – 2022. – № 4. – С. 120–127.
8. **Biryukov S.Yu.** Ponyatie, zadachi, obshchie usloviya (principy) i formy vzaimodeystviya mezhdu sledovatelem i operativnym sotrudnikom // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. – 2025. – Т. 12. – № 2. – С. 288–295.
9. **Syromolotov V.B.** Princip konspiratsii v operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2023. – № 5. – С. 357–361.
10. **Pavlichenko N.V.** Chastnaya teoriya neglasnosti v operativno-rozysknoy deyatel'nosti: ot idei do realizatsii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2025. – № 4 (108). – С. 139–147.
11. **Tambovcev A.I.** Problema opredeleniya i tolkovaniya ponyatiya «zashchita tajny» v operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2025. – № 2. – С. 211–217.
12. **Vardanyan A.V.** Problema sistematsizatsii tsifrovyykh metodov operativno-rozysknoy deyatel'nosti, ispol'zuemykh v bor'be s distantsionnymi hishcheniyami, i ih kriminalisticheskoe znachenie // Yurist'-Pravoved». – 2022. – № 2. – С. 7–13.
13. **Kapanadze M.T., Svezhincev E.I.** Latentnaya prestupnost': harakteristika, vidy i puti minimizatsii latentnoy prestupnosti // Vestnik nauki. – 2025. – № 11. – Том 3. – С. 272–278.
14. **Melikhov A.I.** Elementy sistemy sderzhkek i protivovosov v sfere operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya. – 2021. – № 3. – С. 80–88.
15. **Chervonyuk V.I.** Operativno-rozysknye meropriyatiya: instrumental'naya cennost', pravovaya opredelennost' norm zakona // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2022. – № 5. – С. 286–293.
16. **Shcheglov A.V.** Razmyshleniya o нравstvennom haraktere operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Kriminologicheskij zhurnal. – 2023. – № 2. – С. 185–190.
17. **Buryakov E.V.** Sootnoshenie morali, etiki i prava v rozysknoy i identifikatsionnoy deyatel'nosti // Nauchnyy vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2025. – Т. 31. – № 4. – С. 385–389.
18. **Sinilov D.K., Paramonov I.M.** K voprosu o psihologii moral'nogo povedeniya funktsional'nykh sub»ektov operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2012. – № 4. – С. 127–129.
19. **Sokolova A.A., Bogdanova A.V.** Vojna, zlo, chelovechnost' v filosofskoj antropologii N.A. Berdyayeva / Vojna v kontekste mirovoj kul'tury: materialy III Vserossiyskoj nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu Pobedy sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy vojne, Astrahan', 28 maya 2025 goda. – Astrahan': Astrahanskij gosudarstvennyy tekhnicheskij universitet. 2025. С. 129–134.

(статья сдана в редакцию 19.01.2026)

**Мнимые и потенциальные полномочия
должностного лица: получение ценностей
за действия, объективно не входящие
в компетенцию субъекта**

**Imaginary and potential powers of an official:
receiving values for actions that are not objectively
within the subject's competence**

УДК 343.8

А.Б. Баумштейн,
доктор юридических наук, доцент
(Юго-Западный государственный университет,
Россия, Курск)
5068896@list.ru

Anton B. Baumshtein,
Doctor of Law, Associate Professor
(Southwest State University,
Kursk, Russia)

Аннотация: проблема разграничения получения взятки (ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации) и мошенничества (ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации) в ситуациях, когда должностное лицо получает ценности (денежные средства, иное имущество) за действия, которые не входят в его компетенцию и объективно не могут быть обеспечены ни лично, ни посредством служебно обусловленного влияния, сформировала устойчивый массив спорных решений и разнонаправленных доктринальных позиций. Ключевую роль в унификации практики сыграл абз. 2 п. 24 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24, закрепивший критерий «объективная невозможность» и связанный с ним критерий «отсутствие обусловленности служебным положением». При этом правовое значение имеют представления и действия обеих сторон: Пленум специально указал, что владелец переданных ценностей в подобных случаях несет ответственность за покушение на дачу взятки (либо коммерческий подкуп) в зависимости от обстоятельств. Однако правоприменение демонстрирует, что при внешней ясности формулы сохраняются сложности в понимании *полномочий* как юридической компетенции и как фактической управленческой возможности; в оценке *потенциальных* полномочий (способствование, общее покровительство, административный ресурс); в учете осведомленности сторон и роли заблуждения взяткодателя; в квалификации совокупности с посредничеством во взяточничестве (ст. 291.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) и смежных коррупционных составов. В статье предлагается концептуальная модель разграничения мнимых и потенциальных полномочий, формулируются прикладные критерии квалификации и доказательственные ориентиры для следствия и суда, рассматриваются альтернативные позиции в науке и международный контекст *торговли влиянием* (trading in influence).

Ключевые слова: взяточничество; получение взятки; мошенничество; должностное лицо; полномочия; компетенция; мнимые полномочия; потенциальные полномочия; способствование; торговля влиянием; квалификация; судебная практика; Пленум Верховного Суда Российской Федерации

Для цитирования: Баумштейн А.Б. Мнимые и потенциальные полномочия должностного лица: получение ценностей за действия, объективно не входящие в компетенцию субъекта // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 2. – С. 51–58.

Abstract: the problem of delineating bribe-taking (Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation) from fraud (Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation) in situations where a public official receives valuables (money or other property) for actions that fall outside his or her competence and objectively cannot be ensured either personally or through position-based influence has generated a persistent

body of controversial judicial decisions and divergent doctrinal approaches. A key role in the unification of law-enforcement practice was played by paragraph 2 of clause 24 of Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 24 of 9 July 2013, which established the criterion of “objective impossibility” and the related criterion of the “absence of a nexus with the official position.” The Plenum also emphasized that, in such cases, the owner of the transferred valuables may incur liability for an attempted bribe-giving (or attempted commercial bribery), depending on the circumstances. However, law-enforcement practice demonstrates that, notwithstanding the apparent clarity of this formula, significant difficulties remain: (1) in understanding “powers” both as formal legal competence and as de facto managerial capacity; (2) in assessing “potential” powers (facilitation, general patronage, administrative leverage); (3) in taking into account the parties’ awareness and the role of the bribe-giver’s mistake or delusion; and (4) in qualifying concurrence with mediation in bribery (Article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) and related corruption offences. The article proposes a conceptual model for distinguishing sham (illusory) powers from potential powers, formulates applied criteria of legal qualification and evidentiary benchmarks for investigative bodies and courts, and examines alternative scholarly positions as well as the international context of trading in influence.

Keywords: bribery; bribe-taking; fraud; public official; powers; competence; sham powers; potential powers; facilitation; trading in influence; legal qualification; judicial practice; Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation

For citation: Baumshtein A.B. Imaginary and potential powers of an official: receiving values for actions that are not objectively within the subject’s competence // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 2. – P. 51–58.

Введение: актуальность и постановка проблемы. Среди пограничных зон коррупционной преступности наиболее конфликтогенной выступает ситуация, при которой должностное лицо получает имущественную выгоду за принятие определенного решения, однако впоследствии устанавливается, что совершение обещанного действия объективно не входило в компетенцию данного лица и, более того, у него отсутствовала реальная возможность обеспечить его реализацию посредством иных должностных лиц.

Практическая значимость вопроса определяет двумя обстоятельствами.

Во-первых, квалификация по ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) традиционно воспринимается как ядро коррупционных посягательств на нормальную деятельность публичной власти, тогда как квалификация по ст. 159 УК РФ переносит акцент на имущественное посягательство. В пограничной ситуации правоприменитель фактически выбирает, какой социальный вред признается основным – вред публичной службе либо вред имущественным отношениям. Доктрина давно отмечает, что взяточничество – это не просто получение денег [1, с. 115], а подкуп публичной функции [2, с. 640].

Во-вторых, выбор квалификации напрямую влияет на оценку доказательств: для взятки ключевым становится установление обусловленности и связи вознаграждения со служебными

возможностями, а для мошенничества – установление обмана / злоупотребления доверием и причинно-следственной связи между ними и передачей имущества. В результате один и тот же фактический коррупционный сюжет в разных регионах и на разных стадиях рассмотрения может мигрировать между ст. 290 и ст. 159 УК РФ, порождая ощущение непредсказуемости правоприменения и повышая риски процессуальных ошибок.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум ВС РФ) в постановлении от 9 июля 2013 № 24 (далее – постановление Пленума № 24) предложил ключ к разграничению². Абзац 2 пункта 24 закрепил, что, когда должностное лицо получает ценности «за действия, которые оно не может совершить» и объективно не способно обеспечить их совершение иными лицами, содеянное следует квалифицировать как мошенничество (при наличии умысла на хищение), а не как получение взятки. Тем самым высшая судебная инстанция фактически ввела в доктрину и практику специальную фильтрацию мнимых служебных возможностей – то, что в научном языке удобно обозначать как *мнимые полномочия*.

Однако при применении этой формулы возникло несколько вопросов:

1. Что считать полномочиями: только юридически закрепленную компетенцию или также фактический управленческий ресурс?

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. Доступ из Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. Как оценивать ситуации способствования (потенциального влияния), или где проходит граница между потенциальными полномочиями и личными отношениями?

3. Как учитывать осведомленность взяткодателя о реальности возможностей должностного лица?

4. Как квалифицировать действия при смешанных моделях поведения (часть обещанного реально возможна, часть – заведомо невозможна; лицо имитирует посредничество; «влияние» заявлено, но не подтверждается)?

Цель настоящей статьи – предложить *структурированную* концепцию разграничения *мнимых* и *потенциальных* полномочий должностного лица в контексте п. 24 постановления Пленума № 24 и практики применения ст. 290 УК РФ, обосновать предпочтительную квалификационную модель и сформулировать ориентиры для доказывания.

Методология и источниковая база. Методологическую основу исследования составляют: формально-юридический метод анализа уголовно-правовых норм; системное толкование с учетом разъяснений Пленума ВС РФ; сравнительно-правовой анализ концепции *trading in influence* в международном и зарубежном дискурсе [3, с. 131]; а также криминологически ориентированная оценка рисков подмены коррупционных составов имущественными [1, с. 118] и наоборот [4, с. 72].

Источниковую базу составляют: научная литература (монографии, учебники, статьи, диссертационные исследования) по проблемам взяточничества, мошенничества, посредничества во взяточничестве, квалификации продолжаемых эпизодов и момента окончания преступлений; разъяснения Пленума ВС РФ по взяточничеству и по мошенничеству; отдельные ориентиры, вытекающие из бюллетеней судебной практики (в том числе приводимые в научной литературе).

Нормативная рамка: ст. 290 УК РФ и служебные возможности как ключевой узел. Диспозиция ст. 290 УК РФ закрепляет, что взятка получается «за совершение действий (бездействия)... если указанные действия входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе». Тем самым законодатель заранее признает, что коррупционный обмен возможен не только *в пределах компетенции*, но и в режиме влияния – через административный ресурс, статус, возможность организовать решение вопроса другими лицами, обеспечить благоприятный режим, ускорение процедур и т.п.

В учебной литературе справедливо подчеркивается, что взятка всегда является подкупом долж-

ностного лица [2, с. 640]. Именно подкуп отличает взяточничество от многих имущественных преступлений: объектом посягательства выступает нормальная деятельность публичной службы, а имущественный элемент (передача ценностей) – средством воздействия на служебное поведение.

Условием уголовно-правовой оценки в логике ст. 290 УК РФ является обусловленность: ценности должны выступать условием совершения должностным лицом определенного служебного поведения (или обещания такого поведения). Это корреспондирует разъяснениям Пленума ВС РФ, согласно которым преступление признается оконченным с момента принятия взятки (в том числе ее части), а фактическое совершение обусловленных действий для квалификации по ст. 290 УК РФ не требуется (формальный состав) [5, с. 4].

Вместе с тем формальность состава не означает, что любое получение денег под видом решения вопроса автоматически превращается во взятку. Здесь принципиален второй узел – реальность служебного ресурса (компетенции или возможности способствовать). Именно он и встроен в абз. 2 п. 24 постановления Пленума № 24, который содержит несколько взаимосвязанных тезисов, но для рассматриваемой темы ключевыми являются два:

1. Для взятки достаточно, что ценности получены за действия (бездействие), входящие в полномочия либо обеспечиваемые через «способствование» вследствие должностного положения (включая общее покровительство/попустительство).

2. Если должностное лицо получает ценности, создавая впечатление, что оно решит вопрос, но в действительности действия не входят в его компетенцию и оно объективно не может обеспечить их совершение иным должностным лицом, при наличии умысла на незаконное безвозмездное изъятие имущества содеянное образует мошенничество.

Согласно абз. 2 п. 24 постановления Пленума № 24 действует критерий объективной невозможности: если должностное лицо принимает ценности, создавая видимость решения вопроса, однако обещанные действия не относятся к его компетенции и оно не имеет реальной возможности обеспечить их выполнение через другое должностное лицо, то при наличии умысла на незаконное изъятие имущества такие действия квалифицируются как мошенничество, совершенное с использованием служебного положения. Тем самым Пленум ВС РФ закрепил предел состава получения взятки и устранил риск необоснованной «коррупционной гиперквалификации», что поддерживается и современными комментариями к УК РФ [6, с. 265].

Таким образом, абз. 2 п. 24 постановления Пленума № 24 закрепляет два критерия:

– объективный: реальная (внешне проверяемая) возможность совершить обещанное действие (или обеспечить его совершение другим должностным лицом) вследствие должностного положения;

– субъективный: наличие у виновного умысла на хищение (использование обмана злоупотребления доверием для изъятия имущества) при отсутствии намерения/возможности реализовать коррупционную сделку как сделку о служебном поведении.

Полномочия должностного лица: от юридической компетенции к фактическому административному ресурсу. Классическая проблема здесь заключается в том, что термин «полномочия» в уголовно-правовом дискурсе употребляется в двух значениях:

1. Юридическая компетенция – закрепленные нормативно (законом, положением, регламентом, должностной инструкцией) права и обязанности.

2. Фактическая управленческая возможность – способность должностного лица реально влиять на решения иных лиц, процедуру, скорость, качество и результат рассмотрения вопросов, включая влияние через подчиненность, контроль, согласование, визирование, распределение ресурсов.

Б.В. Волженкин, анализируя служебные преступления, последовательно показывает, что должностное положение – это не только формальные полномочия, но и функциональная роль в механизме управления [1, с. 131]. Эта мысль особенно важна для квалификации способствования: формально действие может совершать другое лицо, но управленческая система позволяет виновному обеспечить нужный результат.

Смысл законодательной формулы «в силу должностного положения может способствовать» состоит в признании потенциального полномочия – возможности добиться нужного результата не прямым юридическим актом, а через статусный ресурс. Такие возможности чаще всего проявляются в следующих формах:

– влияние на подчиненных (распределение задач, указания, контроль);

– участие в согласовании и визировании решений;

– влияние на распределение ресурсов/квот/планов/госуслуг;

– возможность инициировать проверку, создать барьеры или, наоборот, обеспечить бесконфликтный режим;

– участие в комиссионных процедурах, где голос/позиция должностного лица влияет на результат.

Именно поэтому потенциальные полномочия не сводимы к личным отношениям. Их природа служебна, даже если внешне выражается в разговоре или рекомендации: решающим является

обусловленность влияния должностным статусом, а не дружбой.

Мнимые и потенциальные полномочия: концептуальная модель разграничения. Мнимые полномочия – это заявляемая должностным лицом способность совершить (или обеспечить) определенные действия, которая отсутствует в его юридической компетенции, не может быть реализована как фактическое способствование вследствие должностного положения, не основана на служебно обусловленном ресурсе (подчиненности, контроле, согласовании, управленческом влиянии). Мнимые полномочия существуют как коммуникативная конструкция, создаваемая обманом. В таком случае имущественный вред – результат введения потерпевшего в заблуждение, а не результат подкупа публичной функции.

Потенциальные полномочия – это возможность должностного лица обеспечить благоприятный для взяточдателя результат, даже если оно само не совершает юридически значимого действия. Потенциальные полномочия всегда опираются на служебную роль и управленческий ресурс. Их правовая природа находит отражение в диспозиции ст. 290 УК РФ о способствовании и в категории «общее покровительство/попустительство».

Предлагаем использовать четырехэлементный тест, позволяющий разделить потенциальные полномочия от мнимых:

А. Нормативный контур: есть ли в правовых актах/регламентах или должностной инструкции у лица функции, связанные с заявленным результатом (прямо или через согласование/контроль)?

В. Организационный контур: позволяет ли место лица в иерархии реально воздействовать на исполнителя (подчиненность, ведомственный контроль, распределение ресурсов)?

С. Процедурный контур: участвует ли лицо в процедуре принятия решения (комиссия, согласование, визирование, подготовка заключения, инициирование)?

Д. Коммуникативно-доказательственный контур: как именно лицо представляло свои возможности? связывало ли оно решение вопроса с должностным статусом или апеллировало к личным отношениям или знакомству?

Если хотя бы один из контуров А – С подтвержден, а D показывает связь обещания с должностным положением, речь идет о потенциальных полномочиях, и базовая квалификация должна строиться вокруг ст. 290 УК РФ (при наличии иных признаков). Если же А – С отсутствуют, а D демонстрирует имитацию служебного ресурса, имеются в виду мнимые полномочия, и в силу вступает абз. 2 п. 24 постановления Пленума № 24 о мошенничестве.

Взятка или мошенничество: конкурирующие позиции в доктрине и обоснование пред-

почтительного подхода. В научной и практической среде встречается аргумент: поскольку состав ст. 290 УК РФ формален и не требует фактического совершения действий, то и объективная возможность совершить обещанное не должна иметь решающего значения. Достаточно, что получатель – должностное лицо, и он «продает» служебное решение. В рамках этой логики мнимость полномочий должна поглощаться взяткой: деяние все равно подрывает доверие к власти.

Эта позиция опирается на интуитивно понятный тезис: коррупционная сделка может быть преступной уже потому, что должностное лицо берет деньги за службу, независимо от реального результата.

Однако именно против чрезмерного расширения состава ст. 290 УК РФ и направлен абз. 2 п. 24 постановления Пленума № 24. Иначе возникает риск криминализации ситуаций, где публичная функция фактически не является предметом подкупа, а имеет место обычное имущественное хищение под коррупционной маской.

Другая линия (представляющаяся более обоснованной) исходит из того, что «подкуп» невозможен без предмета подкупа – без реальной способности должностного лица воздействовать на служебный результат. Если служебного ресурса нет, то объект посягательства – нормальная деятельность службы – затрагивается лишь внешне, тогда как реальный ущерб причиняется имущественным отношениям. Эта позиция прямо выражена в абз. 2 п. 24 Постановления Пленума № 24 и поддерживается в доктрине: для состава получения взятки необходим реальный служебный ресурс (полномочия либо служебно обусловленное способствование); при объективной невозможности обеспечить обещанное и наличии умысла на хищение квалификация должна строиться по ст. 159 УК РФ. Сходную аргументацию развивает Н.А. Лопашенко, подчеркивая значение служебной обусловленности поведения [7, с. 111].

Предпочтительность объективной возможности подтверждается как минимум четырьмя аргументами:

1. **Охраняемый объект.** Взятка криминализует подкуп публичной функции. Если публичная функция не может быть затронута, предмет подкупа отсутствует. Тогда остается обманное изъятие имущества (мошенничество).

2. **Системность законодательства.** Статья 290 УК РФ прямо требует связи с полномочиями или способствованием. Это не декоративная формула – она задает предел состава.

3. **Предсказуемость квалификации.** Критерий объективной невозможности позволяет формировать проверяемые стандарты доказывания (должностные инструкции, регламенты, связь с процедурой), снижая произвол.

4. **Защита от подмены составов.** Без этого критерия появляется риск коррупционной гиперквалификации, когда любое хищение, совершенное должностным лицом путем обмана, будет необоснованно квалифицироваться как взятка ради более строгой ответственности.

Для квалификации по ст. 159 УК РФ в рассматриваемых ситуациях решающим является наличие умысла на хищение: лицо получает имущество, не намереваясь и не будучи способным обеспечить обещанный результат, создавая у потерпевшего ложное представление о служебной возможности.

При этом важно различать две модели:

- обман о полномочиях (лицо понимает, что не может способствовать, и «продает» невозможное);
- обман о намерении (лицо теоретически могло бы способствовать, но изначально не собиралось ничего делать).

Вторая модель при наличии служебного ресурса не всегда исключает взятку: формальный состав получения взятки не требует фактического совершения обещанных действий и допускает квалификацию уже по факту принятия ценностей (в том числе частично) [5, с. 5]. Однако здесь требуется осторожность: если служебный ресурс отсутствует и обещание основано на фикции, мы неизбежно переходим в плоскость мошенничества (абз. 2 п. 24 постановления Пленума № 24).

Заблуждение взяткодателя и проблема мнимого подкупа. Отдельную сложность создают ситуации, когда передающее ценности лицо заблуждается относительно компетенции или возможностей должностного лица и воспринимает передачу как коррупционную сделку. Для квалификации поведения получателя решающим является объективная возможность совершить (либо обеспечить) обещанные действия в силу должностного положения, при ее отсутствии и наличии умысла на хищение содеянное образует мошенничество (абз. 2 п. 24 Постановления Пленума № 24).

Одновременно заблуждение взяткодателя само по себе не исключает его ответственности: в постановлении Пленума № 24 прямо указано, что владелец переданных ценностей в таких случаях несет ответственность за покушение на дачу взятки (либо коммерческий подкуп) в зависимости от обстоятельств дела. Следовательно, в исследуемой группе ситуаций необходимо анализировать и субъективную сторону поведения дающего (цель подкупа, адресат влияния, представления о служебных возможностях получателя), а не ограничиваться характеристикой получателя.

Иная ситуация складывается тогда, когда дающее лицо осознает отсутствие у получателя прямой компетенции, но передает ценности за служебно обусловленное способствование (использование

должностного положения для влияния на иных должностных лиц, подчиненных либо на процедуры согласования и контроля). В таком случае квалификация по ст. 290 УК РФ возможна при доказанности реальности указанного служебного ресурса и причинно-следственной связи между статусом лица и обещанным результатом. Если же влияние декларируется без каких-либо объективных оснований и используется лишь как прием обмана, возникают основания для квалификации по ст. 159 УК РФ.

Предел между служебно обусловленным соспособствованием и использованием личных отношений имеет принципиальное значение: если обещание основано исключительно на частных связях и не связано с должностным положением – состава взятки нет; при наличии обмана со стороны получателя возможна квалификация как мошенничество [4, с. 72].

Суды и следствие иногда ограничиваются формальным выводом «не входит в компетенцию», не исследуя, есть ли у лица организационные рычаги (подчиненность, контроль, согласование, визирование, распределение ресурсов). Между тем именно эта зона образует потенциальные полномочия. Неполное исследование приводит к неправильной переквалификации в мошенничество или, наоборот, к необоснованной квалификации как взятки. В уголовных делах указанной категории доказательственная устойчивость достигается не общей характеристикой личности («имеет связи», «обладает авторитетом»), а проверяемыми источниками: должностными регламентами, приказами о распределении функций, документами о подчиненности и согласовании, материалами служебной переписки, подтверждающими реальную включенность лица в принятие решений. При отсутствии таких данных тезис о потенциальных полномочиях превращается в недоказанное предположение.

Сюжеты часто бывают смешанными: должностное лицо реально способно обеспечить часть обещанного, но «продает» сверх того – невозможное. Здесь возможны варианты:

- квалификация как взятки в части служебного ресурса и мошенничество в части «допродажи» невозможного (при доказанности раздельных умысла и эпизодов);
- квалификация по преобладающему ядру при доказанности единого умысла.

Именно поэтому важен анализ эпизодности и продолжительности [8, с. 73], на что обращают внимание исследователи проблем многоэпизодного взяточничества [9, с. 174].

Посредничество и торговля влиянием: где заканчивается ст. 291.1 УК РФ и начинается мошенничество. Введение ст. 291.1 УК РФ усилило потребность в четких разграничениях. Исследователи указывают на сложности квалификации при

конкуренции норм о пособничестве и специальной норме о посредничестве [10, с. 99]. В практическом плане это проявляется следующим образом: лицо получает деньги для передачи должностному лицу, но не передает. При отсутствии намерения передать и при наличии обмана возникает мошенничество; при намерении передать и пресечении – покушение на посредничество или оконченное посредничество в зависимости от фактических действий. Сама доктрина посредничества подчеркивает, что физическое посредничество имеет признаки непосредственного участия в передаче ценностей и требует отделения от действий взяткодателя [11, с. 72]. Эти разграничения косвенно влияют и на тему мнимых полномочий: когда должностное лицо имитирует посредника, но фактически «продает» невозможное, абз. 2 п. 24 постановления Пленума № 24 вновь возвращает нас к мошенничеству.

Ситуации *потенциальных полномочий* близки к феномену торговли влиянием (trading in influence). В международной антикоррупционной повестке торговля влиянием рассматривается как самостоятельный риск, находящийся между взяткой и мошенничеством: субъект получает выгоду за обещание повлиять на решение публичного органа, используя статус, связи или доступ [12, с. 236]. Слингерланд, анализируя зарубежные модели, подчеркивает, что без эффективного правоприменения нормы превращаются в декларации; показателен афористичный тезис о том, что regulation... without enforcement is meaningless [13, с. 142]. Для российского контекста это означает: даже при наличии разъяснений Пленума ВС РФ ключевым остается качество доказывания служебной обусловленности влияния. Холлан показывает, что правовые системы по-разному определяют пределы криминализации торговли влиянием и различают реальное влияние и мнимое влияние [12, с. 239]. Это различие по сути совпадает с нашей моделью *потенциальных и мнимых полномочий*.

Для устойчивого разграничения ст. 290 и ст. 159 УК РФ в логике абз. 2 п. 24 постановления Пленума № 24 целесообразно фиксировать в постановлении о привлечении и в приговоре ответы на следующие вопросы:

1. Какой конкретно результат обещался (какое действие или бездействие, какой орган или должностное лицо, какая процедура)?
2. Входит ли это действие в юридическую компетенцию виновного?
3. Если не входит, то мог ли виновный в силу должностного положения способствовать его совершению (контуры А – С теста)?
4. Чем подтверждается это соспособствование: документами, служебными процедурами, подчиненностью, полномочиями по контролю/согласованию?
5. Как виновный обосновывал свою способ-

ность решить вопрос: ссылался на должность, служебные рычаги или на личные связи?

6. Был ли обман относительно полномочий/возможностей, и как он повлиял на передачу имущества?

7. Каков был умысел: на подкуп служебного поведения или на хищение под видом коррупционной сделки?

Наиболее убедительными доказательствами *потенциальных полномочий* выступают:

- должностной регламент и положение о подразделении;
- документы о распределении функций и делегировании полномочий;
- переписка, резолюции, визирование;
- протоколы комиссий, служебные записки;
- данные о реальном влиянии на исполнителя (в том числе дисциплинарная/организационная зависимость).

Если эти доказательства отсутствуют, а влияние подтверждается только словами участников, вероятность квалификации как мошенничества возрастает: правоприменение не может строиться на предположении о *невидимом административном ресурсе*.

Пленум ВС РФ по делам о мошенничестве в постановлении от 30 ноября 2017 г. № 48³ фиксирует понимание обмана и злоупотребления доверием и тем самым предоставляет процессуальный инструментарий для правильной фиксации мошеннической модели. В рассматриваемых делах важно не механически переводить дело в ст. 159 УК РФ, а показать, какие именно ложные сведения о полномочиях/возможностях стали причиной передачи имущества.

Заключение: выводы и предложения. Абзац 2 пункта 24 постановления Пленума ВС РФ

№ 24 закрепляет принципиальный предел состава получения взятки: взятка предполагает реальный служебный ресурс (полномочия либо служебно обусловленное способствование). При объективной невозможности обеспечить обещанное действие ответственность по ст. 290 УК РФ исключается, и при наличии умысла на хищение квалификация должна строиться по ст. 159 УК РФ.

Для объяснения и практического применения данной формулы целесообразно различать потенциальные полномочия (реальный служебный ресурс влияния, вытекающий из статуса или организационной роли) и мнимые полномочия (имитация такого ресурса, обман о возможности решить вопрос).

Предложенный четырехконтурный тест (нормативный, организационный, процедурный, коммуникативный) позволяет формировать проверяемый стандарт разграничения и снижает риск произвольных перекавалификаций. Наиболее типовая ошибка практики – отождествление личных связей со способствованием в силу должностного положения. Для квалификации по ст. 290 УК РФ необходимо доказать служебную обусловленность влияния.

Международный дискурс *trading in influence* показывает, что правовые системы стремятся различать *реальное и мнимое* влияние. Российская модель через п. 24 Пленума № 24 уже содержит это разграничение, но качество его применения зависит от стандарта доказывания.

Таким образом, приоритетной задачей правоохранительных органов и суда выступает детализация описания служебного ресурса должностного лица с опорой на документы и процедуру в судебных решениях: необходимо переходить от неопределенных формулировок (например, «имел связи») к точным, основанным на нормативных актах и должностных регламентах (например, «в силу должностного положения мог способствовать»), что позволит избежать субъективности при квалификации деяния.

³ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Волженкин Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2005. – 560 с.
2. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рапога, А.И. Чучаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Контракт; Инфра-М, 2008. – 795 с.
3. Carr I. Fighting Corruption Through Regional and International Conventions: A Satisfactory Solution? // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. – 2007. – Vol. 15. – No. 2. – P. 121–153.
4. Уголькова Е.И. Взятка или мошенничество: проблема квалификации // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2015. – № 3 (38). – С. 70–75.
5. Щепельков В.Ф., Пряхина Н.И. Допустимо ли квалифицировать посредничество во взяточничестве как соучастие в даче или получении взятки? // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 6. – С. 48–51.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рапог. – Москва: Проспект, 2024. – 911 с.
7. Лопашенко Н.А. Взятничество: проблемы квалификации // Правоведение. – 2001. – № 6 (239). – С. 105–116.
8. Ткачев И.О. Проблемы реализации уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве // Уголовное право. – 2012. – № 2. – С. 65–66.
9. Кулигин А.Н. Особенности квалификации продолжаемого взяточничества // Общество и право. – 2016. – № 2. – С. 173–176.

10. **Чашин К.В.** Квалификация посредничества во взяточничестве при темпоральной конкуренции уголовно-правовых норм // Общество и право. – 2013. – № 1 (43). – С. 97–101.
11. **Шарапов Р.Д., Моисеенко М.И.** Отличие физического посредничества во взяточничестве от дачи взятки // Уголовное право. – 2013. – № 1. – С. 71–77.
12. **Hollán M.** Trading in Influence: Requirements of the Council of Europe Convention and the Hungarian Criminal Law // Acta Juridica Hungarica (Hungarian Journal of Legal Studies). – 2011. – Vol. 52. – No. 3. – P. 235–246.
13. **Slingerland W.** Trading in Influence: Corruption Revisited // Viešoji politika ir administravimas (Public Policy and Administration). – 2011. – Vol. 10. – No. 1. – P. 53–67.
14. **Гармышев Я.В.** Посредничество во взяточничестве как новый вид преступной профессиональной деятельности: постановка проблемы и вопросы квалификации // Вестник Омской юридической академии. – 2020. – Т. 17. – № 2. – С. 200–208.
15. **Захарчук С.Д.** Проблемные вопросы определения предмета взяточничества // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – № 3. – С. 45–52.
16. **Комаров В.Б.** Посредничество во взяточничестве: уголовно-правовой и криминологический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2017. – 238 с.
17. **Любавина М.А.** Квалификация взяточничества (ст. 290–291.2 УК РФ): учебное пособие. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2018. – 156 с.
18. **Пазников И.И.** Объект получения взятки // Российский следователь. – 2011. – № 5. – С. 7–9.
19. **Подгрудный М.А.** Проблемы квалификации совокупности эпизодов взяточничества в теории и судебной практике // Вестник Чувашского университета. – 2013. – № 1. – С. 72–75.
20. **Рарог А.И.** Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Эксмо, 2019. – 720 с.
21. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / отв. ред. А.И. Рарог. – 3-е изд. – Москва: Проспект, 2020. – 1345 с.
22. **Шнитенков А.В.** Получение взятки за незаконные деяния: конкуренция норм или совокупность преступлений? // Юридический мир. – 2006. – № 7. – С. 31–33.
23. **Щепельков В.Ф.** Позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно момента окончания получения, дачи взятки, посредничества во взяточничестве или коммерческого подкупа // КриминалистЪ. – 2014. – № 1 (14). – С. 3–12.
24. **Яни П.С.** Взятка или мошенничество? // Законность. – 2012. – № 6. – С. 29–34.

References

1. **Volzhenkin B.V.** Sluzhebnye prestupleniya: kommentarij zakonodatel'stva i sudebnoj praktiki. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskij centr Press, 2005. – 560 s.
2. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': uchebnik / pod red. L.V. Inogamovoj-Hegaj, A.I. Raroga, A.I. Chuchaeva. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Kontrakt; Infra-M, 2008. – 795 s.
3. **Carr I.** Fighting Corruption Through Regional and International Conventions: A Satisfactory Solution? // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. – 2007. – Vol. 15. – No. 2. – P. 121–153.
4. **Ugol'kova E.I.** Vzyatka ili moshennichestvo: problema kvalifikacii // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. – 2015. – № 3 (38). – С. 70–75.
5. **Shchepel'kov V.F., Pryahina N.I.** Dopustimo li kvalificirovat' posrednichestvo vo vzyatochnichestve kak souchastie v dache ili poluchenii vzyatki? // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2012. – № 6. – С. 48–51.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. – Москва: Проспект, 2024. – 911 с.
7. **Lopashenko N.A.** Vzyatochnichestvo: problemy kvalifikacii // Pravovedenie. – 2001. – № 6 (239). – С. 105–116.
8. **Tkachev I.O.** Problemy realizacii ugovolnoj otvetstvennosti za posrednichestvo vo vzyatochnichestve // Ugolovnoe pravo. – 2012. – № 2. – С. 65–66.
9. **Kuligin A.N.** Osobennosti kvalifikacii prodolzhaemogo vzyatochnichestva // Obshchestvo i pravo. – 2016. – № 2. – С. 173–176.
10. **Chashin K.V.** Kvalifikaciya posrednichestva vo vzyatochnichestve pri temporal'noj konkurencii ugovolno-pravovyh norm // Obshchestvo i pravo. – 2013. – № 1 (43). – С. 97–101.
11. **Sharapov R.D., Moiseenko M.I.** Otlichie fizicheskogo posrednichestva vo vzyatochnichestve ot dachi vzyatki // Ugolovnoe pravo. – 2013. – № 1. – С. 71–77.
12. **Hollán M.** Trading in Influence: Requirements of the Council of Europe Convention and the Hungarian Criminal Law // Acta Juridica Hungarica (Hungarian Journal of Legal Studies). – 2011. – Vol. 52. – No. 3. – P. 235–246.
13. **Slingerland W.** Trading in Influence: Corruption Revisited // Viešoji politika ir administravimas (Public Policy and Administration). – 2011. – Vol. 10. – No. 1. – P. 53–67.
14. **Garmyshev Ya.V.** Posrednichestvo vo vzyatochnichestve kak novyj vid prestupnoj professional'noj deyatel'nosti: postanovka problemy i voprosy kvalifikacii // Vestnik Omskoj yuridicheskoy akademii. – 2020. – Т. 17. – № 2. – С. 200–208.
15. **Zaharchuk S.D.** Problemnye voprosy opredeleniya predmeta vzyatochnichestva // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. – 2019. – № 3. – С. 45–52.
16. **Komarov V.B.** Posrednichestvo vo vzyatochnichestve: ugovolno-pravovoj i kriminologicheskij analiz: dis. ... kand. yurid. nauk. – Ekaterinburg, 2017. – 238 s.
17. **Lyubavina M.A.** Kvalifikaciya vzyatochnichestva (st. 290–291.2 UK RF): uchebnoe posobie. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii, 2018. – 156 s.
18. **Paznikov I.I.** Ob'ekt polucheniya vzyatki // Rossijskij sledovatel'. – 2011. – № 5. – С. 7–9.
19. **Podgrushnyj M.A.** Problemy kvalifikacii sovokupnosti epizodov vzyatochnichestva v teorii i sudebnoj praktike // Vestnik Chuvashskogo universiteta. – 2013. – № 1. – С. 72–75.
20. **Rarog A.I.** Postatejnij kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Eksmo, 2019. – 720 s.
21. Уголовное право России. Части Общечая и Особенная: учебник / отв. ред. А.И. Рарог. – 3-е изд. – Москва: Проспект, 2020. – 1345 с.
22. **Shnitenkov A.V.** Poluchenie vzyatki za nezakonnye deyaniya: konkurenciya norm ili sovokupnost' prestuplenij? // Yuridicheskij mir. – 2006. – № 7. – С. 31–33.
23. **Shchepel'kov V.F.** Pozicii Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii otnositel'no momenta okonchaniya polucheniya, dachi vzyatki, posrednichestva vo vzyatochnichestve ili kommercheskogo podkupa // KriminalistЪ. – 2014. – № 1 (14). – С. 3–12.
24. **Yani P.S.** Vzyatka ili moshennichestvo? // Zakonnost'. – 2012. – № 6. – С. 29–34.

(статья сдана в редакцию 04.02.2026)

Пробация как элемент системы социальной поддержки: правовые основы и практика взаимодействия с законодательством о социальной помощи

Probation as an element of the social support system: legal bases and practice of interaction with social assistance legislation

УДК 343.8

Е.В. Кашкина,

кандидат юридических наук, доцент
(ФКУ НИИ ФСИН России;
Юридический институт РУТ(МИИТ),
Россия, Москва)
000049@bk.ru

Ekaterina V. Kashkina,

Candidate of Law, Associate Professor
(Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia;
RUT Law Institute (MIIT),
Moscow, Russia)

А.М. Репьева,

кандидат юридических наук
(Юридический институт РУТ (МИИТ),
Россия, Москва)
anna-repeva@yandex.ru

Anna M. Repyeva,

Candidate of Legal Sciences
(Law Institute of RUT (MIIT),
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье исследуется правовая модель взаимодействия института probation и системы государственной социальной помощи в условиях формирования социально ориентированной уголовно-исполнительной политики. Актуальность темы обусловлена введением в российское право института probation и отсутствием его комплексного согласования с действующими механизмами социальной поддержки, что создает риски фрагментарного правоприменения и размытости компетенций органов публичной власти. Проблема исследования заключается в различии целевых установок и правовой природы двух институтов при их фактическом пересечении в сфере социальной адаптации лиц, подвергшихся уголовно-правовому воздействию. Несмотря на наличие научных работ, посвященных probation и социальной помощи, их взаимосвязь как элементов единой системы социальной политики до настоящего времени не получила достаточной теоретической и нормативной проработки.

Целью статьи является выявление возможностей функционального согласования probation и социальной помощи без утраты автономии. В ходе исследования установлено, что социальная помощь сохраняет компенсационную направленность, probation выполняет адаптационную и профилактическую функцию, а взаимодействие между ними должно строиться по модели координации, но не слияния. В результате сформулированы предложения по учету probationного статуса при оказании социальной помощи, развитию межведомственного взаимодействия и согласованию программ социальной адаптации. Значение исследования заключается в формировании научных оснований для совершенствования региональной практики probation и повышения эффективности социальной адаптации и ресоциализации.

Ключевые слова: probation; государственная социальная помощь; ресоциализация; социальная адаптация; трудная жизненная ситуация; социальное сопровождение; социальный контракт; межведомственное взаимодействие; профилактика рецидива

Для цитирования: Кашкина Е.В., Репьева А.М. Пробация как элемент системы социальной поддержки: правовые основы и практика взаимодействия с законодательством о социальной помощи // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 2. – С. 59–64.

Abstract: the article explores the legal model of interaction between the probation institution and the system of state social assistance in the context of the formation of a socially oriented criminal executive policy. The relevance of the topic is due to the introduction of the probation institution into Russian law and the lack of comprehensive coordination with existing mechanisms of social support, which creates risks of fragmented law enforcement and blurred competencies of public authorities. The research problem lies in the difference in the objectives and legal nature of the two institutions, despite their actual intersection in the field of social adaptation of individuals who have been subjected to criminal legal influence. Despite the existence of scientific works devoted to probation and social assistance, their relationship as elements of a unified social policy system has not been sufficiently theoretically and normatively developed to date. The purpose of this article is to identify the possibilities of functional coordination between probation and social assistance without losing their autonomy. The study demonstrates that social assistance retains its compensatory focus, while probation performs an adaptive and preventive function, and their communication should be based on a coordination model rather than a merger. As a result, proposals have been formulated to take into account the probation status when providing social assistance, developing interdepartmental cooperation, and coordinating social adaptation programs. The significance of the study lies in the formation of scientific grounds for improving regional probation practices and enhancing the effectiveness of social adaptation and resocialization.

Keywords: probation; state social assistance, resocialization; social adaptation; difficult life situation; social support; social contract; interdepartmental cooperation; and relapse prevention

For citation: Kashkina E.V., Repyeva A.M. Probation as an element of the social support system: legal bases and practice of interaction with social assistance legislation // Vestnik of Putlin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 2. – P. 59–64.

Качественным переломом в подходах к воспитательному контролю и профилактике рецидивной преступности стало принятие Федерального закона от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 10-ФЗ)¹. В отличие от ранее действовавших моделей, ориентированных преимущественно на надзор, новый законодательный акт закрепляет превентивно-реабилитационную парадигму, в которой социальной интеграции осужденного отводится центральное место. Особенность нового института заключается в использовании комплексных социальных и межведомственных механизмов поддержки [1, с. 204], что выводит пробацию за рамки традиционного уголовно-исполнительного воздействия.

Одним из ключевых вопросов, возникающих в связи с введением института пробации, является взаимодействие нового правового режима с действующей системой государственной социальной помощи, регулируемой Федеральным законом от 17 июля 1999 года № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (далее – Федеральный закон № 178-ФЗ)². Вводя институт пробации, за-

конодатель, таким образом, фактически создает необходимость сопоставления нового механизма с уже существующими формами социальной поддержки, чтобы понять точки их пересечения и потенциальные противоречия. Несмотря на различие целей и отраслевой принадлежности, оба правовых института направлены на поддержку лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, что на практике проявляется в пересечении функций органов уголовно-исполнительной системы и органов социальной защиты при реализации программ социальной адаптации и сопровождения [2, с. 256].

До введения института пробации социальная поддержка лиц, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций, регулировалась разрозненными нормами уголовно-исполнительного, социального и административного законодательства [3, с. 17]. Такая фрагментарность снижала эффективность проводимой работы и затрудняла формирование устойчивых механизмов ресоциализации. Федеральный закон № 10-ФЗ призван устранить эти пробелы, закрепив комплексный подход к социальной адаптации лиц, подвергшихся уголовно-правовому воздействию и обеспечив интеграцию мер социальной поддержки в систему пробационных мероприятий.

Сегодня одна из основных тенденций в развитии социальной функций российского государства заключается в ее расширении и включении новых направлений, что требует совершенствование нормативной правовой базы [4, с. 29]. В этой связи становится очевидной необходимость не только описания отдельных правовых норм, но и

¹ Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=502783&ysclid=m> (дата обращения: 13.12.2025).

² Федеральный закон от 24 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=476812&ysclid=mjhm7xozku> (дата обращения: 17.12.2025).

анализа того, как именно законодательство о пробации соотносится с существующими механизмами социальной поддержки. Целью нашего исследования является выявление функциональной согласованности законодательства о пробации и государственной социальной помощи, определение границы их взаимодействия, а также выработка предложений по совершенствованию нормативного регулирования правоотношений в указанных сферах.

К задачам исследования отнесено:

1. Сравнение ключевых понятий и целей Федерального закона № 178-ФЗ и Федерального закона № 10-ФЗ.

2. Анализ нормативного несоответствия и рисков фрагментарного применения государственных социальных мер.

3. Определение возможности функциональной интеграции мер социальной поддержки и пробационных мероприятий без изменения базовой правовой природы каждого института.

4. Разработка рекомендаций по совершенствованию межведомственного взаимодействия и распределения полномочий между федеральным и региональным уровнями власти.

Реализация этих задач позволит уяснить, какие элементы правового регулирования создают пересечение интересов и каким образом их можно согласовать без нарушения основных принципов каждого института.

Проведенный нами анализ доктринальных и нормативных правовых источников свидетельствует, что законодатель использует схожие формулировки, однако в разных контекстах:

1. *Трудная жизненная ситуация.* В Федеральном законе № 178-ФЗ это совокупность объективных обстоятельств, ухудшающих условия жизнедеятельности гражданина и не преодолеваемых им самостоятельно. В Федеральном законе № 10-ФЗ аналогичная категория распространяется на лиц, в отношении которых применяется пробация, и ориентирована на их социальную адаптацию и профилактику рецидива. Таким образом, формальное сходство терминов, о которых не раз говорилось в научных исследованиях отечественных ученых [5, с. 314], скрывает различие в целях: компенсация материальных и социальных дефицитов – в социальной помощи; формирование устойчивых моделей правомерного поведения – в пробации [6, с. 217]. Это различие показывает, что для эффективного применения обеих правовых конструкций необходимо учитывать их функциональное назначение, а не только формальное сходство терминов.

2. *Социальная помощь.* В Федеральном законе № 178-ФЗ она направлена на поддержание минимального уровня доходов, сглаживание социального неравенства и обеспечение доступ-

ности базовых социальных услуг. В пробации меры социальной поддержки рассматриваются как инструмент комплексного сопровождения, включающий контроль, стимулирование и восстановление социальных связей [7; 2].

3. *Пробация.* Федеральный закон № 10-ФЗ закрепляет институт пробации как систему мер социального сопровождения, ориентированных на ресоциализацию и снижение рецидивной преступности. Пробация включает участие органов социальной защиты населения, но не формирует самостоятельных федеральных льгот и не создает права на денежные выплаты, закрепленные в Федеральном законе № 178-ФЗ [8, с. 97].

Таким образом, интеграция двух институтов возможна лишь при сохранении их автономии, где социальная помощь продолжает выполнять компенсационную функцию, а пробация – адаптационную и профилактическую. Интеграция двух институтов возможна при сохранении их нормативной автономии: социальная помощь продолжает решать компенсационные задачи, а пробация – адаптационные и профилактические. Это позволяет использовать существующие меры социальной поддержки в рамках программ ресоциализации без нарушения базовых правовых принципов каждого института.

Отметим, что Федеральный закон № 10-ФЗ закрепляет участие органов социальной защиты населения и организаций социального обслуживания в реализации пробационных мероприятий. Это включает социальное сопровождение лиц, в отношении которых применяется пробация, и содействие их адаптации. На практике такая конструкция создает точки пересечения с законодательством о государственной социальной помощи, регулируемым Федеральным законом № 178-ФЗ, хотя цели и принципы двух институтов различны [2; 3].

В связи с этим возникает ряд проблемных моментов, связанных с субъектным составом получателей, распределением полномочий и различием целей институтов. Лица, в отношении которых применяется пробация, не включены в перечень субъектов, определяемых Федеральным законом № 178-ФЗ, более того, как справедливо отмечает В.А. Уткин, данный закон не имеет прямого отношения к осужденным либо освобожденным от наказания [9, с. 79]. Это создает неопределенность при распределении полномочий между органами социальной защиты и уголовно-исполнительными инспекциями, а также повышает риск фрагментарного предоставления мер поддержки [6, с. 217].

Социальная помощь ориентирована на устранение материальных трудностей и поддержание минимального уровня дохода, тогда как проба-

ция направлена на восстановление социальных связей, адаптацию к правомерной жизни и профилактику повторной преступности [7; 2]. Это различие делает необходимым согласование программ социальной помощи с индивидуальными программами probation для целесообразного и эффективного использования мер. Сюда же следует отнести тот факт, что набор социальных услуг (далее – НСУ), предусмотренный главой 2.1 Федерального закона № 178-ФЗ, носит закрытый характер и предназначен для федеральных льготных категорий граждан. Лица, в отношении которых применяется probation, не имеют права на получение НСУ по федеральному основанию, что подтверждает автономность двух институтов и необходимость согласованного применения ресурсов.

Полномочия субъектов Российской Федерации по предоставлению социальной помощи, учитывающие региональную специфику [10, с. 78], не всегда в полной мере принимают во внимание специфику реализации probationных мероприятий. Это порождает правовую неопределенность, расширяет административное усмотрение и затрудняет координацию органов социальной защиты и уголовно-исполнительных инспекций при формировании программ социальной адаптации [2].

В свою очередь, современное законодательство связывает предоставление мер социальной помощи с активным участием получателя, что частично сближает социальную помощь с probationным воздействием, не нарушая правовой автономии институтов и сохраняя компенсационный характер социальной поддержки.

На основании изложенного укажем, что probation и социальная помощь функционируют как взаимодополняющие механизмы, а именно: социальная помощь устраняет материальные и социальные дефициты; probation восстанавливает социальные связи, формирует устойчивые модели правомерного поведения и снижает риск рецидива. Эта взаимодополняемость создает условия для более целостной и рациональной системы поддержки лиц, в отношении которых применяется probation, и позволяет использовать ресурсы социальной помощи с максимальной отдачей. Эффективная интеграция, в свою очередь, требует четкого согласования программ социальной помощи с индивидуальными программами probation; развития межведомственного информационного обмена; уточнения полномочий федеральных и региональных органов власти. Такая организация взаимодействия позволяет использовать существующие ресурсы социальной поддержки для достижения probationных целей без нарушения базовых правовых принципов каждого института.

В итоге анализ законодательства демонстрирует, что probation и социальная помощь могут функционировать в рамках единой системы, сохраняя при этом свои автономные функции, однако для повышения эффективности необходимы дополнительные правовые уточнения.

Анализ взаимодействия законодательства о probation и о государственной социальной помощи показывает, что два института могут сосуществовать в рамках единой правовой системы без их нормативного слияния. Вместе с тем выявленные разрывы и несоответствия требуют правовой корректировки для повышения эффективности правоприменения:

1. *Функциональная интеграция без изменения компенсационной модели социальной помощи.* Законодательству о социальной помощи целесообразно закрепить возможность учета probationного статуса гражданина при предоставлении мер государственной поддержки. Это позволит использовать социальную помощь как инструмент адаптации и ресоциализации без подмены базовых критериев нуждаемости. При этом сохраняется компенсационный характер социальной помощи, а probation продолжает выполнять функции адаптационные и профилактические. Подобная интеграция должна сопровождаться уточнением полномочий федерального и регионального уровней, чтобы избежать противоречий и разночтений в практике применения мер.

2. *Уточнение полномочий федерального и регионального уровня.* Необходимо внести изменения, учитывающие объемы участия субъектов Российской Федерации в реализации probationных мероприятий. Четкое распределение полномочий позволит снизить уровень административного усмотрения и повысить определенность правового статуса органов социальной защиты, уголовно-исполнительных инспекций и организаций социального обслуживания. Региональные органы власти должны иметь возможность адаптировать меры социальной поддержки к местным условиям, одновременно координируя программы с probationными службами.

3. *Развитие межведомственного информационного взаимодействия.* Для обеспечения комплексного и адресного характера социальной помощи с учетом современных возможностей цифровизации ряда процессов необходимо нормативно закрепить обмен информацией между органами социальной защиты и субъектами probation через государственные информационные системы. Это позволит контролировать реализацию программ социальной адаптации, согласовывать меры социальной поддержки и обеспечивать защиту персональных данных. Одновременно развитие межведомственного взаимодействия даст возмож-

ность снизить дублирование функций и повысить точность адресного оказания социальной помощи в рамках probation, обеспечивая согласованность действий всех участников процесса

4. *Согласование программ социальной адаптации и социального контракта.* Социальный контракт, предусмотренный Федеральным законом № 178-ФЗ, предполагает активное участие получателя в мероприятиях социальной адаптации. Его использование в рамках probation должно быть формализовано и согласовано с индивидуальными программами ресоциализации, что позволит повысить эффективность адаптационной функции probation без изменения правовой природы социального контракта. Таким образом, социальный контракт становится не только инструментом материальной поддержки, но и механизмом управления поведением получателя с целью снижения рисков повторной преступности

5. *Уточнение понятий и целей законодательства о социальной помощи.* Целесообразно внести уточнения в статьи 1 и 3 Федерального закона № 178-ФЗ с учетом необходимости поддержки граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации в связи с освобождением из мест лишения свободы или применением probation. Это позволит нормативно закрепить фактически сложившуюся практику использования мер социальной помощи для устранения факторов социального неблагополучия, способствующих рецидиву. Уточнение понятий даст возможность создать более точные критерии и процедуры предоставления социальной поддержки, что обеспечит ее согласованное применение в рамках программ probation и повысит эффективность ресоциализации.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам.

Probation и социальная помощь должны функционировать как взаимодополняющие механизмы. Для этого законодательство о социальной помощи целесообразно усилить через функциональную интеграцию с probationным регулированием – без подмены компенсационной модели. Четкое распределение полномочий и развитие межведомственного взаимодействия позволят повысить эффективность реализации адаптационных программ, а согласование социальных контрактов с индивидуальными программами probation усилит профилактическую функцию и будет способствовать снижению рецидива.

В итоге комплексное согласование двух исследуемых институтов обеспечит устойчивую систему поддержки лиц, в отношении которых применяется probation, где социальная помощь сохраняет свой компенсационный характер, а probation выполняет функции адаптационные и профилактические.

Эти меры позволят создать устойчивую систему всесторонней поддержки лиц, в отношении которых применяется probation, обеспечив при этом сохранение автономии каждого правового института и соблюдение принципов справедливости, адресности и правовой определенности. Таким образом, введение института probation и его интеграция с существующими механизмами социальной помощи демонстрирует перспективу построения правовой модели, где компенсационная и адаптационная поддержка функционируют согласованно, обеспечивая эффективное снижение рецидива и успешную ресоциализацию граждан.

Литература

1. *Ермасов Е.В.* Совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере исполнения уголовных наказаний при введении probation // Уголовно-исполнительное право. – 2023. – № 2. – Т. 18 (1-4). – С. 200–210.
2. *Сидоренко О.В., Барболина К.С.* Probation в системе социальной поддержки граждан Российской Федерации // Ученые заметки ТОГУ. – 2025. – № 1. – Т. 16. – С. 255–259.
3. *Горина Е.Е., Кравцова Ю.В.* Оказание социальной помощи осужденным, состоящим на учете уголовно-исполнительных инспекций // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2024. – № 4 (42). – С. 16–23.
4. *Сальников В.П., Захарцев С.И., Воронков К.И.* Комплексная концепция субъектного состава ресоциализационных отношений // Мониторинг правоприменения. – 2021. – № 1 (42). – С. 29–38.
5. *Бабаян С.Л., Устинов А.А.* Некоторые вопросы оценки (определения) индивидуальной нуждаемости лиц, в отношении которых применяется исполнительная и постпенитенциарная probation // Пенитенциарная наука. – 2025. – № 3 (71). – Т. 19. – С. 312–319.
6. *Тепляшин П.В.* Конкуренция норм уголовно-исполнительного законодательства и права социального обеспечения при регулировании probationных общественных отношений / Правоприменение в публичном и частном праве: сборник материалов Международной научной конференции. Омск, 2025. С. 215–219.
7. *Карпов К.Н.* Probation как элемент социального контроля за лицами, совершившими преступление // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – № 2. – С. 178–187.
8. *Кашкина Е.В.* Социальный контракт как способ реализации права на труд осужденными к наказаниям без изоляции от общества, в отношении которых применяется probation / Пенитенциарная и постпенитенциарная ресоциализация осужденных: проблемы и перспективы: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. – Владимир, 2025. С. 95–101.
9. *Уткин В.А.* Probation и probationная криминология // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2025. – № 56. – С. 73–82.
10. *Хасанова С.К., Кашкина Е.В.* О некоторых вопросах реализации Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации» // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2024. – № 12. – С. 36–42.

References

1. **Ermasov E.V.** Sovershenstvovanie normativno-pravovogo regulirovaniya v sfere ispolneniya ugolovnyh nakazaniy pri vvedenii probacii // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. – 2023. – № 2. – T. 18 (1-4). – S. 200–210.
2. **Sidorenko O.V., Barbolina K.S.** Probaciya v sisteme social'noj podderzhki grazhdan Rossijskoj Federacii // Uchenye zametki TOGU. – 2025. – № 1. – T. 16. – S. 255–259.
3. **Gorina E.E., Kravcova Yu.V.** Okazanie social'noj pomoshchi osuzhdennym, sostoyashchim na uchete ugolovno-ispolnitel'nyh inspekcij // Penitenciarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika. – 2024. – № 4 (42). – S. 16–23.
4. **Sal'nikov V.P., Zaharcev S.I., Voronkov K.I.** Kompleksnaya koncepciya sub»ektnogo sostava resocializacionnyh otnoshenij // Monitoring pravoprimeneniya. – 2021. – № 1 (42). – S. 29–38.
5. **Babayana S.L., Ustinov A.A.** Nekotorye voprosy ocenki (opredeleniya) individual'noj nuzhdaemosti lic, v otnoshenii kotoryh primenyaetsya ispolnitel'naya i postpenitenciarnaya probaciya // Penitenciarnaya nauka. – 2025. – № 3 (71). – T. 19. – S. 312–319.
6. **Tepliyashin P.V.** Konkurenciya norm ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva i prava social'nogo obespecheniya pri regulirovanii probacionnyh obshchestvennyh otnoshenij / Pravoprimeneniye v publichnom i chastnom prave: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Omsk, 2025. S. 215–219.
7. **Karpov K.N.** Probaciya kak element social'nogo kontrolya za licami, sovershivshimi prestuplenie // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2023. – № 2. – S. 178–187.
8. **Kashkina E.V.** Social'nyj kontrakt kak sposob realizacii prava na trud osuzhdennymi k nakazaniyam bez izolyacii ot obshchestva, v otnoshenii kotoryh primenyaetsya probaciya / Penitenciarnaya i postpenitenciarnaya resocializaciya osuzhdennyh: problemy i perspektivy: sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Vladimir, 2025. S. 95–101.
9. **Utkin V.A.** Probaciya i probacionnaya kriminologiya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2025. – № 56. – S. 73–82.
10. **Hasanova S.K., Kashkina E.V.** O nekotoryh voprosah realizacii Federal'nogo zakona ot 06.02.2023 № 10-FZ «O probacii v Rossijskoj Federacii» // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. – 2024. – № 12. – S. 36–42.

(статья сдана в редакцию 04.02.2026)

**Гарантии обеспечения законности
оперативно-розыскной* деятельности:
современное состояние и направления развития**
**Guarantees of legality in operational and search
activities: current state and directions of development**

УДК 340.131.4:343.102

Д.Г. Шашин,
кандидат юридических наук, доцент
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
shashin06@mail.ru

Daniil G. Shashin,
Candidate of Law, Associate Professor
(Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

Аннотация: Федеральный закон от 12 августа 1995 года №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» закрепляет систему гарантий законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий. В указанную систему включены ряд гарантий законности: президентский, правительственный, парламентский, судебный и ведомственный контроль, а также прокурорский надзор. Законодатель закрепил систему гарантий законности, но, несмотря на эволюцию правоотношений в обществе и правовой системы страны, указанный закон не претерпел соответствующих изменений в части расширения системы. Кроме того, законодатель распространил гарантии законности только на проведение оперативно-розыскных мероприятий, исключив проведение иных мер и действий оперативными подразделениями, что представляется пробелом в регулировании изучаемых явлений. Целью работы стало изучение видов специальных гарантий законности, выявление новых видов контроля оперативно-розыскной деятельности и определение направлений развития системы гарантий законности этой деятельности. В работе использованы методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, абстрагирования. В результате исследования автор приходит к заключению, что система гарантий законности оперативно-розыскной деятельности не соответствует современному состоянию общественных отношений, так как в последнее время развитие получили такие виды негосударственного контроля законности, как общественный, адвокатский и осуществляемый средствами массовой информации.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; меры; действия; гарантии; законность; контроль

Для цитирования: Шашин Д.Г. Гарантии обеспечения законности оперативно-розыскной деятельности: современное состояние и направления развития // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 2. – С. 65–73.

Abstract: the Law on Operational Investigative Activities (OIA) establishes a system of guarantees for the legality of operational investigative activities. This system includes a number of guarantees for the legality of operational investigative activities, such as presidential, governmental, parliamentary, judicial, and departmental control, as well as prosecutorial supervision. The legislator has established a system of guarantees for the legality of operational investigative activities, but despite the evolution of legal relations in society and the country's legal system, the Law on OIA has not undergone any corresponding changes to expand this system. In addition, the legislator extended the guarantees of legality only to the conduct of operational and investigative activities, without taking into account the conduct of other measures and actions by operational units, which appears to be a gap in the regulation of the phenomena under study. The purpose of the work was to study the types of special guarantees of legality, identify new types of

* Авторская орфография сохранена в отдельных словах в соответствии с исходным текстом ранее опубликованных работ.

control over operational and investigative activities, and determine the directions for developing the system of guarantees of legality for this type of activity. The work uses methods of analysis, synthesis, induction, and deduction, as well as abstraction. As a result of the research, the author concluded that the system of guarantees of legality for operational and investigative activities does not correspond to the current state of social relations, as recent developments have led to the emergence of new types of non-governmental control over legality, such as public control, legal control, and control by the media.

Keywords: operational and investigative activities; operational and investigative measures; measures; actions; guarantees; legality; control

For citation: Shashin D.G. Guarantees of legality in operational and search activities: current state and directions of development // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 2. – P. 65–73.

В преамбуле Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – закон об ОРД) говорится, что указанный закон определяет содержание оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), осуществляемой на территории Российской Федерации, и закрепляет систему гарантий законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). Вместе с тем ОРД не ограничивается только лишь проведением ОРМ, хотя и является ключевым ее элементом. ОРД осуществляется путем реализации мер, действий, что также должно отвечать требованиям законности.

Законы и иные нормативные акты не могут работать без соответствующей принудительной поддержки со стороны государства и его органов, которая составляет часть механизма государства и заключается в силовом обеспечении реализации правовых норм. Ни одно общество в мире не может утверждать, что все его участники осуществляют добровольное и своевременное соблюдение законодательства в полном объеме. Поэтому государство создает систему принуждения выполнения принятых политических решений, выраженных в законах и отражающих разные сферы жизнедеятельности. Для этого необходимо, чтобы существовали определенные гарантии этих ценностей, их реальности, доступности, эффективности [1, с. 173].

С момента принятия закона об ОРД (1995 г.) система гарантий законности представлена в виде президентского, правительственного, парламентского, судебного, ведомственного контроля, а также прокурорского надзора¹. Вместе с тем, провозгласив в 1995 г. систему гарантий законности ОРД, в процессе эволюции общественных отношений и правовой системы Российской Федерации закон об ОРД не претерпел изменений в части расширения системы гарантий законности и, как след-

ствие, трансформации механизма обеспечения законности рассматриваемой деятельности.

Целью настоящей работы является изучение видов специальных гарантий законности ОРД, закрепленных в законе об ОРД, и определение направлений развития системы гарантий исследуемой правоохранительной деятельности с учетом развития отношений в обществе и состояния правовой системы страны.

Обеспечение законности отвечает на вопросы, кем и как, какими способами и средствами (правовыми, организационными и др.) поддерживается и обеспечивается должный уровень законности. Синонимом слова «обеспечить» является слово «гарантировать» [2, с. 126]. Соответственно, категорию «обеспечение законности» необходимо рассматривать через призму понятия «гарантия». В науке существует терминологическая палитра в названии элементов гарантий законности: условия (предпосылки); специальные юридические способы; средства. Так, С.М. Зубарев отмечает, что в теории административного права различают общие условия (предпосылки), специальные юридические способы (контроль, надзор, обжалование), а также средства (юридическая ответственность) обеспечения законности [3]. Ю.Н. Старилов указывает, что способы обеспечения законности состоят из государственных/публично-правовых (государственный контроль и надзор, муниципальный контроль) и негосударственных (общественный контроль). Исследователь отмечает, что все эти способы имеют весьма емкие с теоретико-юридической точки зрения характеристики, процедурные или процессуальные формы, способы, порядки [4, с. 37]. Очевидно, что в приведенных выше определениях понятие раскрывается через одинаковые термины, что затрудняет в полной мере уяснение сути рассматриваемых категорий и явлений.

Ю.М. Козлов определяет способы обеспечения законности как совокупность организационно-правовых средств, различных по юридиче-

¹ Надзор мы рассматриваем как вид контроля.

ской значимости и содержанию и направленных на предупреждение, обнаружение и устранение нарушений законности (отклонений от требований законности), а также восстановление нарушенных прав и законных интересов, привлечение виновных к ответственности [5, с. 535–536]. Здесь терминологически смешиваются способы и средства: это затрудняет понимание того, что является первичным – средства или способы решения задачи обеспечения законности. Анализ определений терминов в словарях показал следующее: способ характеризуется как комплекс и последовательность действий, нацеленных на достижение определенной цели или выполнение конкретной задачи [6]; средство определяется как метод или способ воздействия на объект или процесс, обеспечивающий достижение желаемого результата [7]. Это приводит к выводу о том, что способ – более широкое по объему понятие, нежели средство, иными словами, способ – это то, как совершается определенное действие (метод), а средство – с помощью чего совершается действие (инструмент). Соответственно, гарантии можно обозначить и понимать как средства обеспечения законности, способы – как порядок действия указанных средств решения задач обеспечения законности. Исходя из этого, можно констатировать равенство понятий «средства» и «гарантии» при определении понятия «законность».

Для данного исследования мы использовали два ключевых вывода Ю.Н. Старилова: «как и во все времена, в систему способов обеспечения законности включается деятельность соответствующих (и весьма многочисленных) государственных органов. В новейшей учебной литературе способами обеспечения законности считаются организационно-правовые меры, предпринимаемые как уполномоченными субъектами публичной власти, так и гражданами и организациями, цель которых – выявление и своевременное устранение нарушений действующего законодательства в процессе функционирования административно-публичных органов и их должностных лиц»; «в настоящее время все способы обеспечения законности связаны главным образом с контролем (государственным, муниципальным и общественным) и государственным надзором» [4, с. 39–40].

Мнения ученых по вопросам видов гарантий обеспечения законности достаточно схожи. Общепризнанными являются выделение в системе гарантий двух групп: общие (экономические, политические, идеологические, социальные, организационные) и специальные (юридические или правовые) средства обеспечения законности. При этом юридические (специальные, правовые) и общие гарантии тесно взаимосвязаны между собой, поскольку «право является центральным

элементом нормальной основы конституционного строя, следовательно, юридические гарантии производны от общих гарантий» [8, с. 122]. О.В. Аверьянова считает, что обеспечение законности требует наличия целой системы гарантий, под которыми можно понимать предпосылки, условия, необходимые для функционирования рассматриваемого правового явления. Выделяют общие предпосылки существования законности и специально-юридические средства по обеспечению данного правового явления [9, с. 114].

В научной литературе реальное обеспечение законности традиционно рассматривается как результат действия гарантий законности, то есть общих условий и специальных средств, обеспечивающих режим законности. Гарантии законности подразделяются на общие (экономические, политические, идеологические) и специальные (нормативные и организационно-правовые) [1, с. 173], но при этом не учитываются следующие обстоятельства. Во-первых, в рамках теории гарантий не рассматриваются негативные воздействия, без знания которых невозможна эффективная деятельность по обеспечению законности. Такая работа всегда начинается именно с выявления нарушений и их причин. Во-вторых, реально гарантии действуют как совокупность каких-либо явлений, процессов, включающих как положительные, так и отрицательные воздействия [10, с. 90]. Так, прокурорский надзор реализуется в деятельности уполномоченных прокуроров, в которой также имеют место недостатки и нарушения. Гарантии законности – это система условий и средств практического воплощения требований законности в жизнь [11, с. 97].

Как отмечает Ю.С. Жариков, с одной стороны, законность не самоцель процесса правового регулирования, а осознанная необходимость, инструмент достижения поставленных перед соответствующей правовой отраслью целей, с другой – она не принадлежит к числу *самовоспроизводимых, саморегулируемых категорий и нуждается в средствах обеспечения* (курсив наш – Д. Ш.). В качестве таковых в материальном праве выступают гарантии, то есть средства, прямо (непосредственно) или косвенно (опосредованно) воздействующие на обозначенные нами ранее условия законности при реализации методов уголовно-правового регулирования общественных отношений. Именно их система способствует упрочению законности [12].

Е.Н. Хазов, Ф.Л. Дорожко предлагают выделить следующие виды юридических гарантий: международно-правовые; конституционно-правовые; административно-правовые; административно-процессуальные; гражданско-правовые; гражданско-процессуальные; уголовно-правовые; уголовно-процессуаль-

ные; финансово-правовые; гарантии трудовых прав; семейно-правовые; земельно-правовые; экологическо-правовые [13, с. 140–143]. Авторы построили классификацию гарантий в зависимости от отрасли правоотношений (или отрасли права). С учетом этого считаем возможным пополнить приведенную классификацию оперативно-розыскными гарантиями обеспечения законности. Во-первых, теория ОРД как наука (отрасль правовых знаний) трансформируется в оперативно-розыскное право; во-вторых, в преамбуле закона об ОРД сказано, что в нем содержится система гарантий законности ОРД; в-третьих, в законе об ОРД изложены именно специальные (правовые, юридические), то есть разработанные законодателем, а не общие (предпосылки, условия) гарантии.

Отличие общих и специальных гарантий заключается в следующем. Если общие гарантии являются предпосылкой обеспечения законности, то юридические гарантии, устанавливаемые государством в результате правотворческой деятельности, направлены на конкретное осуществление прав, свобод и обязанностей человека и гражданина и их охрану от противоправных посягательств и нарушений [8, с. 122]. В качестве уточнения отметим, что общие гарантии формируют предпосылки обеспечения законности в целом для всех видов правовой деятельности, вне отрасли правового регулирования. Что это значит? Если в обществе и государстве все отлажено, во всех сферах жизнедеятельности установлена определенная гармония (естественно, не абсолютная, а относительная), достигнут баланс интересов различных субъектов права, то это будет оказывать положительное влияние на состояние законности в любой сфере правоотношений, в том числе и в сфере ОРД. Специальные (юридические или правовые) гарантии законности детерминированы к той или иной правовой деятельности: для уголовного процесса правовые гарантии закреплены в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, для административно-правовой деятельности — в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, а для ОРД — в законе об ОРД.

Необходимо особо отметить, что анонсированная в преамбуле к закону система гарантий законности ОРД не отражает подлинную систему гарантий в исследуемой сфере, сложившуюся в данное время. Несмотря на то что на сегодняшний день принято около сорока федеральных законов, которыми внесено большое количество изменений в закон об ОРД, система гарантий законности этой деятельности существенной ревизии не подвергалась.

Отметим законодательную недоработку в части отсутствия специальной статьи в законе об ОРД о судебном контроле, на что обращают внимание многие авторы [14; 15], а также в процедуре и порядке осуществления иных видов контроля, закрепленных в законе об ОРД. За последние годы закон об ОРД не обогатился правовыми нормами о новых формах и видах контроля, которые стали актуальными в период развития правовых отношений в российском обществе, в том числе и в области ОРД. Так, возникли такие виды контроля, как общественный (при этом законодательно закреплен в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»), получил развитие правовой контроль (и ОВД не исключение, а соответственно, имеет место и в сфере ОРД) [16], набирают обороты такие виды контроля ОРД, как адвокатский и осуществляемый СМИ. Однако в законе об ОРД отсутствуют положения, регламентирующие контроль Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (омбудсмена), несмотря на то что этот институт предусмотрен законом большей юридической силы по сравнению с законом об ОРД — федеральным конституционным законом [17]. Соответственно, подход к обеспечению законности ОРД через систему гарантий имеет перспективу развития, где законность гарантируется государственными и негосударственными институтами, что предполагает нарастание некоего баланса средств обеспечения законности за счет возникновения и действия новых негосударственных видов и форм гарантий законности.

Одним из первых ученых, исследовавших гарантии законности в теории ОРД, был Д.В. Гребельский. В своих работах к гарантиям законности он относил урегулированность ОРД нормативными правовыми актами; прокурорский надзор; внутриведомственный контроль; четкое разделение следственных действий и ОРМ [18, с. 140]. Включение правового регулирования ОРД в систему гарантий законности обусловлено тем, что на момент создания упомянутого научного труда (1977 г.) ОРД не имела прямого законодательного урегулирования (регулировалась ведомственными, как правило, секретными и совершенно секретными актами), в связи с чем многие вопросы находились вне правового поля и порождали проблемы легализации части положений ОРД. Отметим прогрессивный подход автора, включившего в гарантии законности прокурорский надзор, ибо, как известно, в советское время до определенного момента прокуратура законодательно была лишена права осуществлять надзор за ОРД, в том числе и по указанной выше причине — отсутствие законодательной базы, определяющей цели и задачи ОРД, принципы и порядок ее осуществления, систему органов, которые могли ее проводить, и их полномочий.

В дальнейшем, в середине 80-х гг. XX в., вопросам обеспечения законности ОРД посвятил свои научные изыскания В.В. Сергеев, подготовивший докторскую диссертацию по вопросам обеспечения социалистической законности в оперативно-розыскной деятельности [19]. На тот период также еще не были приняты законы об ОРД (1992 и 1995 гг.), изучаемая деятельность еще не была официально легализована, а законность исследовалась, во-первых, с позиции социалистической законности, а, во-вторых, больше внимание автором было уделено общим гарантиям законности (и это объяснимо на фоне отсутствия закона об ОРД) и лишь частично – вопросам ведомственного контроля, прокурорского надзора, а также народного и партийного контроля в сфере ОРД.

Впоследствии вопросы обеспечения законности ОРД нашли свое отражение в работах А.Г. Маркушина, который предположил, что обеспечение законности ОРД достигается путем совершенствования законодательства, ведомственного нормативного регулирования; выявления нарушений законности; ответственности; надзора и контроля за состоянием законности; профилактики нарушений законности [20, с. 41]. Автор несколько дополнил точку зрения Д.В. Гребельского в части влияния нормативного правового регулирования на законность, внося уточнение, что не само нормативное правовое регулирование является гарантией законности, а совершенствование законодательства и ведомственного нормативного регулирования, с чем мы, полагаем, можно согласиться.

Так, в литературе нередко отмечается, что состояние законности находится в прямой зависимости от качества правового регулирования: чем совершеннее законодательство, тем выше уровень законности, и наоборот – несовершенство законодательства влечет неэффективность правового регулирования и отрицательно влияет на состояние законности [21, с. 4]. Однако есть и альтернативное мнение «идеалистического» подхода к обеспечению законности, где первая часть утверждений возражения не вызывает, а вторая представляется дискуссионной в силу того, что правовое регулирование осуществляется на двух уровнях – нормативном и индивидуальном, поэтому уровень законности зависит не только от совершенствования законодательства, но и от эффективности правоприменения [22, с. 77].

Само по себе совершенствование нормативной основы ОРД является элементом установления и поддержания законности в механизме ее обеспечения, тогда как собственно наличие законодательства будет предпосылкой законности. В свою очередь, выявление нарушений законности, ответственность за такие нарушения и профилактика нарушений законности нам представляются в

качестве неотъемлемых элементов (или этапов) в деятельности уполномоченных субъектов обеспечения законности по поддержанию, охране, защите и восстановлению законности. Так, контрольно-надзорные мероприятия, проводимые субъектами контроля ОРД, являются средствами и способами профилактики нарушений законности. При выявлении нарушений в рамках контроля реализуются такие элементы механизма обеспечения законности, как охрана и защита, а привлечение к ответственности за нарушения есть реализация элемента восстановления законности (необходим возврат в исходное положение и возмещение вреда), то есть претворение в жизнь направлений регрессно-компенсаторного (реституционно-компенсаторного) характера рассматриваемого механизма. Н.В. Витрук отмечает, что правовые гарантии включают меры по совершенствованию законодательства, чем подтверждается и наша позиция относительно данного вопроса [23, с. 532].

Е.А. Пушкарев выделяет наряду с общими гарантиями законности юридические гарантии, включающие в себя меры контроля и надзора за соблюдением правовых норм. Эти меры применяются как к органам внутренних дел, так и к их деятельности. К мерам контроля и надзора, по мнению автора, следует отнести судебный контроль; контроль, осуществляемый Президентом и Правительством Российской Федерации, Уполномоченным по правам человека, прокурорский надзор, внутриведомственный контроль, общественный контроль; контроль над законностью в области соблюдения прав человека, осуществляемый международными организациями, специализированными органами ООН в различных странах [24, с. 16–17].

В.В. Кожевников критически высказался о том, что исследователи либо вообще не называют общественные гарантии, либо говорят о них как о том, что было в прошлом, либо упоминают весьма неуверенно. Автор считает, что нужно выделять общественные гарантии, особенно в настоящее время, когда происходит узаконивание статуса народных дружинников и нештатных сотрудников [25, с. 1–2]. Вместе с тем ученый в системе гарантий не определил место общественных гарантий: будут ли они относиться к общим или войдут в состав специальных гарантий? Не отрицая наличия в обществе общественного контроля, вне зависимости от его закрепления в нормах права, полагаем, что выделять общественные гарантии обеспечения законности в отдельную группу в системе специальных гарантий нецелесообразно. По нашему мнению, общественные гарантии (скорее, общественный контроль как воплощение общественных гарантий) являются разновидностью специальных (правовых) гарантий законности в силу того, что на сегодняшний день этот институт получает свое пра-

вовое закрепление в нормативных правовых актах и активно проникает практически во все общественные отношения, в том числе и сферу ОРД.

В.Ф. Луговик и С.М. Лугович справедливо отмечают, что в современной теории ОРД подход к вопросам обеспечения законности ОРД через гарантии законности считается вполне обоснованным и достаточно эффективным [26]. Этот подход находит поддержку и у других ученых [27, с. 74].

Однако есть исследователи, которые утверждают, что главный недостаток гарантийного подхода связан с тем, что его сторонники работают с идеальным правом и в идеальном правовом пространстве, не учитывая того, что происходят злоупотребления правом, юридические ошибки и даже правовой произвол в деятельности разнообразных субъектов права, в том числе призванных осуществлять правоохранительную функцию [28, с. 1–6; 22, с. 78]. В продолжение О.П. Сауляк отмечает, что недостаток разрешения проблем обеспечения законности и правопорядка связан еще и с тем, что сторонники этого подхода, как правило, акцентируют внимание на факторах объективного характера (совершенство законодательства, государственный и общественный контроль, прокурорский надзор и т. д.) – субъективные факторы многими в расчет не принимаются [22, с. 80]. Согласимся с доводами, что на состояние законности влияют группы факторов, объективные и субъективные. Авторы, критикующие гарантийный подход к обеспечению законности, по нашему мнению, сами многое идеализируют. Во-первых, они предлагают разрабатывать некую методологию и познавательный инструментарий в целях создания на основе системного подхода модели обеспечения законности, при этом указанную модель не демонстрируют. Во-вторых, во главу угла они ставят правосознание каждого конкретного индивидуума как субъективный фактор восприятия действительности, подкрепляя при этом свою позицию примерами нарушения законов (законности) со стороны судей, прокуроров, сотрудников ОВД.

Однако повысить до идеального уровень правосознания (обычного гражданина или должностного лица) и достичь этого в динамично развивающемся обществе невозможно. Всегда найдутся люди, нарушающие правила, в том числе и облеченные властью. Следовательно, модель обеспечения законности и правопорядка, основанная на идеальном правосознании человека, не более чем просто идея. Из изложенного следует, что рассматриваемые подходы к обеспечению законности обладают существенными недостатками, в том числе не учитывают ряд значимых факторов. В частности, гарантийный подход не предусматривает механизмов реагирования на случаи нарушения законодательства со стороны должностных лиц, на которых

возложена обязанность обеспечивать соблюдение законности иными субъектами права. Гарантийный подход потому и существует в праве, что он более реален, нежели подход, основанный на идеальном правосознании.

Сфера ОРД не исключение в рассматриваемом аспекте, так как является одним из видов правоприменительной деятельности. Нарушения законности при осуществлении ОРД возможны в силу либо ошибок правоприменителей – должностных лиц оперативных подразделений, либо в силу их умышленных противоправных действий. Отсюда наряду с необходимостью обеспечения законности посредством наличия общих гарантий законности (или условий и предпосылок как экономических, политических и т.д.), а также институционализации специальных юридических гарантий законности нельзя не отметить и некоторые упущения в формировании средств или системы гарантий законности. Например, посредством юридических гарантий законности обеспечиваются соответствие нормам права как поведение граждан, так и деятельность органов государства. Однако не берется в расчет, что органы, деятельность которых выступает в качестве юридических гарантий законности, сами являются субъектами права и правоприменения в отношении подконтрольных субъектов – соответственно, их деятельность тоже может иметь недостатки умышленного и неумышленного характера. Они в своей деятельности также могут допускать нарушения в силу ошибочности или недобросовестности. Таких фактов в сфере обеспечения законности ОРД достаточно. К примеру, органы прокуратуры, несмотря на законодательное закрепление единственного основания прокурорской проверки в установленном порядке, расширяют перечень таких оснований, тем самым не исполняют закон.

Далее представляется необходимым дать краткую характеристику специальным гарантиям законности ОРД (они же виды контроля), выделенным нами в процессе настоящего исследования.

Контроль в сфере ОРД мы предлагаем разделять на формы контроля: государственный и негосударственный. Такой подход продиктован тем, что, как отмечается исследователями, в настоящее время внимание уделяется всей совокупности государственных и негосударственных механизмов, активному участию общества в управлении делами государства. В этой связи считаем справедливым суждение А.Ю. Кирьянова о том, что публичное управление в современных государствах основывается на парадигме, подразумевающей контроль со стороны не только государства и его структур, но и со стороны общества и его представителей [29, с. 7–11].

Нами выделены виды государственного контроля законности ОРД: президентский; парла-

ментский; правительственный; судебный; контроль Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации; прокурорский надзор; финансовый контроль; ведомственный контроль.

На современном этапе развития общественных отношений к негосударственным формам контроля ОРД относятся общественный, адвокатский контроль, а также контроль со стороны средств массовой информации.

Для уяснения сущности средств (гарантий) обеспечения законности, одновременно являющихся видами контроля и институтами (органы, уполномоченные его проводить), необходимо рассмотреть, в каких формах реализуются виды контроля в рамках предложенных ключевых форм (государственный и негосударственный контроль).

В теории ОРД вид и форма могут соотноситься как общее и частное, а также наоборот. Относительно контроля в настоящем исследовании это представляется следующим образом: государственный контроль и негосударственный контроль выступают формами контроля. Внутри указанных форм образуются виды: государственный контроль делится на президентский, правительственный, парламентский, ведомственный и т.д.; негосударственный контроль делится на общественный, адвокатский и осуществляемый СМИ. Далее виды контроля подразделяются на формы, в которых они непосредственно реализуются. Например, общественный контроль проводится в формах общественного мониторинга,

общественной проверки, общественной экспертизы и др.²

Среди видов государственного контроля и органов, уполномоченных его осуществлять, выделяется прокурорский надзор. Соотношение контроля и надзора представляется как общее и частное. Подобной позиции придерживаются и другие авторы [30, с. 106–107, 390–406].

Подводя итог, отметим, что провозглашенная в преамбуле к закону об ОРД система гарантий не отражает современных средств обеспечения законности в исследуемой сфере, существующих в данное время. Несмотря на то что на сегодняшний день внесено большое количество изменений в закон об ОРД, система гарантий законности этой деятельности существенной ревизии не подверглась. С 1995 г. указанная система представлена в виде таких видов контроля, как президентский, правительственный, парламентский, судебный, финансовый, ведомственный, а также в виде прокурорского надзора. Обеспечение законности ОРД через систему ее гарантий имеет перспективу развития, где законность гарантируется не только государственными, но и негосударственными институтами, что предполагает нарастание баланса средств обеспечения законности за счет возникновения и действия новых негосударственных видов и форм гарантий законности.

² Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. **Атмачев С.И.** Теория государства и права. Часть 2. Теория права: учебное пособие. – Ставрополь: Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, 2021. – 192 с.
2. **Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.** Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва: А ТЕМП, 2006. – 944 с.
3. **Зубарев С.М.** Общие условия (предпосылки) обеспечения законности в публичном управлении // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 9. – С. 47–58.
4. **Старилов Ю.Н.** От правильного понимания и уважения законности к ее верховенству // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – № 3. – С. 18–40.
5. **Козлов Ю.М.** Административное право: учебник. – Москва: ЮРИСТЪ, 2005. – 554 с.
6. Словарь русского языка в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой [Электронный ресурс]. – 4-е изд., стер. – Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. – URL: <https://rusforum.ru/viewtopic.php?t=4391> (дата обращения: 03.08.2024).
7. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова [Электронный ресурс]. – URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkoviy-slovar> (дата обращения: 03.08.2024).
8. **Хазов Е.Н., Хазова Е.Н.** Юридические гарантии свобод человека и гражданина и механизм их реализации // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 5. – С. 120–123.
9. **Аверьянова О.В.** Понятие законности и система средств обеспечения законности в государственном управлении // Ленинградский юридический журнал. – 2019. – № 2 (56). – С. 112–118.
10. Правовое обеспечение государственного и муниципального управления: учебник / под общ. ред. Д.В. Пожарского, И.А. Андреева [и др.] – Москва: Академия управления МВД России, 2020. – 400 с.
11. Правовое обеспечение государственного и муниципального управления: практическое пособие / Д.В. Пожарский, А.Г. Репьев, И.А. Андреева [и др.] – Москва: Академия управления МВД России, 2022. – 146 с.
12. **Жариков Ю.С.** Теория и практика обеспечения и охраны законности в сфере уголовно-правового регулирования: монография. – 2-е изд. – Москва: Юриспруденция, 2023. – 159 с.
13. **Хазов Е.Н., Дорошко Ф.Л.** Особенности и классификация юридических гарантий прав, свобод и обязанностей человека и гражданина в России // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 8. – С. 140–143.

14. **Железняк Н.С.** Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: монография. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. – 332 с.
15. **Гусев В.А., Луговик В.Ф.** Теория оперативно-розыскных процедур: монография. – Москва: Проспект, 2019. – 336 с.
16. **Шашин Д.Г.** Правовой контроль как специализированный вид ведомственного контроля законности оперативно-розыскной деятельности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2025. – № 2 (59). – С. 40–48.
17. **Шашин Д.Г.** О типовых ситуациях обращения граждан уполномоченному по правам человека в связи с нарушениями законности в сфере оперативно-розыскной деятельности // Полицейский сыск. – 2024. – Вып. 10. – С. 267–271.
18. **Гребельский Д.В.** Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: монография. – Москва, 1977. – 140 с.
19. **Сергеев В.В.** Социалистическая законность в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 1986. – 458 с.
20. **Маркушин А.Г.** Оперативно-розыскная деятельность – необходимость и законность // Некоторые правовые и организационно-тактические проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: сборник научных трудов. – Нижний Новгород, 1997. – 218 с.
21. **Пурахина Е.Г.** Правовое законодательство – основа законности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2003. – 211 с.
22. **Сауляк О.П.** Гарантии законности и правопорядка – реальность или миф? // Правоведение. – 2009. – № 6. – С. 73–82.
23. Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабаева. – Москва: Юристъ, 2003. – 592 с.
24. **Пушкарёв Е.А.** Законность и ее гарантии в системе обеспечения прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2003. – 26 с.
25. **Кожевников В.В.** Проблема гарантий законности и правопорядка в современной теоретико-правовой мысли: критический анализ // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2008. – № 4 (31). – С. 3–13.
26. **Луговик В.Ф., Лугович С.М.** Правовой статус оперуполномоченного при проведении оперативно-розыскных мероприятий: монография. – Москва: ИНФРА-М, 2018. – 154 с.
27. **Жданов А.А.** Оперативно-розыскное сопровождение расследования грабежей и разбойных нападений с проникновением в жилище: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2003. – 186 с.
28. **Афанасьев В.С.** Обеспечение законности: вопросы теории и практики (по материалам органов внутренних дел): дис. ... д-ра. юрид. наук. – Москва, 1993. – 40 с.
29. **Кириянов А.Ю.** К вопросу о соотношении понятий «государственный контроль» и «негосударственный контроль» // Государственная власть и местное самоуправление. – 2018. – № 11. – С. 7–11.
30. **Тарасов А.М.** Государственный контроль в России: монография. – Москва: Континент, 2008. – 671 с.

References

1. **Atmachev S.I.** Teoriya gosudarstva i prava. Chast' 2. Teoriya prava: uchebnoe posobie. – Stavropol': Stavropol'skij filial Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii, 2021. – 192 s.
2. **Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.** Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij / RAN. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. – 4-e izd., dop. – Moskva: A TEMP, 2006. – 944 s.
3. **Zubarev S.M.** Obshchie usloviya (predposylki) obespecheniya zakonnosti v publicnom upravlenii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2023. – № 9. – С. 47–58.
4. **Starilov Yu.N.** Ot pravil'nogo ponimaniya i uvazheniya zakonnosti k ee verhovenstvu // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2017. – № 3. – С. 18–40.
5. **Kozlov Yu.M.** Administrativnoe pravo: uchebnik. – Moskva: YuRIST, 2005. – 554 s.
6. Slovar' russkogo yazyka v 4 t. / pod red. A.P. Evgen'evoy [Elektronnyy resurs]. – 4-e izd., ster. – Moskva: Russkij yazyk; Poligrafresursy, 1999. – URL: <https://rusforum.ru/viewtopic.php?t=4391> (data obrashcheniya: 03.08.2024).
7. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / pod red. S.A. Kuznecova [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoy-tolkovyy-slovar> (data obrashcheniya: 03.08.2024).
8. **Hazov E. N., Hazova E.N.** Yuridicheskie garantii svobod cheloveka i grazhdanina i mekhanizm ih realizatsii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2017. – № 5. – С. 120–123.
9. **Aver'yanova O.V.** Ponyatie zakonnosti i sistema sredstv obespecheniya zakonnosti v gosudarstvennom upravlenii // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. – 2019. – № 2 (56). – С. 112–118.
10. Pravovoe obespechenie gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya: uchebnik / pod obshch. red. D.V. Pozharskogo, I.A. Andreeva [i dr.] – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2020. – 400 s.
11. Pravovoe obespechenie gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya: prakticheskoe posobie / D.V. Pozharskij, A.G. Rep'ev, I.A. Andreeva [i dr.] – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2022. – 146 s.
12. **Zharikov Yu.S.** Teoriya i praktika obespecheniya i ohrany zakonnosti v sfere ugolovno-pravovogo regulirovaniya: monografiya. – 2-e izd. – Moskva: Yurisprudenciya, 2023. – 159 с.
13. **Hazov E.N., Dorozhko F.L.** Osobennosti i klassifikatsiya yuridicheskikh garantij prav, svobod i obyazannostej cheloveka i grazhdanina v Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2009. – № 8. – С. 140–143.
14. **Zheleznyak N.S.** Voprosy aktualizatsii Federal'nogo zakona «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti»: monografiya. – Krasnoyarsk: SibYul MVD Rossii, 2019. – 332 s.
15. **Gusev V.A., Lugovik V.F.** Teoriya operativno-rozysknykh procedur: monografiya. – Moskva: Prospekt, 2019. – 336 s.
16. **Shashin D.G.** Pravovoy kontrol' kak specializirovannyj vid vedomstvennogo kontrolya zakonnosti operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2025. – № 2 (59). – С. 40–48.
17. **Shashin D.G.** O tipovykh situatsiyah obrashcheniya grazhdan upolnomochennomu po pravam cheloveka v svyazi s narusheniyami zakonnosti v sfere operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Politsiejiskij syisk. – 2024. – Vyp. 10. – С. 267–271.
18. **Grebel'skij D.V.** Teoreticheskie osnovy i organizatsionno-pravovye problemy operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del: monografiya. – Moskva, 1977. – 140 s.
19. **Sergeev V.V.** Socialisticheskaya zakonnost' v operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del: dis. ... d-ra yurid. nauk. – Moskva, 1986. – 458 s.

20. **Markushin A.G.** Operativno-rozysknaya deyatel'nost' – neobходimost' i zakonnost' // Nekotorye pravovye i organizacionno-takticheskie problemy operativno-rozysknoj deyatel'nosti organov vnutrennih del: sbornik nauchnyh trudov. – Nizhnij Novgorod, 1997. – 218 s.
21. **Purahina E.G.** Pravovoe zakonodatel'stvo – osnova zakonnosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Nizhnij Novgorod, 2003. – 211 s.
22. **Saulyak O.P.** Garantii zakonnosti i pravoporyadka – real'nost' ili mif? // Pravovedenie. – 2009. – № 6. – S. 73–82.
23. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / pod red. V. K. Babaeva. – Moskva: Yurist, 2003. – 592 s.
24. **Pushkarev E.A.** Zakonnost' i ee garantii v sisteme obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v deyatel'nosti organov vnutrennih del (teoretiko-pravovoj aspekt): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Rostov-na-Donu, 2003. – 26 s.
25. **Kozhevnikov V.V.** Problema garantij zakonnosti i pravoporyadka v sovremennoj teoretiko-pravovoj mysli: kriticheskij analiz // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2008. – № 4 (31). – S. 3–13.
26. **Lugovik V.F., Lugovich S.M.** Pravovoj status operupolnomochennogo pri provedenii operativno-rozysknyh meropriyatij: monografiya. – Moskva: INFRA-M, 2018. – 154 s.
27. **Zhdanov A.A.** Operativno-rozysknoe soprovozhdenie rassledovaniya grabezhej i razbojnyh napadenij s proniknoveniem v zhilishche: dis. ... kand. yurid. nauk. – Omsk, 2003. – 186 s.
28. **Afanas'ev V.S.** Obespechenie zakonnosti: voprosy teorii i praktiki (po materialam organov vnutrennih del): dis. ... d-ra. yurid. nauk. – Moskva, 1993. – 40 s.
29. **Kir'yanov A.Yu.** K voprosu o sootnoshenii ponyatij «gosudarstvennyj kontrol'» i «negosudarstvennyj kontrol'» // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. – 2018. – № 11. – S. 7–11.
30. **Tarasov A.M.** Gosudarstvennyj kontrol' v Rossii: monografiya. – Moskva: Kontinent, 2008. – 671 s.

(статья сдана в редакцию 28.01.2026)

Предмет хищения в уголовном законодательстве Российской Федерации: традиционная концепция и современные тенденции*

The subject of theft in the criminal legislation of the Russian Federation: the traditional concept and current trends

УДК 347.9

К.А. Зарубина,

кандидат юридических наук,

кандидат исторических наук

(Юго-Западный государственный университет,

Россия, Курск)

kris1996z@mail.ru

Kristina A. Zarubina,

Candidate of Law,

Candidate of Historical Sciences

(South-West State University,

Kursk, Russia)

Аннотация: актуальность темы обусловлена глубокими изменениями, происходящими в экономической сфере, которые напрямую влияют на уголовно-правовую защиту собственности. В современном обществе доминируют безналичные расчеты, электронные деньги, существующие в нематериальной форме и активно используемые в хозяйственном обороте. Это повышает общественную опасность посягательств на такого рода собственность и требует уточнения уголовно-правовой конструкции хищения для обеспечения надежной защиты имущественных интересов физических и юридических лиц. В представленном исследовании рассматривается современное понятие предмета хищения с учетом изменений экономических и технологических реалий. Объектом исследования выступает уголовно-правовая конструкция хищения, предметом исследования – основные критерии, определяющие возможность признания имущества объектом хищения. Целью является уточнение сущности предмета хищения на основе анализа его критериев в условиях меняющихся современных экономических отношений. Произведен анализ «традиционных» признаков имущества и определено, что в современных условиях предметным и социальным признаком не совсем верно ограничивать предмет хищения. На основании анализа нормативных правовых актов, судебной практики и доктринальных подходов сформулировано уточненное определение предмета хищения, в котором ключевыми признаками являются юридический и экономический. Исследование имеет теоретико-методологическое значение, уточняющее критерии определения предмета хищения, и практическую направленность, обеспечивающую более обоснованную квалификацию преступлений против собственности в условиях развития современной цифровой экономики.

Ключевые слова: хищение; имущество; цифровые активы; безналичные денежные средства; электронные денежные средства; уголовное право; судебная практика

Для цитирования: Зарубина К.А. Предмет хищения в уголовном законодательстве Российской Федерации: традиционная концепция и современные тенденции // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 2. – С. 74–80.

Abstract: the relevance of the topic is due to the profound changes taking place in the economic sphere, which directly affect the criminal protection of property. Non-cash payments and electronic money, which exist in an intangible form and are actively used in economic turnover, dominate in modern society. This increases the public danger of encroachments on such property and requires clarification of the criminal law structure of embezzlement in order to ensure reliable protection of the property interests of citizens and organizations.

* НИР подготовлена в рамках выполнения Госзадания «Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности» (FENM-2025-0010). Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1.

The presented study examines the modern concept of the subject of theft in Russian criminal law, taking into account changes in economic and technological realities. The object of the study is the criminal-legal structure of theft, the subject of the study is the main criteria determining the possibility of recognizing property as an object of theft. The purpose of this study is to clarify the essence of the object of theft based on the analysis of its criteria in the context of changing modern economic relations. The analysis of «traditional» signs of property, such as materiality, economic value, «alienness» and the embeddedness of human labor, was carried out, and it was determined that in modern conditions it is not entirely correct to limit the object of theft to a substantive and social feature. Based on the analysis of regulatory legal acts, judicial practice and doctrinal approaches, a generalized definition of the subject of theft has been formulated, in which the key features are legal and economic features. The research has theoretical and methodological significance, clarifying the criteria for determining the subject of theft, and practical orientation, providing a more consistent qualification of crimes against property in the context of the development of the modern digital economy.

Keywords: embezzlement; property; digital assets; non-cash funds; electronic money; criminal law; judicial practice

For citation: Zarubina K.A. The subject of theft in the criminal legislation of the Russian Federation: the traditional concept and current trends // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 2. – P. 74–80.

Введение. Хищение как уголовно-правовой институт традиционно рассматривается в качестве одной из наиболее распространенных форм имущественных преступлений. В российском уголовном праве предметом хищения выступает чужое имущество, однако стремительное развитие экономики, распространение безналичных форм расчетов, появление электронных денежных активов и цифровых прав поставили перед теорией и практикой уголовного права ряд важных вопросов: насколько актуальным в современности является содержание предмета хищения, и соответствует ли закреплённый уголовной доктриной предмет хищения реальной экономической действительности? В связи с этим отметим, что в современной научной литературе и судебной практике уже длительное время наблюдается тенденция к расширению предмета хищения, включающего в него не только материальные вещи, но и права на имущество, а также иные имущественные ценности, не имеющие физической формы, что вызывает объективную необходимость уточнения теоретических критериев имущества и их применения при квалификации хищений.

Целью настоящего исследования является уточнение правовой сущности предмета хищения на основе анализа его критериев в условиях меняющихся современных экономических отношений.

Описание исследования. В соответствии с примечанием 1 к ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) под хищением понимаются «совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества», что нор-

мативно закрепляет предмет хищения, в качестве которого для всех форм хищения названо чужое имущество. Однако, как уже указывалось ранее, многие современные исследователи справедливо отмечают, что в настоящее время в связи с активным развитием различных гражданско-правовых институтов, определяющих материальную ценность иных объектов экономических отношений, не подпадающих под определение понятия «имущество», наблюдается расширительное толкование предмета хищения как наиболее распространенного общественно опасного деяния в современности [1, с. 75–82; 2, с. 108–117; 3, с. 144–147].

Проблема определения сущности понятия имущества в уголовно-правовом поле является одной из ключевых для квалификации преступлений против собственности. Российское уголовное законодательство не содержит специального определения понятия «имущество» в рамках Особенной части, однако в доктрине и практике сложилась устойчивая система критериев, позволяющих выделять объекты, которые могут выступать предметом хищения. Так, традиционно основными критериями имущества являются материальность (предметный признак), стоимость (экономический признак), а также «чуждость» имущества (юридический признак) и в некоторых исследованиях – вложенность труда человека (социальный признак). Проанализируем каждый из них.

Во-первых, имущество традиционно рассматривается как объект, обладающий материальной формой. В этом смысле имущество всегда выражено в физическом (телесном) виде: это вещи, материальные ценности, денежные средства и т.п. Материальность обеспечивает возможность фактического завладения объектом, что являет-

ся необходимым для квалификации хищения. Например, при тайном хищении чужого имущества вещь изымается и обращается в пользу преступника или иных лиц. К таким вещам можно отнести наличные денежные средства, электронную технику, одежду, предметы быта и т.д.

Во-вторых, имущество характеризуется экономическим признаком – стоимостью. Стоимость является фундаментальным критерием, определяющим общественную опасность хищения, поскольку лишь посредством изъятия объекта, имеющего экономическую ценность, можно причинить материальный ущерб потерпевшему. В уголовно-правовом смысле «стоимость» означает, что объект может быть оценен в денежном эквиваленте, подлежит обмену или использованию в хозяйственном обороте. Именно этот критерий позволяет отграничить имущество от нематериальных благ, не имеющих экономической ценности, и от природных объектов, которые не являются результатом человеческой деятельности.

Также в уголовно-правовой доктрине выделяется социальный критерий имущества «вложенность труда человека». Этот признак предполагает, что имущество является результатом человеческой деятельности, преобразующей природные объекты в вещи, имеющие общественную ценность. Социальный критерий используется для обоснования того, что хищение природных объектов, не созданных трудом человека, не может квалифицироваться как хищение в классическом понимании.

И, наконец, ключевым критерием имущества является его «чуждость», то есть принадлежность другому лицу. Именно юридическая природа имущества определяет возможность квалификации деяния как хищения. Отсутствие данного признака исключает состав преступления, поскольку невозможно хищение собственной вещи. Этот критерий является основополагающим и отражает сущность имущественных преступлений, направленных на противоправное завладение чужим имуществом. Данный тезис подтверждается в научных исследованиях, где «чуждость» рассматривается как необходимое условие предмета хищения и как один из критериев имущества [4, с. 159–161].

Однако данные критерии выделения имущества как предмета хищения в современных экономических реалиях находят не всегда однозначное отражение. И начать данный сравнительный анализ хотелось бы с одного из наиболее дискуссионных вопросов – предметного признака имущества или материальности предмета хищения. В этой связи вполне уместно отметить точку зрения отдельных авторов, которые определяют имущество как «вещи, имеющие определенное объемное выражение и воспринимаемые наглядно – зрительно или с помощью тактильной чувствительности» [5,

с. 39–42]. Такое определение подчеркивает материальную природу имущества и его связь с физическим восприятием, что традиционно считается важным для квалификации хищений. Вместе с тем данное утверждение не означает, что предмет хищения ограничивается исключительно материальными объектами. Однако указанная позиция позволяет поддержать тех авторов, которые не включают в предмет хищения объекты, лишенные признаков вещи, в частности интеллектуальную собственность и различные виды энергии. Действительно, корыстное завладение ценностями, которые не имеют осязаемой (телесной) формы (например, электрической или тепловой энергией), интеллектуальной собственностью, в том числе носителями электронной информации, в силу отсутствия предмета не может образовать состав хищения чужого имущества. При определенных условиях незаконное использование электрической или тепловой энергии может быть квалифицировано как причинение имущественного ущерба собственнику путем обмана или злоупотребления доверием, а присвоение интеллектуальной собственности (плагиат) – как нарушение авторских и смежных прав. Аналогично незаконный доступ к компьютерной информации, который сам по себе является объектом преступного посягательства, образует самостоятельный состав, предусмотренный ст. 272 УК РФ. В результате, соглашаясь с мнением ряда исследователей [6, с. 15–21], укажем, что отсутствие материального носителя исключает возможность квалифицировать деяние как хищение, хотя само посягательство на такие объекты может влечь ответственность по иным нормам уголовного закона.

Однако вместе с этим необходимо отметить, что современные реалии демонстрируют следующее: материальность как обязательный признак имущества в уголовно-правовой доктрине утрачивает универсальность, поскольку в экономическом обороте в настоящее время доминируют нематериальные имущественные ценности, например безналичные денежные средства, не имеющие физической формы, но обладающие стоимостью и правовой защитой [7, с. 146–152].

В связи с этим проанализируем правовую природу безналичных денежных средств, имеющих значительное распространение в настоящее время. Анализ содержания ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) показывает, что современное гражданское право рассматривает имущество не только как вещи и деньги в материальном выражении, но и как иное имущество, включая имущественные права. В частности, безналичные денежные средства, в соответствии со ст. 128 ГК РФ, относятся к объектам гражданских прав в качестве иного имущества, поскольку они представляют собой имущественные права на де-

нежные средства, отраженные учетными записями на банковских счетах, а не материальные объекты. В свою очередь, ст. 845 ГК РФ закрепляет специфику безналичных расчетов, согласно которой по договору банковского счета банк обязуется осуществлять распоряжение денежными средствами в электронной форме в интересах клиента. В результате право распоряжаться денежными средствами, выраженное в банковской записи, выступает самостоятельным объектом гражданско-правовых отношений, обладающим экономической ценностью и подлежащим правовой защите. В этом контексте отсутствие материальной формы не препятствует признанию безналичных денег имуществом.

В то же время уголовно-правовая конструкция хищения, закрепленная в ст. 158 УК РФ, содержит формулировку «хищение чужого имущества». На первый взгляд, при таком широком понимании термина «имущество» следовало бы исходить из его гражданско-правового определения и признавать безналичные денежные средства предметом хищения. Однако в отечественной уголовно-правовой доктрине и практике долгое время, следуя советской уголовно-правовой традиции, сохранялась доминанта классической вещественной модели имущества, где предмет хищения воспринимался как вещь или материальный объект. Это привело к тому, что длительное время исследователи приводили аргументы о невозможности хищения нематериального объекта. Такая позиция, однако, не соответствует логике правового регулирования и противоречит принципу системности права, согласно которому уголовное право призвано защищать те же имущественные блага, которые охраняются и другими отраслями права, в том числе гражданским правом.

Ввиду этого укажем, что современная судебная практика подтверждает возможность признания безналичных денежных средств предметом хищения. Так, в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (с изм. и доп.) указано, что предметом преступления при мошенничестве (одной из форм хищения) являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, и такое преступление является оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб¹. Такая правопримени-

тельная позиция демонстрирует, что уголовный закон способен адекватно защищать права на безналичные денежные средства, рассматривая их как предмет хищения даже при отсутствии материального носителя.

В свою очередь, цифровая валюта, не имеющая материального (физического) выражения, также определяется законодательством (ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (с изм. и доп.) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») как объект оборота в рамках гражданских правоотношений². При этом она тоже признается современной правоприменительной практикой как объект, подлежащий уголовно-правовой защите. Так, Конституционный Суд России в постановлении от 20 января 2026 г. № 2-П подтвердил, что имущественные права на цифровую валюту подлежат судебной защите, и отказ в защите по формальным основаниям (например, отсутствию уведомления налоговых органов) нарушает право на судебную защиту, гарантированное Конституцией Российской Федерации³. Такое толкование также укрепляет идею о том, что право собственности на цифровые финансовые активы не может быть вынесено за рамки уголовно-правовой охраны от хищений только из-за отсутствия материальной формы.

Указанную позицию разделяет и ряд современных исследователей. Так, например, по мнению Е.А. Мазуренко, предмет посягательства на собственность не должен ограничиваться исключительно материально выраженными объектами. К числу таких предметов исследователь относит как осязаемые ценности (вещи, денежные средства и документы, выполняющие эквивалентно-обменную функцию), так и нематериальные объекты, включая безналичные денежные средства, имущественные права и отдельные виды энергии. Объединяющим признаком этих благ, подчеркивает Е.А. Мазуренко, является их экономическая ценность, фактическая принадлежность определенному лицу и отсутствие прав на них у виновного [8, с. 7–16]. В свою очередь, отдельные исследователи прямо отмечают, что

² Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.01.2026).

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.01.2026).

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.01.2026).

цифровая валюта, наряду с вещами, имеющими материальную форму объектами, а также безналичными денежными средствами в современности может выступать предметом преступлений против собственности, в числе которых и хищения [9, с. 714–717]. При этом игнорирование данного факта некоторыми исследователями справедливо оценивается как снижение правовых гарантий защиты института собственности [10, с. 172–181].

Соглашаясь с указанным утверждением, можно заключить, что безналичные денежные средства, цифровая валюта должны признаваться предметом хищения, несмотря на отсутствие их выражения в физической форме. Подобное понимание согласуется с общей тенденцией правоприменения и с принципами системности права, где уголовная защита имущества распространяется на те объекты, которые гражданское право признает имущественными правами, независимо от их материальной формы. Вследствие этого в современной юридической конструкции хищения материальность объекта не является ключевым признаком. По этой причине вопрос о материальности перестает быть безусловным и требует корректировки в свете развития новых форм экономических отношений.

Далее проанализируем такой критерий, как вложенность труда человека. Отметим, что в традиционной уголовно-правовой доктрине предмет хищения всегда рассматривался через призму социального критерия, согласно которому объект преступного посягательства должен быть результатом человеческого труда. Такой подход позволял проводить четкое разделение между имуществом и природными объектами или явлениями, не созданными человеком, и тем самым ограничивал сферу уголовной охраны благами, которые реально создавались обществом и могли быть оценены как экономически значимые в силу затраченных на их производство усилий. В рамках этой концепции имущество воспринималось не только как объект, имеющий экономическую ценность, но и как социальный продукт, порожденный активностью человека, что усиливало нормативную связь между стоимостью и общественной значимостью объекта.

Однако современная доктрина уголовного права отмечает, что критерий вложенности труда человека утрачивает универсальное значение. В частности, И.А. Клепицкий справедливо указывает, что предметом хищения могут являться объекты, в которые не был вложен труд человека, например земельные участки, полученные мошенническим путем, или права на недвижимое имущество, возникающие в результате правопреемства или государственной регистрации [11, с. 12]. Такой подход демонстрирует, что социальный признак, основанный на трудовой вложенности, не может считаться обязательным

условием признания объекта имуществом в уголовно-правовом смысле. В результате ограничение понятия имущества этим критерием приводит к узкой трактовке предмета хищения, которая не учитывает современные экономические отношения, где значительная часть имущественных благ (безналичные средства, цифровые активы, имущественные права) не создаются напрямую трудом человека, но обладают экономической ценностью и подлежат обороту. Ввиду этого полагаем, что критерий вложенности труда человека (социальный критерий) также не рассматривается как обязательный признак предмета хищения, и современная уголовно-правовая концепция исходит из того, что предмет преступления определяется иными критериями, а не способом его создания. В дополнение укажем, что такой подход не только согласуется с логикой гражданского права, отраженной в ст. 128 ГК РФ, но и обеспечивает адекватную правовую охрану имущественных отношений в условиях цифровой экономики, где материальные объекты уступают место нематериальным формам имущества, а их ценность определяется не трудозатратами, а экономическими функциями и возможностью оборота.

В продолжение, полагаем, закономерно подчеркнуть, что экономический признак имущества, а именно его стоимость, выступает фундаментальным критерием при определении предмета хищения. Современная уголовно-правовая доктрина справедливо утверждает, что решающее значение имеет реальная экономическая ценность объекта, отражающая его способность участвовать в имущественном обороте и создавать имущественные последствия при лишении правомочий владельца. Этот подход позволяет перейти от формального понимания имущества как материального объекта или вещи, созданной трудом человека, к более универсальной концепции, учитывающей экономическую сущность имущественного блага.

Отдельно отметим, что экономическая ценность объекта определяется не только его номинальной стоимостью или исключительно «бухгалтерскими показателями», но и фактической способностью причинять имущественный ущерб в случае неправомерного присвоения или использования. Такой подход особенно актуален в современных условиях, когда существенная часть оборота имущественных благ осуществляется в электронной форме и традиционные критерии материальности и вложенности труда человека не отражают реальных рисков для имущественных интересов.

В результате применение экономического критерия позволяет квалифицировать как предмет хищения объекты, формально не обладающие материальной формой, но обладающие объективной стоимостью и возможностью распоряже-

ния. Как уже отмечалось ранее, к ним, например, относятся безналичные денежные средства, цифровые активы. При этом важным аспектом является то, что экономическая ценность должна быть доказана фактически, через документальные подтверждения, что обеспечивает объективность квалификации и исключает формалистическое толкование состава преступления.

Так, стоимость имущества выступает как фундаментальный, универсальный и объективный критерий, который позволяет охватывать весь спектр имущественных объектов, включая «традиционные» вещи и деньги, а также современные нематериальные активы цифровой экономики. Подход, основанный на экономическом критерии, не только обеспечивает последовательность в применении уголовного закона, но и гарантирует эффективную защиту имущественных интересов в условиях цифровизации и высокой технологизации финансовых операций, где материальная форма объекта перестает быть определяющей, а ключевое значение приобретает экономическая ценность и возможность распоряжения имуществом.

И, наконец, следует выделить критерий «чуждость» как фундаментальный признак предмета хищения, обладающий юридическим, а не только экономическим или материальным характером. В отличие от традиционных критериев – материальности объекта или вложенности труда человека – «чуждость» выражает правовую принадлежность объекта определенному субъекту и отражает отношения собственности, владения и распоряжения, охраняемые уголовным законом. Именно этот признак формирует границу между законным распоряжением собственным имуществом и противоправным завладением чужим имуществом, которое несет социальную опасность и нарушает имущественные права потерпевшего. Это проявляется через принадлежность права владения, пользования и распоряжения имуществом другому лицу, что исключает возможность законного присвоения. В этом смысле «чуждость» является юридическим критерием, обеспечивающим дифференциацию противоправных действий, поскольку только лишение возможности законного распоряжения имуществом, принадлежащим другому субъекту, образует состав преступления, подпадающий под нормы, определяющие состав хищения. При этом «чуждость» сохраняет свою значимость независимо от того, имеет ли объект материальный характер, создан ли он трудом человека или существует исключительно в нематериальной форме.

В подтверждение укажем, что современная уголовно-правовая доктрина также подчеркивает, что критерий «чуждость» универсален и применяется ко всем видам имущества. Так, отдельные исследователи верно указывают, что объект преступного

посягательства может представлять собой имущественное право, безналичные денежные средства или цифровые финансовые активы, если права на него принадлежат другому лицу, и лицо, совершившее присвоение, не имеет на него законных полномочий [6, с. 15–21]. Практика Верховного Суда России также подтверждает универсальность данного критерия в современных экономических и технологических реалиях. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (с изм. и доп.) отмечено, что присвоение денежных средств, находящихся на счету другого лица, независимо от того, совершается ли это через традиционный банковский перевод или в безналичной/электронной форме, образует состав хищения исключительно при условии принадлежности средств другому субъекту и отсутствия у лица, совершившего присвоение, законных полномочий⁴. Так, именно принадлежность имущества другому лицу выступает как универсальный, обязательный и принципиальный признак предмета хищения, обеспечивающий юридическую определенность квалификации преступления, что позволяет уголовному праву адекватно защищать права собственников.

Современная уголовно-правовая доктрина и практика показывают, что предмет хищения должен определяться в первую очередь через призму стоимости объекта, а также возможности распоряжения им и причинения имущественного ущерба потерпевшему, а не через его физическую форму или способ создания. В результате можно сделать вывод, что традиционные критерии – материальность, вложенность труда человека – в настоящее время утратили универсальное значение, в то время как экономическая ценность и «чуждость» объекта выступают определяющими признаками предмета хищения. Следовательно, в современных условиях следует говорить о скорректированном концептуальном понимании предмета хищения, которое учитывает трансформацию имущественных отношений в условиях цифровизации и технологизации экономики.

Заключение. Предметом хищения в современной надлежит признавать чуждое имущество или иные имущественные блага, обладающие экономической ценностью, которые могут быть фактически или юридически присвоены, изъяты или использованы с причинением имущественного ущерба законному владельцу. Так, современная конструкция предмета хищения охватывает как

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 23.01.2026).

традиционные материальные объекты, так и новые формы имущества, образуемые в качестве продукта развития новой цифровой экономики, включая безналичные денежные средства, цифровую валюту, что полностью согласуется с логикой гражданского законодательства (ст. 128 ГК РФ) и судебной практикой, в том числе позициями Верховного Суда Российской Федерации (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48) и Конституционного Суда Российской Федерации (постановление от 20 января 2026 г. № 2-П). В то же время социальный критерий имущества – вложенность труда человека – также не является ключевым признаком в рамках развития новых экономических отношений, а экономический (стоимость) и юридический (принадлежность другому лицу)

критерии по-прежнему обязательны для определения предмета хищения. Полагаем, что подобное скорректированное понимание позволит системно согласовать институты уголовной и гражданской правовой защиты имущества и имущественных прав, исключая правовые коллизии между материальными и нематериальными объектами, а также обеспечить адекватную правовую защиту имущественных интересов в условиях цифровизации экономических отношений. Это дает основание заключить, что современное уголовное право постепенно выходит за рамки классической вещественной модели имущества для обеспечения адекватной реакции на экономические и технологические трансформации общества, решая одну из задач уголовного закона – защиту собственности от преступных посягательств.

Литература

1. Хоменко А.Н. К вопросу о понятии и признаках хищения // Евразийская интеграция: современные тренды и перспективные направления. – 2023. – № 1. – С. 75–82.
2. Кочои С.М. Доктрина и правовые позиции, выработанные судами по делам о хищении чужого имущества // Lex Russica (Русский закон). – 2021. – Т. 74. – № 6 (175). – С. 108–117.
3. Левин Д.Д. К вопросу о понятии и признаках хищения // Право и управление. – 2024. – № 10. – С. 144–147.
4. Акутаев Р.М., Акутаева И.Р. К вопросу о совершенствовании понятия «хищение чужого имущества» // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2012. – № 2. – С. 159–161.
5. Петров С.А. Корыстная цель в хищениях // Законность. – 2017. – № 9. – С. 39–42.
6. Насыбуллин Л.И., Пирогов П.П. Проблемы определения понятия и признаков хищения чужого имущества в уголовном законодательстве Российской Федерации // Sciences of Europe. – 2021. – № 84-2. – С. 15–21.
7. Шубников Ю.Б. Безналичные денежные средства и цифровые (электронные) деньги в системе объектов гражданских прав // Криминалист. – 2022. – № 4 (41). – С. 146–151.
8. Мазуренко Е.А. Объект и предмет уголовно-правовой охраны преступлений против собственности: современные проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2003. – 25 с.
9. Телеш Н.С. Цифровая валюта (криптовалюта) как предмет хищения // Вестник науки. – 2024. – № 6 (75). – С. 714–717.
10. Рубцова А.С. Криптовалюты: предмет и средство совершения преступления // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2018. – № 12 (52). – С. 172–181.
11. Клепицкий И.А. Недвижимость как предмет хищения и вымогательства // Государство и право. – 2000. – № 12. – С. 12–14.

References

1. Homenko A.N. K voprosu o ponyatii i priznakah hishcheniya // Evrazijskaya integraciya: sovremennye trendy i perspektivnye napravleniya. – 2023. – № 1. – S. 75–82.
2. Kochoi S.M. Doktrina i pravovye pozicii, vyrobotannye sudami po delam o hishchenii chuzhogo imushchestva // Lex Russica (Russkij zakon). – 2021. – T. 74. – № 6 (175). – S. 108–117.
3. Levin D.D. K voprosu o ponyatii i priznakah hishcheniya // Pravo i upravlenie. – 2024. – № 10. – S. 144–147.
4. Akutaev R.M., Akutaeva I.R. K voprosu o sovershenstvovanii ponyatiya «hishchenie chuzhogo imushchestva» // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki. – 2012. – № 2. – S. 159–161.
5. Petrov S.A. Korystnaya cel' v hishcheniyah // Zakonnost'. – 2017. – № 9. – S. 39–42.
6. Nasybullin L.I., Pirogov P.P. Problemy opredeleniya ponyatiya i priznakov hishcheniya chuzhogo imushchestva v ugovnom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii // Sciences of Europe. – 2021. – № 84-2. – S. 15–21.
7. Shubnikov Yu.B. Beznalichnye denezhnye sredstva i cifrovye (elektronnye) den'gi v sisteme ob'ektov grazhdanskikh prav // Kriminalist. – 2022. – № 4 (41). – S. 146–151.
8. Mazurenko E.A. Ob'ekt i predmet ugovno-pravovoj ohrany prestuplenij protiv sobstvennosti: sovremennye problemy kvalifikacii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 2003. – 25 s.
9. Telesh N.S. Cifrovaya valyuta (kriptovalyuta) kak predmet hishcheniya // Vestnik nauki. – 2024. – № 6 (75). – S. 714–717.
10. Rubcova A.S. Kriptovalyuty: predmet i sredstvo soversheniya prestupleniya // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. – 2018. – № 12 (52). – S. 172–181.
11. Klepickij I.A. Nedvizhimost' kak predmet hishcheniya i vymogatel'stva // Gosudarstvo i pravo. – 2000. – № 12. – S. 12–14.

(статья сдана в редакцию 10.02.2026)

Приостановление операций с денежными средствами: дискуссионность уголовно-процессуальной формы

Suspension of money transactions: discussion of the criminal procedure forms

УДК 343.1

К.Ю. Яковлева,

кандидат юридических наук
(Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации;
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя,
Москва, Россия)
kristina15.03.1998@yandex.ru

Kristina Yu. Yakovleva,

Candidate of Law
(Financial University;
Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia)

Аннотация: в рамках данной статьи была проанализирована уголовно-процессуальная форма новой меры уголовно-процессуального принуждения, связанной с приостановлением операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи, направленной на ограничение гражданских прав в части пользования и распоряжения определенным видом имущества – денежными средствами. В ходе анализа было уделено приоритетное внимание рассмотрению ряда дискуссионных вопросов, связанных с процессуальными и судебными аспектами контроля, а также с прокурорским надзором за применением данной меры. Также были детально изучены и систематизированы представленные доводы, что позволило сделать обоснованные выводы относительно эффективности и целесообразности существующих механизмов правового регулирования. Особое внимание было уделено теоретическим и практическим аспектам взаимодействия между различными правоохранительными органами, обеспечивающими контрольную функцию в контексте обеспечения законности и справедливости при применении данной меры. Автором исследован дискуссионный вопрос о необходимости предусмотрения обязательного элемента в постановлении о приостановлении операций – разъяснения порядка и процедуры обжалования данного решения. Проанализирован вопрос прекращения на период «заморозки» авансового платежа оказания услуг связи соответствующим оператором, а также обозначены иные дискуссионные вопросы, которые требуют теоретического и законодательного урегулирования.

Ключевые слова: иная мера уголовно-процессуального принуждения; приостановление операций с денежными средствами; судебный контроль

Для цитирования: Яковлева К.Ю. Приостановление операций с денежными средствами: дискуссионность уголовно-процессуальной формы // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 2. – С. 81–85.

Abstract: within the framework of this study, we analyzed in detail the criminal procedural form of a new measure of criminal procedural coercion, which is associated with the suspension of transactions involving monetary funds, electronic monetary funds, and funds deposited as advance payment for communication services. This measure is aimed at restricting the civil rights of individuals in terms of using and disposing of a specific type of property, namely monetary funds. During the analysis, we paid special attention to several controversial issues related to procedural and judicial control, as well as the prosecutor's supervision over the application of this measure. We also studied and systematized the arguments presented in the framework of this research, which allowed us to draw reasonable conclusions about the effectiveness and feasibility of existing legal regulatory mechanisms.. Special attention was paid to the theoretical and practical aspects of cooperation

between various law enforcement agencies that carry out monitoring functions in order to ensure legality and fairness in the implementation of this measure. The controversial issue of whether a mandatory element should be included in the decision to suspend operations was investigated, as well as the procedure for appealing such decisions. The issue of terminating advance payments for the period during which communication services are suspended by the relevant operator was analyzed, as well as other disputed issues that require theoretical and legislative resolution.

Keywords: other measures of criminal procedural coercion; suspension of transactions with funds; judicial control

For citation: Yakovleva K.Yu. Suspension of money transactions: discussion of the criminal procedure forms // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 2. – P. 81–85.

Новая мера уголовно-процессуального принуждения, которая связана с приостановлением операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи, согласно п. 5 ч. 1 ст. 111, ст. 115.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹ позволяет в несудебном порядке временно ограничивать гражданские права на пользование и распоряжение имуществом на определенный срок. Данная мера направлена на повышение оперативности, справедливости [1, с. 338], реализации презумпции невиновности [2, с. 46] в принятии решений по сохранению денежных средств, если имеется основание полагать, что они использовались в преступной деятельности «дистанционных» хищений, с целью дальнейшего возвращения чужого имущества собственнику.

Приостановление операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи (ст. 115.2 УПК РФ) – иная мера уголовно-процессуального принуждения. Следовательно с согласия руководителя следственного органа либо дознавателя с согласия прокурора вправе вынести постановление о приостановлении операций с банковскими счетами (вкладами, депозитами); с электронными денежными средствами; с денежными средствами, внесенными в качестве аванса за услуги связи. Мера применяется при наличии достаточных оснований полагать, что указанные средства использовались при совершении преступления – например, в ходе операций по зачислению денежных средств или увеличению остатка электронных денежных средств либо аванса за услуги связи². Срок приостановле-

ния операций составляет не более 10 суток в целях последующего решения вопроса о наложении ареста на них (ст. 115.2 УПК РФ). Однако, несмотря на кажущуюся на первый взгляд привлекательность исследуемой иной меры процессуального принуждения, возникает несколько правовых вопросов, требующих детального рассмотрения и анализа. Представляется, что выработанный законодателем юридический механизм в некоторых вопросах имеет дискуссионный характер.

Поскольку в правовой норме речь идет об авансовом платеже, то по смыслу положений главы 15 Гражданского кодекса Российской Федерации право собственности на соответствующие денежные средства продолжает оставаться у абонента, по крайней мере до исполнения оператором связи условий договора представления услуг связи по предоплатной системе платежей. Таким образом, следует, на наш взгляд, обоснованный вывод о том, что положения ст. 115.2 УПК РФ ограничивают право собственности лица, внесшего предварительную оплату за услуги связи. Однако в этом случае возникает закономерный вопрос о конституционности такого ограничения. Право частной собственности гарантировано и защищено статьей 35 Конституции Российской Федерации. Данная правовая норма прямо указывает на необходимость судебного решения только для лишения собственности. Однако ее смысл в сочетании со статьей 2 Конституции Российской Федерации вызывает сомнения в правомерности временного ограничения частной собственности без прямого упоминания в самой Конституции возможности такого ограничения в досудебном порядке. Ведь, например, в отношении конституционно защищаемого права личной свободы возможность его кратковремен-

¹ Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 278-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 31. – Ст. 4632.

² Проект постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил взаимодействия операторов по переводу денежных средств, операторов электронных де-

нежных средств, операторов подвижной радиотелефонной связи с заинтересованными федеральными государственными органами при исполнении запросов, предусмотренных частью 10 статьи 115.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (по состоянию на 13 августа 2025 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт законопроектов Российской Федерации. – URL: <https://regulation.gov.ru/>.

ного ограничения во внесудебном порядке прямо установлена частью 2 статьи 22 Конституции России и лишь затем продублирована в федеральном законе (УПК РФ). Конечно, на это можно возразить, ссылаясь на положение части 3 статьи 45 Конституции России, однако автор статьи ведет речь не о невозможности ограничения права частной собственности как такового, а о придании единообразного порядка ограничения всех перечисленных в главе второй Конституции России прав и свобод личности, и только в судебном порядке – внесудебное (досудебное) ограничение должно иметь место лишь тогда, когда такая возможность прямо установлена Конституцией Российской Федерации.

Статья 115.2 УПК РФ порождает правовую неопределенность в вопросе о том, прекращается ли на период «заморозки» авансового платежа оказание услуг связи соответствующим оператором. Иными словами, может ли абонент управлять авансовым платежом, распоряжение суммой которого ограничено на срок до 10 суток. Вероятно, такое ограничение законодатель рассматривает как допустимое, поскольку согласно части 2 статьи 115.2 УПК РФ, установленная этой правовой нормой мера процессуального принуждения «состоит в прекращении расходных операций по списанию денежных средств с банковского счета», следовательно, услуги связи не могут быть оказаны, поскольку они не могут быть оплачены. В таком случае действиями следователя или дознавателя практически исключается возможность обращения не только к экстренным службам в случае угрозы жизни, здоровью или имуществу как самого абонента, так и третьих лиц в ситуациях, когда невозможно прибегнуть к использованию мобильных телефонов других лиц. Ограничивается и возможность дистанционного использования личных денежных средств с использованием банковских мобильных приложений (ведь при ограничении услуг оператора мобильной или спутниковой связи доступ к таким приложениям невозможен), когда речь идет не об авансовой абонентской плате, а о денежных средствах на кредитных или дебетовых счетах в банках. По мнению автора, статья 115.2 УПК РФ должна прямо определить, происходит ли при ее применении ограничение (отключение) представление услуг мобильной связи по абонентскому договору.

По смыслу ч. 7 ст. 115.2 УПК РФ установленная ею мера принуждения направлена на пресечение возможности подозреваемого или обвиняемого распорядиться авансовыми денежными средствами, внесенными за услуги связи, об этом прямо говорится: «...следователь ...не позднее чем за 48 часов до истечения срока приостановления операций возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на денежные средства, электронные денежные средства, денежные средства, внесенные в каче-

стве аванса за услуги связи». Совершенно непонятным является то обстоятельство, что если есть основания для приостановления указанных операций, то почему законодатель посчитал, что невозможно не затягивать время данной мерой процессуального принуждения, а сразу же прибегнуть к применяемой судом мере процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество [3, с. 29].

Представляется необъяснимым фактом неуказания в тексте анализируемой правовой нормы требования к следователю или дознавателю известить подозреваемого или обвиняемого в применении данной меры процессуального принуждения. Вопрос о других лицах автором не рассматривается, поскольку согласно ч. 1 ст. 111 УПК РФ мера принуждения, предусмотренная ст. 115.2 УПК РФ, применяется только в отношении лица, который имеет статус подозреваемого или обвиняемого. Уведомление должно быть направлено лицу после того, как следователь или дознаватель получит информацию о прекращении расходных операций с денежными средствами, указанными в постановлении следователя (дознавателя) [4, с. 98].

Возникает необходимость предусмотреть в постановлении о приостановлении операций в качестве обязательного элемента разъяснение порядка и процедуры его обжалования. Установление такой обязанности для следователя (дознавателя) будет способствовать реализации права лица, в отношении которого она применяется (подозреваемого, обвиняемого), на апелляционное обжалование постановления о применении данной меры процессуального принуждения.

В настоящее время отсутствует четкая теоретическая и практическая база, обеспечивающая защиту интересов третьих лиц, которые могут подвергнуться непреднамеренному воздействию данной меры [5, с. 173]. В результате правового анализа иной меры процессуального принуждения в виде приостановления операций с денежными средствами усматривается недостаточность процессуального контроля и прокурорского надзора с целью соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [6]. Существующая процедура данной меры не обеспечивает должного баланса между правами и законными интересами лиц, участвующих в уголовном процессе, и требованиями защиты нарушенных прав и законных интересов потерпевших [7, с. 145].

В связи с приведенными доводами в научной среде появляются предложения по совершенствованию данной правовой ситуации. Так, К.А. Карчевский определяет механизм усиления судебного контроля за процессом приостановления операций с денежными средствами, а также выражает необходимость в продлении срока действия данной меры [8, с. 324].

Однако при появлении достаточных аналитических и статистических данных по результату применения меры приостановления денежных операций появится возможность более точного установления необходимости введения дополнительного механизма судебной проверки с учетом того, что механизм судебной защиты уже существует согласно ст. 125 УПК РФ.

Новая норма представляет законодательное решение, связанное с существенным изменением документооборота по уголовному делу. Согласно дополнению в УПК РФ исследуемой меры появилась уголовно-процессуальная форма вынесения постановления в форме электронного документа, подписываемого уси-

ленной квалифицированной электронной подписью [9, с. 257], что, в свою очередь, требует разработки новых механизмов по обеспечиванию его дальнейшего надлежащего хранения при уголовном деле [10, с. 25–30].

Таким образом, согласно практике применения и позиций ученых-процессуалистов по реализации иной меры уголовно-процессуального принуждения в виде приостановления операций с денежными средствами для решения указанных проблем предлагается окончательно разрешить указанные правовые ситуации, ставя во главу угла уголовно-процессуальные гарантии соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Литература

1. **Тутынин И.Б.** К вопросу о справедливости и мерах уголовно-процессуального принуждения имущественного характера // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 3 (166). – С. 337–339.
2. **Сумин А.А.** Презумпция невиновности и меры процессуального принуждения: совмещение несовместимого // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 3. – С. 45–46. – DOI 10.24411/2073-0454-2020-10130
3. **Тутынин И.Б., Химичева О.В.** Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве: эволюция продолжается // Российский следователь. – 2024. – № 7. – С. 28–32. – DOI 10.18572/1812-3783-2024-7-28-32.
4. **Ендольцева А.А.** К вопросу о применении иной меры процессуального принуждения, предусмотренной статьей 115.2 УПК РФ / Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: материалы Международной научно-практической конференции, Орел, 17 октября 2025 г. – Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2025. С. 93–96.
5. **Маламагамедова А.Р.** Приостановление финансовых операций как новая мера процессуального принуждения: к вопросу о пределах и гарантиях ст. 115.2 УПК РФ / Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: материалы Международной научно-практической конференции, Орел, 17 октября 2025 г. – Орел, 17 октября 2025 г. – Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2025. С. 171–174.
6. **Сумин А.А., Химичева О.В., Андреев А.В.** Процессуальный контроль руководителя следственного органа. Актуальные теоретико-правовые проблемы: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. – 143 с.
7. **Сумин А.А.** К вопросу о доказывании при избрании и применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве / Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной научно-практической конференции. К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации. В 2 ч., Орел, 12–13 октября 2023 г. – Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2023. Ч. 2. С. 144–148.
8. **Карчевский К.А.** Приостановление операций с денежными средствами как новая мера процессуального принуждения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2025. – Т. 11. – № 2. – С. 321–326.
9. **Сумин А.А., Химичева О.В.** Некоторые вопросы, связанные с цифровизацией материалов уголовного дела / Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: сборник материалов 3-й Международной конференции, Уфа, 7 апреля 2022 г. – Уфа: Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 253–258.
10. **Бобров В.К., Алонцева Е.Ю., Андреев А.В.** Электронный носитель информации в уголовном судопроизводстве: понятие и классификация // Вестник экономической безопасности. – 2024. – № 4. – С. 25–30.

References

1. **Tutyinin I.B.** K voprosu o spravedlivosti i merah ugodovno-processual'nogo prinuzhdeniya imushchestvennogo haraktera // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2022. – № 3 (166). – S. 337–339.
2. **Sumin A.A.** Prezumpciya nevinovnosti i mery processual'nogo prinuzhdeniya: sovmeshchenie nesovmestimogo // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 3. – S. 45–46. – DOI 10.24411/2073-0454-2020-10130
3. **Tutyinin I.B., Himicheva O.V.** Nalozhenie aresta na imushchestvo v ugodovnom sudoproizvodstve: evolyuciya prodolzhaetsya // Rossijskij sledovatel'. – 2024. – № 7. – S. 28–32. – DOI 10.18572/1812-3783-2024-7-28-32.
4. **Endol'tseva A.A.** K voprosu o primenenii inoj mery processual'nogo prinuzhdeniya, predusmotrennoj stat'ej 115.2 UPK RF / Sovremennoe ugodovno-processual'noe pravo – uroki istorii i problemy dal'nejshego reformirovaniya: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Orel, 17 oktyabrya 2025 g. – Orel: Orlovskij yuridicheskij institut MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova, 2025. S. 93–96.
5. **Malamagamedova A.R.** Priostanovlenie finansovyh operacij kak novaya mera processual'nogo prinuzhdeniya: k voprosu o predelakh i garantiyah st. 115.2 UPK RF / Sovremennoe ugodovno-processual'noe pravo – uroki istorii i problemy dal'nejshego reformirovaniya: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Orel, 17 oktyabrya 2025 g. – Orel, 17 oktyabrya 2025 g. – Orel: Orlovskij yuridicheskij institut MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova, 2025. S. 171–174.

6. **Sumin A.A., Himicheva O.V., Andreev A.V.** Processual'nyj kontrol' rukovoditelya sledstvennogo organa. Aktual'nye teoretiko-pravovye problemy: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po napravleniyu podgotovki «Yurisprudenciya». – Moskva: YuNITI-DANA, 2021. – 143 s.
7. **Sumin A.A.** K voprosu o dokazyvanii pri izbranii i primenении mer processual'nogo prinuzhdeniya v dosudebnom proizvodstve / Sovremennoe ugovno-processual'noe pravo – uroki istorii i problemy dal'nejshego reformirovaniya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. K 30-letiyu prinyatiya Konstitucii Rossijskoj Federacii. V 2 ch., Orel, 12–13 oktyabrya 2023 g. –Orel: Orlovskij yuridicheskij institut MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova, 2023. Ch. 2. S. 144–148.
8. **Karchevskij K.A.** Priostanovlenie operacij s denezhnymi sredstvami kak novaya mera processual'nogo prinuzhdeniya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2025. – T. 11. – № 2. – S. 321–326.
9. **Sumin A.A., Himicheva O.V.** Nekotorye voprosy, svyazannye s cifrovizaciej materialov ugovnogo dela / Sovremennye problemy ugovnogo processa: puti resheniya: sbornik materialov 3-j Mezhdunarodnoj konferencii, Ufa, 7 aprelya 2022 g. – Ufa: Ufimskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2022. S. 253–258.
10. **Bobrov V.K., Alonceva E. Yu., Andreev A.V.** Elektronnyj nositel' informacii v ugovnom sudoproizvodstve: ponyatie i klassifikaciya // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2024. – № 4. – S. 25–30.

(статья сдана в редакцию 19.11.2025)

Цифровые активы как предмет мошеннических посягательств в уголовном праве России

Digital assets as the subject of fraudulent acts in Russian criminal law

УДК 343.72:004

А.В. Василенко

(Межрайонная инспекция
Федеральной налоговой службы № 13
по Московской области,
Россия, Химки)
vas.art7728@gmail.com

Artem V. Vasilenko

(Interdistrict Inspectorate of the Federal Tax
Service No. 13 for the Moscow Region,
Khimki, Russia)

Аннотация: статья посвящена уголовно-правовой оценке цифровых активов в структуре мошеннического посягательства. Актуальность темы определяется тем, что цифровизация имущественного оборота изменила не только способы совершения мошенничества, но и характер имущества, на которое направлен преступный умысел. На практике цифровая валюта, цифровые финансовые активы и иные цифровые права могут выступать как непосредственным объектом завладения, так и средством последующего сокрытия либо перераспределения преступного результата, что порождает ошибки квалификации. Цель исследования состоит в выработке критерия разграничения предметной и инструментальной роли цифровых активов в механизме мошенничества. Материал исследования составили положения гражданского и уголовного законодательства Российской Федерации, актуальные разъяснения высших судебных органов, официальные данные Банка России и научные публикации 2021–2025 годов. Использованы формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и функциональный методы. В результате проведенного анализа обосновано, что определяющим фактором для квалификации выступает не цифровая форма объекта сама по себе, а его роль в механизме совершения преступления. Если цифровой актив образует ценность, на выбытие которой направлены обман или злоупотребление доверием, он может рассматриваться как предмет мошенничества. Если же цифровой актив используется после завладения иным имуществом для конвертации, расслаивания, анонимизации или сокрытия похищенного, он выполняет инструментальную функцию и характеризует посткриминальный маршрут имущества. Сделан вывод о необходимости прямо устанавливать эту функцию в обвинении и доказывании.

Ключевые слова: цифровые активы; цифровая валюта; цифровые финансовые активы; мошенничество; предмет преступления; вывод похищенного, квалификация

Для цитирования: Василенко А.В. Цифровые активы как предмет мошеннических посягательств в уголовном праве России // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 2. – С. 86–91.

Abstract: the article is devoted to the criminal assessment of digital assets in the structure of fraudulent encroachment. The relevance of the topic is determined by the fact that the digitalization of property turnover has changed not only the ways in which fraud is committed, but also the nature of the property targeted by criminal intent. In practice, digital currency, digital financial assets and other digital rights can act as a direct object of acquisition, as well as a means of subsequent concealment or redistribution of the criminal result, which generates qualification errors. The purpose of the study is to develop a criterion for distinguishing the substantive and instrumental role of digital assets in the mechanism of fraud. The research material consists of the provisions of the civil and criminal legislation of the Russian Federation, current explanations from the highest judicial authorities, official data from the Bank of Russia and scientific publications from 2021-2025. Formal-legal, systemic, comparative-legal and functional methods are used. As a result of the analysis, it is proved that the determining factor for qualification is not the digital form of the object itself, but its role in the mechanism of committing a crime. If a digital asset forms a value that deception or abuse of trust is aimed at disposing of, it can be considered as the subject of fraud. If a

digital asset is used after seizing other property for conversion, delamination, anonymization or concealment of the stolen, it performs an instrumental function and characterizes the post-criminal route of the property. It is concluded that it is necessary to directly establish this function in the prosecution and evidence.

Keywords: digital assets; digital currency; digital financial assets; fraud; subject of crime; withdrawal of stolen property; qualification

For citation: Vasilenko A.V. Digital assets as the subject of fraudulent acts in Russian criminal law // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 2. – P. 86–91.

Введение. Цифровая трансформация имущественного оборота привела к тому, что мошенничество все чаще строится вокруг объектов, существующих не в материальной, а в цифровой форме. Для современного имущественного оборота это уже не исключение, а устойчивая тенденция – цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровая валюта и связанные с ними способы распоряжения постепенно становятся частью обычной экономической практики. Соответственно, уголовно-правовая оценка таких объектов перестает быть периферийным вопросом и выходит в центр дискуссии о предмете хищения.

Актуальность исследования подтверждается не только развитием законодательства, но и фактическими данными. По сведениям Банка России, в 2025 году кредитные организации предотвратили 134,2 млн мошеннических операций без добровольного согласия клиентов на сумму 13,9 трлн руб., а средняя сумма одной такой операции составила 18,6 тыс. руб. На этом фоне цифровой контур движения денежных средств и иных имущественных ценностей приобретает для уголовного права самостоятельное значение.

Дополнительную остроту проблеме придали и недавние примеры судебной практики. В январе 2026 года Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил право лиц, законно приобретших цифровую валюту, на судебную защиту имущественных требований, вытекающих из владения ею, одновременно подчеркнув, что цифровая валюта не тождественна цифровым правам в смысле статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Для уголовного права эта позиция важна потому, что она усиливает значение функционального подхода: один и тот же цифровой объект нельзя оценивать только по названию или по способу его технического существования.

В научной литературе уже сложились два взаимосвязанных исследовательских направления. Первое связано с ответом на вопрос, может ли цифровая валюта или иной цифровой актив рассматриваться как имущество и, следовательно, как возможный предмет преступления [1, с. 141–143; 2, с. 508–510], второе посвящено тому, как цифровые активы используются в преступной схеме

после первоначального завладения чужим имуществом: для конвертации, расслаивания переводов, сокрытия следов и последующей легализации [3, с. 220–224; 4, с. 56–58; 5, с. 139–143].

Однако именно для квалификации мошенничества ключевым остается не общий вопрос о правовой природе цифровых объектов, а более точный вопрос – установление критерия разграничения ситуаций, когда цифровой актив образует предмет мошеннического посягательства, и ситуаций, когда он выполняет лишь инструментальную роль в посткриминальном движении похищенного имущества. Для реализации обозначенной цели необходимо решить следующие задачи: определить нормативные ориентиры уголовно-правовой оценки цифровых активов; выявить признаки их предметной функции; установить квалификационное значение их инструментального использования.

Материалы и методы исследования. Материал исследования составили положения ст. 128 и 141.1 ГК РФ, Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ст. 159 и 159.6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации о мошенничестве, а также актуальные публикации 2021–2025 годов, посвященные правовой природе цифровых активов, хищению цифровой валюты и использованию цифровых инструментов в легализации преступных доходов.

Методологическую основу исследования образуют формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и функциональный методы. Формально-юридический метод позволил соотнести гражданско-правовые и уголовно-правовые дефиниции цифровых объектов. Системный метод использовался для анализа места цифровых активов в общей конструкции преступлений против собственности. Сравнительно-правовой метод был необходим для сопоставления подходов, сложившихся в науке уголовного и гражданского права. В качестве основного применялся функциональный метод, поскольку именно он позволяет определить, какую юридически значимую роль

цифровой актив выполняет в механизме конкретного мошенничества.

Результаты исследования. Нормативные ориентиры уголовно-правовой оценки цифровых активов. Для уголовного права исходным является не столько термин, которым законодатель обозначил тот или иной цифровой объект, сколько ответ на вопрос, обладает ли он имущественным содержанием и может ли быть обращен в пользу виновного либо третьих лиц. Именно поэтому дискуссия о цифровых активах в уголовно-правовом контексте должна начинаться с гражданско-правового регулирования, но не может им ограничиваться.

Статья 141.1 ГК РФ связывает цифровые права с правилами информационной системы, в рамках которой они существуют и осуществляются. Как справедливо отмечает А.С. Мограбян, законодатель здесь описывает не «новую вещь», а особую форму фиксации и обращения имущественных правомочий [1, с. 142–145]. П.П. Фирсанова, анализируя российскую модель цифровых финансовых активов, подчеркивает, что их нормативная конструкция строится через имущественное содержание удостоверяемых прав, а не через физическую оболочку объекта [2, с. 509–511]. Схожей позиции придерживаются К.В. Шубенкова и Е.П. Малахова, указывая, что цифровые финансовые активы уже встроены в оборот и поэтому требуют полноценной юридической защиты [6, с. 93–96].

Из этого вытекает первый существенный вывод: отсутствие материальной формы само по себе не препятствует признанию цифрового объекта предметом преступления. Современное уголовное право давно вышло за пределы исключительно вещного понимания имущества. Ранее аналогичная эволюция произошла применительно к безналичным денежным средствам и иным дематериализованным имущественным формам. Следовательно, вопрос должен ставиться не о «вещественности» цифрового актива, а о наличии у него самостоятельной имущественной ценности.

Вместе с тем не всякий цифровой элемент среды обладает такой ценностью: пароль, сид-фраза, приватный ключ, код подтверждения, токен аутентификации или учетная запись не всегда являются имуществом в строгом смысле слова. Нередко они выступают лишь средством доступа к имущественно значимому объекту. Для квалификации мошенничества это разграничение принципиально: уголовно-правовое значение должен получать прежде всего тот цифровой актив, на который был направлен умысел виновного, а не любой технический реквизит, фигурировавший в преступной схеме.

Цифровой актив как предмет мошеннического посяательства. Предметная функция цифрового актива проявляется тогда, когда именно он образует желаемый преступный результат. Иными

словами, виновный путем обмана или злоупотребления доверием стремится добиться выбытия из сферы контроля потерпевшего цифровой валюты, цифрового финансового актива либо иного имущественно значимого цифрового права.

Такой подход согласуется с выводами А.А. Коренной, которая обоснованно указывает, что признание цифровой валюты имуществом для целей уголовно-правовой оценки позволяет преодолеть искусственную зависимость квалификации от технической формы существования объекта [7, с. 6–7]. Е.Г. Васильева также подчеркивает, что цифровая валюта обладает экономической ценностью и не может рассматриваться лишь как информационный феномен, нейтральный для права собственности [8, с. 93–96]. В более поздних публикациях данная позиция получила развитие применительно к хищению цифровых финансовых активов и цифровой валюты. Так, Д.Ш. Шейхмагомедов прямо связывает возможность признания таких объектов предметом хищения с их имущественной функцией и оборотоспособностью [9, с. 275–279].

Практически это означает, что если потерпевший под влиянием обмана переводит цифровую валюту на адрес, контролируемый злоумышленником, подтверждает отчуждение токенизированного актива, передает право распоряжения цифровым кошельком или подписывает сделку в информационной системе вопреки своим действительным интересам, то предметом посяательства выступает именно соответствующий цифровой актив. В такой конструкции обман направлен на лишение потерпевшего определенной имущественной ценности, пусть и существующей в цифровом контуре. Здесь особенно важно не смешивать предмет преступления со средством доступа к нему. Если виновный получает от потерпевшего пароль, код подтверждения или приватный ключ, сами по себе эти сведения не обязательно образуют предмет мошенничества. Предметное значение приобретает тот актив, распоряжение которым становится возможным благодаря полученной информации. Иначе говоря, при квалификации нужно смотреть не на формальный объект передачи, а на имущественный результат, которого добивался виновный.

Следовательно, цифровой актив может рассматриваться как предмет мошенничества при наличии по меньшей мере двух условий. Во-первых, он должен обладать самостоятельной имущественной ценностью, признаваемой оборотом и правом. Во-вторых, обманное воздействие должно быть направлено именно на его противоправное обращение в пользу виновного или иных лиц. При наличии этих признаков цифровая форма существования имущества не исключает его включения в предметную сферу преступлений против собственности.

Цифровой актив как инструмент сокрытия и вывода похищенного. Иная ситуация складывается тогда, когда преступник первоначально завладевает не цифровым активом, а денежными средствами или иным традиционным имуществом, а уже затем использует цифровой контур для дальнейшего движения похищенного. В этом случае цифровой актив не образует предмет мошенничества в строгом смысле, но становится инструментом посткриминального маршрута имущества.

Такой сценарий все чаще описывается в современной литературе. С.В. Одинцов и Б.Е. Кошелюк обращают внимание на то, что криптовалюты создают дополнительные сложности для квалификации и расследования, поскольку позволяют разорвать видимую связь между первоначальным преступлением и конечным выгодоприобретателем [3, с. 223–227]. С.С. Сагаста, анализируя проблемы ареста и конфискации цифровых валют, показывает, что цифровой контур существенно осложняет идентификацию и изъятие преступного результата [4, с. 57–60]. Д.В. Антонова рассматривает цифровые финансовые активы уже не на стадии первоначального завладения, а как возможный предмет деяний, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, то есть в логике последующей легализации [5, с. 140–144].

Предметом мошенничества остаются денежные средства в том случае, если мошенник завладел денежными средствами потерпевшего, а затем перевел их в цифровую валюту, распределил по нескольким адресам, конвертировал в иной цифровой актив или использовал многоступенчатую схему переводов. Цифровая валюта в этой конструкции характеризует не предмет первоначального посягательства, а способ трансформации, сокрытия или перераспределения похищенного. Иными словами, она относится к следующему этапу преступного механизма. Этот вывод важен и потому, что помогает избежать чрезмерного расширения предметной стороны мошенничества. Не всякое упоминание цифрового актива в фабуле дела означает, что он был предметом хищения. Иногда он появляется лишь после завершения основного акта завладения, выполняя роль финансово-технологического инструмента. Тогда его значение должно оцениваться по правилам о способе сокрытия преступного результата, по вопросам доказывания движения похищенного, а при наличии соответствующих признаков – и в логике последующей легализации.

Таким образом, цифровой актив в инструментальной функции приобретает самостоятельное, но иное уголовно-правовое значение. Он влияет на объем доказывания, на структуру соучастия, на возможность наложения ареста и на перспективу дополнительной квалификации, но не подменяет

собой предмет мошенничества. Именно здесь проходит граница между посягательством на имущество и технологией обращения уже похищенного имущества.

Значение разграничения для квалификации и доказывания. Разграничение предметной и инструментальной роли цифровых активов имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Прежде всего оно определяет содержание обвинения. Если предметом посягательства была цифровая валюта или цифровой финансовый актив, это должно быть прямо отражено в описании преступления как имущественно значимого объекта. Использование неопределенных формул вроде «цифровая информация» или «электронные данные» без указания имущественной функции объекта делает обвинение менее точным и может размывать предмет доказывания.

Выбранный подход влияет и на сам состав фактических обстоятельств, которые необходимо установить. Когда цифровой актив выступает предметом мошенничества, доказыванию подлежат принадлежность актива потерпевшему, порядок распоряжения им, механизм выбытия из его контроля и перехода под контроль виновного. Если же цифровой актив использован лишь после хищения денежных средств, тогда необходимо установить маршрут конвертации, связь кошельков и адресов с участниками схемы, последовательность переводов, а также функциональное назначение каждой операции. По сути, это уже иная доказательственная логика.

Наконец, разграничение влияет на квалификацию сопряженных деяний. В случае инструментального использования цифровых активов существенно возрастает значение норм о легализации имущества, добытого преступным путем, а также вопросов ареста, конфискации и обращения взыскания на соответствующие активы. В этом отношении показательны выводы А.А. Князькова и А.А. Пухова о необходимости самостоятельной уголовно-правовой оценки цифровых финансовых активов в незаконном обороте [10, с. 352–355], а также позиция Д.М. Ибатуллиной, которая связывает признаки цифрового мошенничества не только с цифровым способом воздействия, но и со спецификой объекта и объективной стороны деяния [11, с. 67–71].

С учетом изложенного в качестве основного разграничительного критерия следует использовать функциональную роль цифрового актива в механизме преступления. Если он образует ценность, на выбытие которой направлен обман, речь идет о предметной функции. Если он включается в схему после первоначального завладения иным имуществом, обеспечивая конвертацию, расслаивание или сокрытие похищенного, налицо функция инструментальная. Такой подход, с одной стороны,

сохраняет связь с традиционной теорией хищения, а с другой – позволяет адекватно описывать современные цифрово опосредованные мошеннические конструкции.

Заключение. Развитие цифровых технологий и распространение криптовалют поставило перед правоохранительными органами и судебной системой новые вызовы. Криптовалюты предоставляют пользователям возможность проводить анонимные и децентрализованные финансовые операции, что делает их привлекательными не только для легальных транзакций, но и для совершения противозаконных деяний – мошенничества и отмыwania денежных средств.

Однако регулирование криптовалют в большинстве стран, включая Россию, остается недостаточно четким, что создает сложности в квалификации преступлений и привлечении виновных к уголовной ответственности. В данной публикации рассмотрены ключевые проблемы квалификации преступлений, связанных с криптовалютой, и проанализирована судебная практика по делам о криптовалютных махинациях.

Одной из ключевых проблем преступлений, связанных с криптовалютой, является отсутствие ее четкого правового статуса. В России криптовалюта пока не признана законным платежным средством. Согласно Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах» криптовалюта рассматривается как имущество. Это позволяет привлекать виновных лиц к ответственности за имущественные преступления, в частности за мошенничество (ст. 159 УК РФ). Однако отсутствие единой позиции по этому вопросу затрудняет правоприменение.

Анонимность транзакций также является значимой проблемой. Обеспечиваемая блокчейн-технологией, она затрудняет установление личности преступника. Даже если удастся отследить транзакцию, связывание конкретного криптокошелька с физическим лицом требует значительных усилий. Это создает проблемы в доказательственной базе и осложняет квалификацию преступления.

Очередная проблема – сложности доказывания умысла у обвиняемого в делах о мошенничестве. Лица, совершающие противоправные деяния с

криптовалютами, зачастую используют сложные схемы, которые выглядят как легальная инвестиционная деятельность или обмен криптовалютой. Это затрудняет разграничение мошенничества и добросовестного предпринимательства.

Новые технологии требуют новых подходов к расследованию преступлений. Однако недостаток знаний о работе блокчейна и криптовалютных бирж у отдельных работников следственных органов и суда может привести к ошибкам в квалификации преступлений.

Проведенное исследование показывает, что цифровые активы не могут получать единообразную уголовно-правовую оценку только на основании их цифровой природы. Решающее значение имеет то, какое место соответствующий объект занимает в механизме конкретного мошеннического посягательства. Именно функциональный анализ позволяет избежать как неоправданного расширения предметной стороны мошенничества, так и недооценки роли цифровых инструментов в движении похищенного имущества.

Если цифровая валюта, цифровой финансовый актив либо иное имущественно значимое цифровое право составляют ту ценность, которой стремится завладеть виновный путем обмана или злоупотребления доверием, соответствующий объект может рассматриваться как предмет мошенничества. Если же цифровой актив используется после первоначального завладения иным имуществом для его конвертации, распределения, анонимизации или сокрытия, он выполняет инструментальную функцию и характеризует посткриминальный маршрут преступного результата.

Практический вывод из этого заключается в необходимости прямо устанавливать функцию цифрового актива на стадии квалификации, формулирования обвинения и доказывания. Для современной уголовно-правовой характеристики мошенничества важно не просто констатировать наличие цифрового элемента в схеме, а определить, был ли этот элемент объектом завладения или средством дальнейшего обращения похищенного. Только такой подход позволяет обеспечить точность квалификации и согласованность уголовно-правовой оценки с реальным содержанием цифрового имущественного оборота.

Литература

1. **Мограбян А.С.** Цифровые права как объекты гражданских прав в России // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17. – № 10. – С. 141–147. – DOI: 10.17803/1994-1471.2022.143.10.141-147.
2. **Фирсанова П.П.** Понятие цифровых финансовых активов в российском законодательстве и в правовой доктрине // Образование и право. – 2024. – № 4. – С. 508–513. – DOI: 10.24412/2076-1503-2024-4-508-513.
3. **Одинцов С.В., Кошелюк Б.Е.** Проблемы квалификации преступлений, сопряженных с использованием криптовалют // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 487. – С. 220–229. – DOI: 10.17223/15617793/487/25.

4. **Сагасты С.С.** Арест и конфискация цифровых валют: проблемы правового регулирования // *Advances in Law Studies*. – 2023. – Т. 11. – № 1. – С. 56–60. – DOI: 10.29039/2409-5087-2023-11-1-56-60.
5. **Антонова Д.В.** Цифровые финансовые активы как предмет преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // *Закон и право*. – 2025. – № 7. – С. 139–145. – DOI: 10.24412/2073-3313-2025-7-139-145.
6. **Шубенкова К.В., Малахова Е.П.** Особенности правового регулирования цифровых финансовых активов в РФ // *Legal Concept*. – 2024. – Т. 23. – № 4. – С. 92–97. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2024.4.12.
7. **Коренная А.А.** Цифровая валюта как предмет и средство совершения преступлений // *Российско-азиатский правовой журнал*. – 2021. – № 3. – С. 5–8. – DOI: 10.14258/ralj(2021)3.1.
8. **Васильева Е.Г.** Цифровая валюта: уголовно-правовой аспект // *Вестник Сургутского государственного университета*. – 2021. – № 2 (32). – С. 91–99. – DOI: 10.34822/2312-3419-2021-2-91-99.
9. **Шейхмагомедов Д.Ш.** Уголовно-правовая характеристика хищения цифровых финансовых активов и цифровой валюты // *Закон и право*. – 2025. – № 6. – С. 274–282. – DOI: 10.24412/2073-3313-2025-6-274-282.
10. **Князьков А.А., Пухов А.А.** Цифровые финансовые активы как предмет преступления: понятие, виды, особенности незаконного оборота // *Аграрное и земельное право*. – 2025. – № 3. – С. 352–355. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_3_352.
11. **Ибатуллина Д.М.** Объективные признаки цифрового мошенничества и их значение для квалификации деяния // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. – 2025. – Т. 16. – № 1 (59). – С. 66–73. – DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2025-59-7.

References

1. **Mograbyan A.S.** Cifrovye prava kak ob'ekty grazhdanskikh prav v Rossii // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. – 2022. – Т. 17. – № 10. – С. 141–147. – DOI: 10.17803/1994-1471.2022.143.10.141-147.
2. **Firsanova P.P.** Ponyatie cifrovyyh finansovykh aktivov v rossijskom zakonodatel'stve i v pravovoj doktrine // *Obrazovanie i pravo*. – 2024. – № 4. – С. 508–513. – DOI: 10.24412/2076-1503-2024-4-508-513.
3. **Odincov S.V., Koshelyuk B.E.** Problemy kvalifikatsii prestuplenij, sopryazhennykh s ispol'zovaniem kriptovalyut // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2023. – № 487. – С. 220–229. – DOI: 10.17223/15617793/487/25.
4. **Sagasti S.S.** Arest i konfiskatsiya cifrovyyh valyut: problemy pravovogo regulirovaniya // *Advances in Law Studies*. – 2023. – Т. 11. – № 1. – С. 56–60. – DOI: 10.29039/2409-5087-2023-11-1-56-60.
5. **Antonova D.V.** Cifrovye finansovye aktivy kak predmet prestuplenij, predusmotrennykh stat'yami 174 i 174.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // *Zakon i pravo*. – 2025. – № 7. – С. 139–145. – DOI: 10.24412/2073-3313-2025-7-139-145.
6. **Shubenkova K.V., Malahova E.P.** Osobennosti pravovogo regulirovaniya cifrovyyh finansovykh aktivov v RF // *Legal Concept*. – 2024. – Т. 23. – № 4. – С. 92–97. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2024.4.12.
7. **Korennyaya A.A.** Cifrovaya valyuta kak predmet i sredstvo soversheniya prestuplenij // *Rossijsko-aziatskij pravovoj zhurnal*. – 2021. – № 3. – С. 5–8. – DOI: 10.14258/ralj(2021)3.1.
8. **Vasil'eva E.G.** Cifrovaya valyuta: ugovolno-pravovoj aspekt // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2021. – № 2 (32). – С. 91–99. – DOI: 10.34822/2312-3419-2021-2-91-99.
9. **Shejmagomedov D.Sh.** Ugolovno-pravovaya harakteristika hishcheniya cifrovyyh finansovykh aktivov i cifrovoy valyuty // *Zakon i pravo*. – 2025. – № 6. – С. 274–282. – DOI: 10.24412/2073-3313-2025-6-274-282.
10. **Knyaz'kov A.A., Puhov A.A.** Cifrovye finansovye aktivy kak predmet prestupleniya: ponyatie, vidy, osobennosti nezakonnogo oborota // *Agrarnoe i zemel'noe pravo*. – 2025. – № 3. – С. 352–355. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_3_352.
11. **Ibatullina D.M.** Ob'ektivnye priznaki cifrovogo moshennichestva i ih znachenie dlya kvalifikatsii deyaniya // *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. – 2025. – Т. 16. – № 1 (59). – С. 66–73. – DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2025-59-7.

(статья сдана в редакцию 26.03.2026)

Режим и условия отбывания наказаний в женских колониях общего режима

The regime and conditions of serving punishments in women's colonies of general regime

УДК 343.914

И.М. Черноярова
(Академия ФСИН России,
Россия, Рязань)
mailche95@mail.ru

Irina M. Chernoyarova
(The Academy of the FPS of Russia,
Ryazan, Russia)

Аннотация: статья посвящена одной из насущных проблем пенитенциарной системы Российской Федерации, а именно исследованию режима и условий отбывания наказаний в женских исправительных колониях общего режима. Автор проводит сравнительный анализ толкования понятия «режим» в целом с точки зрения уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и стран зарубежья (Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан) и интерпретирует данное понятие, опираясь на мнения научных деятелей, а также специалистов в области права. В статье рассматривается понятие «условия отбывания наказания», анализируются отдельные аспекты условий отбывания наказаний в колониях общего режима для лиц женского пола, а также выявляются актуальные проблемы и возможные пути их решения. Посредством анализа статистических судебных данных, данных ФСИН России и ГИАЦ МВД России, а также собственного практического опыта автор выявляет актуальные проблемы уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и рекомендует внести изменения в пункт 5 статьи 91 «Переписка осужденных к лишению свободы, переводы денежных средств», а также в пункт 5 статьи 92 «Телефонные разговоры осужденных к лишению свободы» Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: осужденные; женщины; переписка; денежные переводы; режим; условия отбывания наказания; места лишения свободы

Для цитирования: Черноярова И.М. Режим и условия отбывания наказаний в женских колониях общего режима // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 2. – С. 92–97.

Abstract: the scientific article is devoted to the study of the regime and conditions of serving sentences in women's general regime correctional colonies. The author conducts a comparative analysis of the interpretation of the concept of «regime» as a whole from the point of view of the criminal-executive legislation of the Russian Federation and foreign countries (the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan). In addition, the author provides interpretations of this concept from the point of view of scientists. The concept of «conditions of serving a sentence» is considered. Certain aspects of the conditions of serving sentences in general regime colonies for females are studied. By analyzing statistical judicial data, data from the Federal Penitentiary Service of Russia and the State Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as her own practical experience, the author identifies current problems of the criminal-executive legislation of the Russian Federation. The author recommends amending paragraph 5 of Article 91 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation «Correspondence of persons sentenced to imprisonment, money transfers», as well as paragraph 5 of Article 92 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation «Telephone conversations of persons sentenced to imprisonment».

Keywords: convicts; women; correspondence; money transfers; regime; conditions of serving punishment; places of imprisonment

For citation: Chernoyarova I.M. The regime and conditions of serving punishments in women's colonies of general regime // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 2. – P. 92–97.

Введение. Женская преступность традиционно получает меньшее внимание со стороны общества и государственных институтов по сравнению с мужской. Ключевым фактором такого положения дел выступает статистически подтвержденная низкая доля преступлений, совершаемых женщинами. Однако анализ статистических данных Главного информационно-аналитического центра МВД России позволяет наблюдать следующее: на конец 2020 года удельный вес женской преступности составил 16%, на конец 2021 года – 16,2%, на конец 2022 – 16,3%, на конец 2023 года – 16,8%, на начало 2025 года удельный вес женской преступности был 18,1%. За последний год криминальная активность лиц женского пола выросла на 7,74%, что в очередной раз подтверждает всю серьезность выявленной нами проблемы.

Наряду с женской преступностью вызывает беспокойство преступность женщин, осужденных к лишению свободы. Согласно статистическим данным ФСИН России относительно показателей преступности данной категории осужденных, по состоянию на 2020 год в женских исправительных колониях общего режима было официально зафиксировано 16 преступлений, в 2021 году – 26, в 2022 году – 24, в 2023 году и 2024 году – по 28 преступлений¹.

Таким образом, за последнее пятилетие преступность лиц женского пола в местах лишения свободы возросла в 1,75 раза. Данная проблема говорит о необходимости улучшения оперативной обстановки женских исправительных учреждений, а также воспитательной и психологической работы, в особенности индивидуальной. Немаловажным является применение в отношении данной категории осужденных средств исправления.

Материалы и методы. Для подготовки статьи автор использовал данные судебной статистики Российской Федерации, а также статистическую информацию, предоставленную Федеральной службой исполнения наказаний (ФСИН России) и Главным информационно-аналитическим центром (ГИАЦ) Министерства внутренних дел Российской Федерации. Кроме этого, в качестве материала использовались законодательные источники Российской Федерации и зарубежных стран (Республики Беларусь, Республики Таджикистан, Республики Казахстан, Кыргызской Респу-

блики), а также собственный практический опыт автора. В процессе работы над статьей были задействованы различные исследовательские подходы, включая исторические и статистические методы, а также методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, метод моделирования.

Обсуждение. Режим отбывания наказания составляет одно из основных средств исправительного воздействия. А.А. Раськевич отмечает, что исторически впервые понятие «режим» как правовая категория появилась в 1918 году в постановлении Наркомюста РСФСР от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная Инструкция)». Согласно Временной Инструкции на отделение по выработке воспитательно трудовых методов и карательных мер возлагались следующие функции: обеспечение режима содержания подследственных, внедрение общих трудовых принципов в отношении них, а также применение мер воздействия к лицам, уклоняющимся от выполнения работ. [1, с. 97]. Кроме этого, понятие «режим» широко использовалось в постановлении Наркомюста РСФСР от 15 ноября 1920 г. «Положение об общих местах заключения Р.С.Ф.С.Р.», в постановлении ВЦИК от 16 октября 1924 г. «Об утверждении Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР». Данный термин на сегодняшний день активно используется в действующем уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации.

Глава 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (далее – УИК РФ) посвящена режиму в исправительных учреждениях, а также средствам его обеспечения. Под режимом в исправительных учреждениях понимается «установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания»².

¹ Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Форма 2-УИС месячная (утв. приказом ФСИН России от 14 августа 2019 г. № 675) (последняя редакция) [Электронный ресурс]. – URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/>

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) (с изм. от 17 декабря 2025 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В результате анализа нормативной правовой базы зарубежных стран обнаружена аналогичная интерпретация данного понятия в уголовно-исполнительном законодательстве Республики Беларусь³, Кыргызской Республики⁴, Республики Таджикистан⁵, а также Республики Казахстан⁶. Однако, например, в законодательстве Казахстана медицинские работники выделяются в отдельную категорию наряду с персоналом исправительных учреждений. Помимо официального толкования режима существуют и другие, предложенные научными деятелями и специалистами в области права. К примеру, Н.А. Беляев определяет режим как «порядок деятельности исправительных учреждений, т.е. установленный и регулируемый нормами советского исправительно-трудового права порядок использования труда осужденных, обеспечивающий их изоляцию, а также применение ограничений, связанных с лишением свободы, выполнением заключенными их обязанностей, гарантию осуществления принадлежащих им прав и создание условий для их исправления и перевоспитания» [2, с. 113].

По мнению Н.А. Стручкова, «режим – это порядок в исправительно-трудовых учреждениях, обеспечивающий исправление и перевоспитание осужденных, решение задач частного (специального) и общего предупреждения преступления» [3, с. 156]. С.В. Познышев, рассматривая данное понятие в широком смысле, настаивал на том, что «пенитенциарный режим обнимает всю систему мер, посредством которых пенитенциарные учреждения стремятся к достижению своих целей» [4].

Б.С. Утевский предпочитал рассматривать режим в узком смысле, считая, что он «складывается из распорядка дня, из регулирования порядка передвижения в пределах места лишения свободы, из правил, устанавливающих формы общения лишенных свободы с внешним миром, из системы мер поощрения и мер дисциплинарного взыскания... то есть из всего того, что составляет совокупность внешних признаков лишения свободы, специфических для этой меры репрессии» [5, с. 104]. Е.М. Захцер определил понятие «режим» как «пра-

вопорядок исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы и применения мер исправительно-трудового воздействия, а также специального предупреждения правонарушений» [6].

Белорусский ученый В.Б. Шабанов утверждает, что «режим является универсальным и основным средством исправительного воздействия на осужденного, в рамках которого обеспечивается применение иных средств исправления...», а также что «режим должен создавать необходимые условия для применения других, лучших в педагогическом отношении средств исправления и ресоциализации осужденного, выполняя одновременно самостоятельные функции: карательную, карательно-обеспечивающую, исправительную, исправительно-обеспечивающую, социального контроля (профилактическую)». По словам исследователя, «режим должен пониматься прежде всего правоприменителями как средство поэтапной ресоциализации и социальной адаптации осужденных к лишению свободы с учетом их типологической характеристики» [7, с. 45–54].

Некоторые правоведы придерживаются точки зрения, что режим – это совокупность правил и предписаний, которые, в свою очередь, подразделяются на виды: относящиеся к персоналу исправительных учреждений; к осужденным; к иным лицам, находящимся на территории исправительных учреждений [8, с. 260].

Итак, в целом режим является установленным законом порядком отбывания наказания и одним из основных средств исправления осужденных, и независимо от их категорий (женщины, несовершеннолетние, инвалиды и т.д.) данное понятие, по нашему мнению, является неизбежным.

Тесно связаны понятие «режим в исправительных учреждениях» и являющееся его составной частью «условия отбывания наказания». Условия отбывания наказания в виде лишения свободы в зависимости от вида исправительного учреждения могут быть различными. В отличие от термина «режим» законодатель не закрепил официально данное понятие, однако существуют авторские толкования. Так, В.Н. Орлов под условиями исполнения наказаний понимает «урегулированные уголовно-исполнительным законодательством правила поведения субъектов исполнения наказаний, а также ситуации, обстоятельства, обстановку в процессе исполнения наказаний» [9].

Заслуживает внимания, с нашей точки зрения, интерпретация, предложенная В.А. Уткиным, по мнению которого «условия исполнения (отбывания) наказаний – это основные внешние параметры состояния субъектов уголовно-исполнительных отношений, юридически закрепленные в виде описаний, предписаний, ограничений или особых прав,

³ Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь от 11 января 2000 г. № 365-З [Электронный ресурс]. – URL: <https://etalonline.by>

⁴ Уголовно-Исполнительный Кодекс Кыргызской Республики от 31 января 2017 г. № 17 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-31/edition/25021/ru>

⁵ Кодекс исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан от 6 августа 2001 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://sud.tj/upload/iblock/91c/ktpzjk27i2n3rkkrfn7j4jeesh20xhyt.pdf>

⁶ Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 г. № 234-V [Электронный ресурс]. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000234>

например права осужденных к лишению свободы на гарантированное питание» [10, с. 134–142].

Условия отбывания наказания в женских колониях и в мужских колониях общего режима отличаются, например в части дополнительных длительных свиданий с детьми. Так, согласно части 2.1 статьи 89 УИК РФ все осужденные женщины, имеющие ребенка в возрасте до 14 лет, имеют право на дополнительные длительные свидания с ребенком в выходные и праздничные дни с проживанием (пребыванием) вне исправительного учреждения, но в пределах муниципального образования, на территории которого расположено исправительное учреждение, если это предусмотрено условиями отбывания ими лишения свободы в исправительном учреждении. В то же время данное право предоставляется не всем мужчинам, имеющим ребенка до 14 лет, а лишь тем, кто является единственным родителем.

Также статья 90 УИК РФ говорит о том, что женщины и лица, содержащиеся в воспитательных колониях, могут получать посылки, передачи и бандероли без ограничения количества, в то время как мужчинам предоставляется данное право в ограниченном количестве и в зависимости от режима отбывания наказания.

Особого внимания заслуживает часть 5 статьи 91 УИК РФ, согласно которой осужденные вправе получать переводы денежных средств и за счет средств, находящихся на их лицевых счетах, осуществлять переводы денежных средств близким родственникам, перечень которых определен пунктом 4 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Осуществление переводов денежных средств иным лицам допускается с разрешения администрации исправительного учреждения в порядке, установленном Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений. Это говорит о том, что иным лицам осужденные могут перечислять денежные средства с разрешения администрации, а иные лица, в свою очередь, могут перечислять денежные средства свободно, без какого-либо разрешения. На наш взгляд, диспозиция данной статьи требует критической оценки, поскольку содержит потенциально проблемные аспекты.

В местах лишения свободы наказание отбывают женщины различного темперамента, характера и воспитания. Некоторые, имеющие семью, активно интересуются жизнью своих детей и проявляют о них беспокойство, в том числе и об их финансовом обеспечении. Часть женщин, напротив, не озабочена проблемами своих детей, проявляет равнодушие и безразличие к их жизни. Многие женщины имеют не просто исковые обязательства в пользу жертв или их родственников, но и алиментные обязательства. Судебная статистика

говорит о том, что по статье 157.1 УК РФ «Неуплата средств на содержание детей» в 2020 году было осуждено 26% женщин, в 2021 году – 27%, в 2022 году – 26,3%, в 2023 году 27,7%, в 2024 году – 31,5%, то есть удельный вес женщин, не желающих осуществлять платежи по алиментным обязательствам, ежегодно возрастает. Согласно статье 107 УИК РФ удержание денежных средств в рамках исполнительного производства осуществляется из заработной платы осужденных, пенсий и иных доходов.

Практический опыт автора позволяет констатировать, что части осужденных женщин присущи такие качества характера, как хитрость, лживость, изобретательность и корыстолюбие – не все готовы надлежаще осуществлять свои долговые обязательства по исполнительным листам, поэтому ищут пути обхода тех или иных законов, особенно когда «под угрозой» оказывается личная выгода осужденной. Так, упомянутый ранее пробел в части 5 статьи 91 УИК РФ гипотетически может создать следующую ситуацию. К примеру, по заранее оговоренному плану, гражданин из близкого окружения одной осужденной (в отношении которой имеется исполнительное производство) может перечислить денежные средства другой осужденной (в отношении которой исполнительного производства не имеется). Другая осужденная на полученные денежные средства может приобрести в магазине при исправительном учреждении необходимые товары и передать их первой осужденной.

Подобный пример «обхода закона» и злоупотребление правом получения денежных переводов от иных лиц происходит в ущерб другому лицу (взыскателю) и наблюдается по той причине, что если бы тот же самый гражданин осуществил перевод денежных средств непосредственно первой осужденной, то часть денежных средств была бы удержана в пользу взыскателя в рамках исполнительного производства, которому могла бы быть перечислена часть денежных средств по исполнительному листу.

Данную проблему, на наш взгляд, успешно решает часть 4 статьи 85 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь в следующей формулировке: «...получать от лиц, не являющихся близкими родственниками осужденного, или отправлять таким лицам денежные переводы возможно только с разрешения администрации исправительного учреждения». В то же время в уголовно-исполнительном законодательстве, к примеру, Республики Казахстан, Республики Таджикистан и Кыргызской Республики подобная формулировка отсутствует.

В рамках условий отбывания наказаний согласно статье 92 УИК РФ осужденным к лишению свободы, в том числе женскому полу, предоставляется

право на телефонные разговоры. Согласно пункту 244 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений⁷ всем женщинам, имеющим ребенка в возрасте до четырнадцати лет, право на телефонный разговор предоставляется в первоочередном порядке с момента подачи осужденным к лишению свободы письменного заявления начальнику исправительного учреждения или лицу, его замещающему, либо уполномоченному им заместителю начальника. Мужчинам, имеющим ребенка в возрасте до четырнадцати лет, однако, предоставлено такое право лишь при условии, что он является единственным родителем.

Согласно статье 95 УИК РФ, а именно части 5, «телефонные разговоры осужденных могут контролироваться персоналом исправительных учреждений». Отметим, что данная норма носит рекомендательный характер, то есть телефонные разговоры могут и не контролироваться сотрудниками исправительных учреждений. На основании практического опыта установлено, что исправительные учреждения оснащаются, как правило, несколькими таксофонами для большей доступности реализации права на телефонные разговоры и более интенсивного процесса его осуществления осужденными, при этом для контроля за данным процессом закрепляется всего один сотрудник из числа отдела безопасности – младший инспектор по проведению телефонных разговоров осужденных. Убеждены, что назначение всего одного сотрудника для проведения данного мероприятия недостаточно, так как осуществлять эффективный контроль за одновременными телефонными разговорами нескольких осужденных одному человеку практически невозможно.

Как мы уже отмечали ранее, часть осужденных женщин отличаются хитростью, а в процессе отбывания наказания они становятся еще более находчивы и изобретательны. Не исключены ситуации, когда осужденные лица женского пола, пользуясь недостаточным контролем со стороны администрации исправительного учреждения, совершают телефонные звонки абоненту, не указанному в заявлении на разрешение телефонного разговора. О том, как конкретно и каким образом должен осуществляться процесс телефонного разговора осужденного, в законе не указано. Все, что касается контроля, находится лишь в одном предложении пункта 5.3.3. приказа Минюста Рос-

сии от 7 марта 2000 г. № 83 «Об утверждении Инструкции о надзоре за осужденными, содержащимися в исправительных колониях», а именно: «для контроля за содержанием разговоров устанавливается параллельный телефонный аппарат». При этом, полагаем, осужденные набирают телефонные номера самостоятельно, так как закон этого не запрещает.

Обратившись вновь к уголовно-исполнительному законодательству зарубежных государств, мы можем наблюдать, что, например в части 5 статьи 92 Уголовно-исполнительного кодекса Кыргызской Республики говорится, что «телефонные разговоры осужденных контролируются администрацией исправительных учреждений». Часть 1 статьи 86 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь содержит следующее: «...телефонные разговоры, в том числе с использованием систем видеосвязи, контролируются администрацией исправительного учреждения и оплачиваются осужденными в порядке, установленном законодательством». Таким образом, очевидно, что нормы, касающиеся прав осужденных на телефонные разговоры в данных государствах, носят обязательный характер, что, по нашему мнению, является немаловажным.

Заключение. В завершение анализа указанной проблемы, предлагаем внести изменения в пункт 5 статьи 91 УИК РФ и изложить ее следующим образом: «осужденные вправе получать переводы денежных средств за счет средств, находящихся на их лицевых счетах, осуществлять переводы денежных средств близким родственникам, перечень которых определен пунктом 4 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Получать от лиц, не являющихся близкими родственниками осужденного, или отправлять таким лицам денежные переводы возможно только с разрешения администрации исправительного учреждения в порядке, установленном Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений».

Кроме того, следует внести изменения в пункт 5 статьи 92 УИК РФ, указав, что «телефонные разговоры осужденных, в том числе с использованием систем видеосвязи, контролируются персоналом исправительных учреждений». Также считаем, что организация телефонных переговоров осужденных является одним из важнейших мероприятий в рамках исполнения наказаний, которое предполагает осуществление связи с внешним миром. Для эффективного контроля за данным процессом в целях предупреждения попытки передать данные ограниченного распространения или использования выражений, применяемых в криминальной среде и т.д. целесообразно выделять дополнительных сотрудников, к примеру сотрудников оператив-

⁷ Приказ Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 (ред. от 27 января 2025 г.) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (зарегистрировано в Минюсте России 5 июля 2022 г. № 69157) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ных подразделений исправительных учреждений. Отметим, что, изменения в УИК РФ, касающиеся телефонных разговоров и денежных переводов осужденных, должны учитывать безопасность

учреждений и права осужденных на коммуникацию и распоряжение средствами. Важно также обеспечить техническую готовность к внедрению новшеств и проведению модернизации.

Литература

1. **Раськевич А.А.** Режим и условия отбывания наказания в исправительных учреждениях // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2007. – № 41 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezhim-i-usloviya-otbyvaniya-nakazaniya-v-ispravitelnyh-uchrezhdeniyah> (дата обращения: 26.04.2025).
2. **Беляев Н.А.** Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. – Ленинград: Ленинградский университета, 1963. – 186 с.
3. **Стручков Н.А.** Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. – Саратов: Саратовский университета, 1978. – 288 с.
4. **Познышев С.В.** Основы пенитенциарной науки. – Москва: Юридическое издательство Наркомюста, 1923. – 371 с.
5. **Утевский Б.С.** Советская исправительно-трудовая политика: учебник для правовых вузов и юридических курсов / под ред. Б.С. Ошеровича. – Москва: Советское законодательство, 1934. – 253 с.
6. **Захцер В.М.** Средства обеспечения режима в исправительно-трудовых колониях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1973. – 34 с.
7. **Шидловский А.В.** Дифференциация карательного потенциала лишения свободы в национальной системе видов наказаний и санкций // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4: Правоведение. – 2016. – Т. 6. – № 3. – С. 45–54.
8. **Шеметов А.К.** О некоторых вопросах определения понятия режима в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. – 2017. – Т. 12. – № 3. – С. 260–261.
9. **Орлов В.Н.** Состав отбывания уголовного наказания. – Москва: Криминологическая библиотека, 2021. – 180 с.
10. **Уткин В.А.** Пенитенциарные права осужденных // Вестник Кузбасского института. – 2020. – № 2 (43). – С. 134–142.

References

1. **Ras'kevich A.A.** Rezhim i usloviya otbyvaniya nakazaniya v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah // Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena. – 2007. – № 41 [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezhim-i-usloviya-otbyvaniya-nakazaniya-v-ispravitelnyh-uchrezhdeniyah> (data obrashcheniya: 26.04.2025).
2. **Belyaev N.A.** Celi nakazaniya i sredstva ih dostizheniya v ispravitel'no-trudovyh uchrezhdeniyah. – Leningrad: Leningradskij universiteta, 1963. – 186 s.
3. **Struchkov N.A.** Ugolovnaya otvetstvennost' i ee realizaciya v bor'be s prestupnost'yu. – Saratov: Saratovskij universitet, 1978. – 288 s.
4. **Poznyshev S.V.** Osnovy penitenciarnoj nauki. – Moskva: Yuridicheskoe izdatel'stvo Narkomyusta, 1923. – 371s.
5. **Utevsij B.S.** Sovetskaya ispravitel'no-trudovaya politika: uchebnik dlya pravovyh vuzov i yuridicheskikh kursov / pod red. B.S. Osherovicha. – Moskva: Sovetskoe zakonodatel'stvo, 1934. – 253 s.
6. **Zahcer V.M.** Sredstva obespecheniya rezhima v ispravitel'no-trudovyh koloniyah: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Tomsk, 1973. – 34 s.
7. **Shidlovskij A.V.** Differenciaciya karatel'nogo potenciala lisheniya svobody v nacional'noj sisteme vidov nakazaniy i sankcij // Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 4: Pravovedenie. – 2016. – T. 6. – № 3. – S. 45–54.
8. **Shemetov A.K.** O nekotoryh voprosah opredeleniya ponyatiya rezhima v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. – 2017. – T. 12. – № 3. – S. 260–261.
9. **Orlov V.N.** Sostav otbyvaniya ugolovnogo nakazaniya. – Moskva: Kriminologicheskaya biblioteka, 2021. – 180 s.
10. **Utkin V.A.** Penitenciarnye prava osuzhdennyh // Vestnik Kuzbasskogo instituta. – 2020. – № 2 (43). – S. 134–142.

(статья сдана в редакцию 18.09.2025)

OSINT-анализ сайтов как метод сбора доказательств по уголовным делам

OSINT analysis of websites as a method of collecting evidence in criminal cases

УДК 343.140.02

А.К. Нисневич

(Санкт-Петербургский университет МВД России,
Россия, Санкт-Петербург)
lielka@ya.ru

Alena K. Nisnevich

(Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint Petersburg, Russia)

Аннотация: в статье рассматривается проблема использования OSINT-анализа (анализа открытых источников информации) как инструмента получения доказательств в уголовном процессе. Акцентируется внимание на возрастающей роли информационных технологий в современном судопроизводстве и необходимости правового регулирования работы с открытыми источниками данных. Автор проводит исследование возможностей и особенностей применения OSINT-методов при расследовании различных категорий преступлений, рассматривает процессуальные аспекты оформления результатов OSINT-анализа и их использования в качестве доказательств. На основе изучения нормативной правовой базы, систематизации практического опыта применения OSINT-технологий, а также обобщения существующих методик сбора и фиксации доказательств из открытых источников выделены процессуальные требования к оформлению результатов OSINT-анализа. Проведенное исследование показало, что применение OSINT-методов демонстрирует высокую результативность при расследовании широкого спектра противоправных деяний – от экономических преступлений и нарушений авторских прав до киберпреступлений и преступлений против личности, что подтверждается примерами успешного использования данного инструмента в следственной практике. Систематизация подходов к правовому оформлению доказательств, полученных из открытых источников, и определение критериев их допустимости определяет возможность применения разработанных рекомендаций в следственной и судебной практике. Также в статье затрагиваются вопросы отсутствия единой методологии OSINT-анализа в уголовном процессе России, что является основой для разработки стандартизированных методик проведения OSINT-анализа и совершенствования нормативной правовой базы в данной сфере.

Ключевые слова: OSINT; открытые источники информации; уголовный процесс; доказательства; методология; правовые аспекты; перспективы применения

Для цитирования: Нисневич А.К. OSINT-анализ сайтов как метод сбора доказательств по уголовным делам // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 2. – С. 98–105.

Abstract: the article discusses the problem of using OSINT analysis (analysis of open sources of information) as a tool for obtaining evidence in criminal proceedings. Attention is focused on the increasing role of information technologies in modern legal proceedings and the need for legal regulation of work with open data sources. The author conducts a study of the possibilities and features of using OSINT methods in the investigation of various categories of crimes, examines the procedural aspects of processing the results of OSINT analysis and their use as evidence. Based on the study of the regulatory framework, the systematization of practical experience in the use of OSINT technologies, as well as the generalization of existing methods for collecting and recording evidence from open sources, the procedural requirements for the registration of OSINT analysis results are highlighted. The conducted research has shown that the use of OSINT methods demonstrates high efficiency in the investigation of a wide range of illegal acts - from economic crimes and copyright violations to cybercrimes and crimes against the person, which is confirmed by practical examples of the successful use of this tool in investigative practice.

The systematization of approaches to the legal registration of evidence obtained from open sources and the definition of criteria for their admissibility determines the possibility of applying the developed recommendations in investigative and judicial practice. The article also addresses the issues of the lack of a unified methodology for OSINT analysis in the Russian criminal process, which is the basis for the development of standardized methods for conducting OSINT analysis and improving the regulatory framework in this area.

Keywords: OSINT; open sources of information; criminal procedure; evidence; methodology; legal aspects, application prospects

For citation: Nisnevich A.K. OSINT analysis of websites as a method of collecting evidence in criminal cases // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 2. – P. 98–105.

Цифровая революция обусловила трансформацию информации в фундаментальный ресурс, значимость которого в уголовном процессе неуклонно растет. Открытые источники информации – Open Source Intelligence (OSINT), включающие веб-сайты, социальные сети, форумы и блоги, представляют широкий доступ к данным, которые могут быть использованы для раскрытия преступлений, то есть в рамках уголовного судопроизводства OSINT используется для выявления фактов произошедших событий, установления связей и сбора доказательств. OSINT-анализ как особый вид доказательств в уголовном судопроизводстве обретает статус значимого инструмента доказывания, позволяя компетентным органам получать достоверную информацию о совершенных преступлениях.

OSINT объединяет различные инструменты и методики обработки информации из открытых источников в единую систему анализа данных. Цифровые источники информации приобретают первостепенное значение в уголовном судопроизводстве, предоставляя следователям широкие возможности для сбора релевантных доказательств, и могут быть эффективно использованы на всех этапах доказывания – от выявления преступления до судебного разбирательства. Доказательственная информация, или данные, полученные посредством OSINT-анализа в сети Интернет, являются критически важными для эффективного раскрытия преступлений, формирования версий, рационального применения тактических приемов в ходе следственных мероприятий, планирования и организации подготовки и проведения тактических операций, а также для корректного построения алгоритма действий на различных стадиях уголовного расследования [1, с. 63].

Ключевое преимущество данного метода заключается в высокой скорости обработки информации и удобстве доступа к данным, что позволяет существенно сократить время на проведение следственных и процессуальных действий, а также повысить их качество. Благодаря оперативности и доступности OSINT-анализ способствует более быстрому и точному сбору доказательств, что является

важным аспектом для обеспечения справедливости и законности.

OSINT-анализ исследования сайтов может быть применен при расследовании в первую очередь экономических преступлений, киберпреступлений, преступлений против личности и преступлений в сфере авторских прав. При этом считаем необходимым отметить, что доказательствами в таком случае являются не материальные предметы или вещи, а массив данных, который переносится на материальные носители информации в виде протоколов следственных действий и электронных носителей информации (например НЖМД, CDR-диск и т.д.). Информация, полученная в результате OSINT-анализа, приобретает правовой статус доказательств после ее официальной фиксации в протоколе следственного действия и закрепления на электронном носителе неизменяемого типа.

В расследовании киберпреступлений данная методика помогает выявить источники фишинговых атак, анализировать ботнет-инфраструктуры, отслеживать распространение вредоносного программного обеспечения и исследовать теневые рынки в даркнете [2, с. 140]. Современные OSINT-технологии обрабатывают данные различных форматов, включая текстовые, графические и видеоматериалы, преобразуя их в аналитические инсайты, которые способствуют принятию обоснованных решений [3, с. 6].

Комплексный подход, включающий использование информационных технологий OSINT, «позволяет добиться эффективного и максимально быстрого расследования преступлений, связанных с террористической активностью» [4, с. 91], осуществлять мониторинг радикализации в социальных медиа, выявлять каналы вербовки, анализировать финансирование террористических организаций и отслеживать перемещение боевиков.

В борьбе с мошенничеством методика способствует деконструкции мошеннических схем, выявлению центров организации преступлений, установлению связей между участниками и документированию противоправной деятельности. Кроме того, анализ открытых данных позволяет

специалистам разрабатывать и внедрять эффективные стратегии борьбы с различными видами мошенничества [5, с. 1415].

Среди основных инструментов OSINT-анализа выделяют [6, с. 320]:

- Google: популярная поисковая система с возможностью использования специальных ключей и GoogleAlerts;
- социальные сети: «ВКонтакте», «Дзен», TikTok как источники открытой информации;
- Maltego: метапоисковая система для анализа открытых баз данных;
- Spokeo: поисковая система для США, сканирующая социальные сети и публичные записи;
- InfoSniper: поисковик с геолокацией для IP-адресов и доменов;
- Shodan: инструмент для доступа к видеокameraм, подключенным к Интернету.

Работа с доказательствами в рамках OSINT-анализа предполагает обязательное предварительное закрепление полученной из открытых источников информации посредством проведения комплекса следственных мероприятий, включающих составление протоколов и надлежащее оформление всех этапов сбора данных, а также их фиксацию на специальных электронных носителях. Только после выполнения этих формально-процессуальных требований информация, добытая методом OSINT-анализа, приобретает статус допустимого доказательства и может быть использована при рассмотрении уголовных дел. При сборе данных необходимо соблюдать этические нормы (например, права на тайну переписки, коммерческую тайну и т.д.) и подтверждать информацию через официальные источники (например, информация о неоднократных денежных переводах между счетами офшорной компании и российского юридического лица, выявленная в ходе OSINT-анализа публичных финансовых отчетов и социальных медиа, подтверждается при сопоставлении с данными банковских выписок, сведениями из ЕГРЮЛ и результатами проверки через систему ФНС России). При использовании автоматизированных инструментов OSINT-анализа требуется обеспечивать нормативное правовое соответствие исследовательской деятельности и осуществлять легитимную фиксацию полученных данных в соответствии с действующим законодательством. Все результаты такого анализа должны быть надлежащим образом зафиксированы и документально оформлены в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, что гарантирует их допустимость в качестве доказательств при рассмотрении уголовного дела.

В Российской Федерации использование OSINT-анализа регулируется рядом нормативных актов, в первую очередь к ним относится Уголов-

но-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ). В соответствии со статьей 74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу могут быть любые сведения, на основании которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

OSINT-анализ сайтов с процессуальной точки зрения оформляется в соответствии с требованиями статьи 176 УПК РФ, регламентирующей порядок проведения осмотра, что требует соблюдения определенной последовательности действий и документального оформления. В протоколе указываются: дата и время проведения осмотра, фамилия, имя, отчество следователя и специалиста, описание технических средств, использованных при осмотре, перечень зафиксированных данных, выводы по результатам осмотра, приложения (скриншоты, записи). Перед началом осмотра производится фиксация исходных данных: описываются технические характеристики используемого оборудования, указывается программное обеспечение, фиксируется точное время начала исследования, производится описание исследуемого веб-ресурса, включая его URL и основные характеристики.

Для обеспечения достоверности результатов следственного действия рекомендуется в порядке статьи 168 УПК РФ привлекать специалиста в области информационных технологий (IT-специалиста), который играет ключевую роль в проведении OSINT-анализа сайта, обеспечивая техническую поддержку на всех этапах исследования. Его деятельность начинается с подготовки необходимой инфраструктуры: настройки специализированного программного обеспечения, установки инструментов для анализа и создания резервных копий данных. Используемые IT-специалистом в ходе данного осмотра инструменты, включая специализированные программы, отражаются в протоколе следственного действия как технические средства, о применении которых участники следственного действия предупреждаются заранее.

В процессе работы специалист осуществляет комплексный сбор и анализ информации, включая изучение регистрационных данных домена, исследование HTML-кода сайта, поиск открытых персональных данных и анализ метаданных файлов. Особое внимание уделяется использованию специализированных инструментов, таких как OSINT-фреймворки и поисковые системы типа Maltego или Shodan, а также метапоисковые системы и инструменты для парсинга сайтов.

OSINT-фреймворки представляют собой струк-

турированные коллекции инструментов и ресурсов для сбора информации из открытых источников, которые помогают систематизировать такие данные, как идентификация личности, анализ доменов, социальные платформы, геолокационные данные и другие, запускать запросы по множеству ресурсов и интерпретировать полученные результаты [7, с. 343]. В отличие от них OSINT-анализ сайтов, являясь целенаправленным исследованием конкретных веб-ресурсов, включает изучение контента последних, их метаданных, технических параметров и цифровых следов с целью выявления и фиксации юридически значимых фактов (например, доказательств размещения запрещенной информации, установления связей между лицами или ресурсами, реконструкции хронологии событий). Таким образом, фреймворки обеспечивают масштабный поиск данных, тогда как анализ сайтов фокусируется на углубленном исследовании отдельных онлайн-объектов в рамках требований допустимости, относимости и достоверности доказательств.

Maltego представляет собой специализированный инструмент визуализации информации из открытых источников, позволяющий не только обрабатывать собранные данные, но и создавать наглядные графовые структуры взаимосвязей, например для выявления доменов, ассоциированных с конкретным электронным адресом пользователя [8, с. 18]. Графические схемы, созданные с помощью данного инструмента, могут служить иллюстративным материалом в процессуальных документах, облегчая восприятие сложных взаимосвязей судом и сторонами процесса.

Поисковые системы, подобные Shodan, помогают обнаружить серверы, роутеры, камеры видеонаблюдения и другие IoT-устройства (подключенные к сети Интернет, управление которыми возможно осуществлять удаленно), что особенно важно для анализа сетевой инфраструктуры и выявления потенциальных уязвимостей. В рамках расследования преступлений такая система может помочь обнаружить активные порты и собрать данные о баннерах, то есть сообщениях от сервера, содержащих сведения о версиях служб и программных продуктах. Поиск по различным критериям – IP-адресам, портам, типам устройств и уязвимостям – дает возможность правоохранительным органам оперативно находить цифровые следы, которые могут быть важны для расследования киберпреступлений и иных правонарушений, связанных с использованием сетевых технологий.

Метапоисковые системы находят информацию, труднодоступную при использовании отдельных поисковиков, и обеспечивают более глубокий поиск по специализированным базам данных [9, с. 3]. Благодаря подобным инструментам можно получить персональные сведения, историю взаимодействия пользователя с интернет-ресурсами, метаданные

сообщений, контентные данные и информацию, хранящуюся на различных цифровых устройствах.

Наконец, инструменты для парсинга сайтов автоматизируют процесс сбора данных с веб-ресурсов, извлекая структурированную информацию и помогая в мониторинге изменений на сайтах, а также, имея возможность обрабатывать большие массивы данных, систематизируют сбор информации с различных веб-страниц [10, с. 81]. В рамках уголовного судопроизводства применение инструментов парсинга веб-ресурсов способствует выявлению цифровых маркеров, свидетельствующих о возможной причастности лица к совершению преступления (публикации, сообщения в коммуникационных каналах и финансовые транзакции). Непрерывный мониторинг изменений веб-контента позволяет своевременно зафиксировать потенциально значимые доказательства до их модификации или удаления злоумышленниками, а последующий анализ полученных данных помогает обнаружить корреляции, выявить взаимосвязи между событиями и субъектами и сформировать информационную базу для дальнейшего проведения следственных мероприятий.

Важной составляющей работы является проведение активного исследования сайта, включающего сканирование на наличие вредоносного кода, проверку уровня защищенности и выявление потенциальных уязвимостей. При этом специалист анализирует сетевой трафик и собирает необходимые данные для дальнейшего исследования. IT-специалист также отвечает за тщательное документирование всех результатов исследования: создает скриншоты, сохраняет логи, формирует отчеты и готовит технические заключения. Его экспертная оценка позволяет определить легитимность полученных данных, оценить их достоверность и выявить возможные признаки фальсификации. По нашему мнению, ответственность IT-специалиста за полноту и точность документирования обусловлена тем, что результаты OSINT-анализа способны формировать необходимую доказательственную базу и влиять на исход уголовного дела. Тщательная фиксация всех этапов работы позволяет избежать возможных процессуальных ошибок и обеспечивает допустимость полученных доказательств в суде.

При проведении осмотра производится последовательная фиксация всех производимых действий, в том числе используются технические методы фиксации (скриншоты, видеозапись, сохранение кода) с соблюдением правовых норм о защите данных. Для сложных случаев целесообразно привлекать специалистов в области компьютерной криминалистики и использовать сертифицированные средства защиты информации.

Во взаимодействии со следователем IT-специалист выполняет роль технического консультанта,

детально разъясняя специфику проведения исследований и наглядно показывая работу используемых инструментов анализа информации. Он не только демонстрирует практические аспекты расследования, но и активно участвует в подготовке процессуальных документов, помогая формулировать точные и релевантные вопросы для допросов подозреваемых и свидетелей, что значительно улучшает качество получаемых показаний. Важнейшим элементом его деятельности является обеспечение правового сопровождения всех следственных действий, включая контроль за соблюдением процедур сбора доказательств и защиту от возможных процессуальных нарушений при использовании современных технологий. Иными словами, IT-специалист, обладая необходимой квалификацией и опытом работы с подобными задачами, контролирует соответствие действий законодательству, обеспечивает защиту персональных данных и исключает неправомерный доступ к информации.

При необходимости обоснования в ходе судебного разбирательства достоверности информации, полученной в результате осмотра сайта с использованием инструментов OSINT-анализа, ключевым аспектом становится подготовка качественной доказательственной базы, включающей демонстрационные материалы и технические средства исследования, а также готовность предоставить пояснения по методике проведения осмотра. Существенное значение имеет демонстрация логической связи между результатами осмотра сайта и прочими доказательствами уголовного дела.

OSINT-анализ сайтов может выступать как самостоятельный метод получения доказательств, позволяющий формировать целостную картину преступления путем комплексного подхода к выявлению, сбору и документальной фиксации значимой информации. Однако при всех преимуществах OSINT-анализа важно помнить, что неправильное использование общедоступных информационных ресурсов может привести к нарушению законодательства о персональных данных и ущемлению права на конфиденциальность и неприкосновенность частной жизни [5, с. 1421].

При анализе социальных сетей изучению подлежат пользовательские профили, поведенческие паттерны и социальные связи, а также производится мониторинг публикуемых материалов. На форумах, дискуссионных площадках осуществляется поиск релевантного контента, анализ пользовательских комментариев и идентификация участников обсуждения. Исследование корпоративных ресурсов включает анализ официальной информации, документации и контактных данных с обязательным мониторингом внесенных изменений. Одной из важных проблем при использовании OSINT-анализа можно назвать оценку достоверности полученных

данных. К основным критериям достоверности относятся множественность источников, согласованность данных и отсутствие признаков фальсификации. Для обеспечения допустимости доказательств необходимо соблюдать требования ст. 84 УПК РФ, включая фиксацию данных с использованием специализированных программ и привлечение специалистов.

В ходе OSINT-анализа для уголовного процесса тщательно исследуются разные виды веб-ресурсов, каждый из которых имеет свои особенности применения – от социальных сетей и порталов открытых данных до картографических сервисов и платформ с технической информацией.

Социальные сети содержат персональные данные, информацию о связях, интересах и местоположении пользователей. Однако их использование требует соблюдение этических норм, так как данные могут быть удалены. Легитимация информации, полученной из социальных сетей, включает проведение осмотра с составлением протокола следственного действия и при необходимости привлечение специалиста, а также подтверждение полученных данных с помощью иных следственных действий, например допросов. Данные социальных сетей могут использоваться для поиска свидетелей, установления алиби и анализа связей подозреваемого или обвиняемого [11, с. 160].

Так, например, при расследовании дела о незаконном обороте наркотиков OSINT-анализ форумов даркнета позволяет выявить криптокошельки, используемые для оплаты, в результате чего изъятые с устройств обвиняемых приватные ключи от этих кошельков становятся вещественными доказательствами, подтверждающими транзакции. В случае расследования убийства анализ геотегов из аккаунтов подозреваемого может показать его присутствие в районе преступления и лечь в основу судебно-технической экспертизы мобильного устройства. Представленные примеры позволяют сделать вывод том, что данные, полученные в ходе OSINT-анализа, служат как для прямого доказывания (например, скриншоты переписок), так и для ориентирования следствия на сбор доказательств через экспертизы или изъятие устройств, что соответствует требованиям УПК РФ к допустимости и относимости доказательств.

Порталы открытых данных (например, данные о государственных услугах Федерального казначейства (Казначейства России) и данные Росстата) предоставляют официальную статистику и административную информацию, что обеспечивает их высокую достоверность. Однако поиск данных на таких порталах может быть затруднительным ввиду того, что достоверность информации подтверждается с помощью запросов в соответствующие ведомства, на исполнение которых может быть затрачено зна-

чительное время (до 30 суток). Порталы открытых данных могут предоставить сведения, например о расположении камер видеонаблюдения, а также иную техническую информацию.

Картографические сервисы содержат геолокационную информацию и панораму мест. Такие сведения, имеющие существенное значение для реконструкции событий и установления маршрутов передвижения фигурантов дела, подлежат обязательному процессуальному оформлению в виде справки или протокола осмотра с приложением скриншотов. При этом необходимо учитывать динамический характер картографических данных, требующих регулярного обновления и подтверждения через официальные запросы к провайдерам картографических сервисов, что обеспечивает их достоверность и допустимость в качестве доказательств при рассмотрении уголовного дела.

Сервисы технической информации выступают важным источником доказательственной базы в уголовном процессе, предоставляя критически значимые сведения об IP-адресах и доменных именах, необходимых для установления цифрового следа и локализации устройств фигурантов уголовного дела. Доступ к данным такого рода регламентирован и ограничен, однако может быть получен посредством официального запроса провайдеру. Техническая информация служит основанием для установления маршрутов сетевого подключения, выявления точек происхождения преступных действий, подтверждения причастности конкретных технических средств к совершению противоправных деяний, а также реконструкции последовательности событий.

После изучения в ходе OSINT-анализа различных типов веб-ресурсов и сбора необходимой информации следующим важным шагом становится обеспечение ее сохранности путем переноса на электронный носитель однократной записи, что гарантирует неизменность исходной целостности информации и исключает возможность ее несанкционированного модифицирования.

В российской системе уголовного судопроизводства до сих пор не разработаны официальные методические рекомендации и стандарты для осуществления разведывательной деятельности по открытым источникам, что создает правовую неопределенность при использовании данной технологии в уголовном процессе. Данное утверждение коррелируется, например, с нормой статьи 75 УПК РФ, где определяются критерии допустимости доказательств, подчеркивая необходимость соблюдения установленного порядка их получения; с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», который регламентирует порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий, но не содержит специальных

норм, регулирующих работу с открытыми источниками информации; с постановлением Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15 июня 2004 г. № 19 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих предварительное следствие», где акцентируется внимание на необходимости соблюдения процессуальных гарантий при сборе доказательств.

Формирование упомянутых методик и стандартов будет обеспечивать достоверность получаемых сведений и повышать качество доказательной базы при проведении следственных действий. Так, по нашему мнению, в рамках уголовного судопроизводства анализ веб-ресурсов представляет собой многоаспектное исследование, направленное на выявление цифровых следов, которые могут иметь доказательственное значение. Методика такого анализа должна быть систематизирована и включать в себя ряд последовательных шагов, позволяющих комплексно изучить доступные данные.

Первоочередным этапом является анализ текстового контента, в рамках которого исследуются различные языковые особенности, включая специфическую лексику, в том числе сленг и терминологию, характерную для определенной сферы деятельности, англоязычные вкрапления, а также приемы обфускации, например искаженное написание слов. Скажем, в текстах, связанных с криптовалютой, встречаются термины «майнинг», «блокчейн», для игровых сообществ характерен сленг («рашить», «лут»), а приемы обфускации могут включать искаженное написание слов (H3r0in вместо «героин») или замену букв символами (p@ssw0rd вместо password). Также к таким особенностям могут относиться англоязычные вкрапления (follow me, like, share), характерные хэштеги (#фитнесс, #рецепты) и различные эмодзи, в объявлениях о трудоустройстве или сообщениях с незаконной деятельностью могут использоваться специфические термины или кодированные выражения («купить садовый инвентарь» может означать приобретение прекурсоров для запрещенных веществ, а фраза «организовать доставку экзотических фруктов» — кодовое обозначение транспортировки наркотиков).

Следующим этапом выступает исследование пользователейских профилей, что предполагает идентификацию различных атрибутов (имен, псевдонимов (в том числе кодированных, сокращенных или представленных на английском языке), биографических данных, коммуникативных паттернов) или стилистических особенностей, характерных хэштегов и эмодзи. Не менее важным является картографирование сетевых связей: изучение подписок, упоминаний и перекрестных ссылок, а также анализ истории публикаций и взаимодействий в сообществах.

Анализ нарративов и коммуникации также играет существенную роль в исследовании веб-ресурсов. В частности, изучаются особенности использования наркотического сленга, специализированных хэштегов (например, #опт, #420sale, #dm4biz, #plug), а также рекламных объявлений с акцентом на быструю доставку и анонимность. В ходе изучения визуального контента выявляются изображения, указывающие на противоправную деятельность (например, фотографии веществ на весах, пакетов или упаковки), исследуются также способы сокрытия предметов (например, помещение их в бытовые объекты) и числовая или символьная информация – коды, номера криптокошельков, QR-коды для криптовалютных расчетов.

Кроме того, целесообразно осуществлять мониторинг динамических изменений на веб-ресурсах: отслеживать редактирование, удаление или добавление информации, фиксировать временные метки публикаций и взаимодействий, анализировать хронологию событий для реконструкции последовательности действий. Применение такой методики позволяет сформировать устойчивую доказательственную базу, выявить скрытые взаимосвязи между субъектами и ресурсами, реконструировать механизмы совершения преступлений в цифровой среде и обеспечить легитимность сбора и документирования цифровых доказательств в соответствии с уголовно-процессуальными требованиями.

В целях совершенствования уголовно-процессуальной деятельности представляется необходимым придать OSINT-анализу статус приоритетного на-

правления развития информационно-аналитического обеспечения оперативно-разыскной деятельности, интегрировав его в существующую систему традиционных методов расследования преступлений и обеспечив повсеместное внедрение данной технологии на всех уровнях правоохранительных органов в рамках уголовно-процессуального законодательства [12, с. 70].

Таким образом, OSINT-анализ сайтов может представлять собой эффективный метод получения доказательств в уголовном процессе и использоваться на всех его этапах. Высокая скорость обработки информации и удобство доступа к данным позволяет существенно сократить время на проведение следственных и процессуальных действий, а также повысить их качество.

На сегодняшний день использование OSINT-анализа возможно осуществлять только в рамках Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, но и для признания полученных данных доказательствами требуется соблюдение ряда условий: достоверности и релевантности информации, соблюдения законных прав и интересов лиц, в отношении которых проводится проверка.

Перспективы развития OSINT-анализа в уголовном процессе связаны с дальнейшим совершенствованием методологических подходов, укреплением правовой базы и повышением квалификации специалистов в данной области, что позволит обеспечить более эффективное раскрытие преступлений, формирование версий и планирование следственных мероприятий, а также соблюдение принципов справедливости и законности.

Литература

1. **Иванов В.Ю.** Использование OSINT в раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – № 1 (37). – С. 62–66.
2. **Арсланова А.Р.** Даркнет как площадка для совершения преступлений // Закон и право. – 2022. – № 7. – С. 140–142.
3. **Дворянкин О.А.** Osint, pentest и нетсталкинг – информационные технологии Интернета // Национальная Ассоциация Ученых. – 2022. – № 84-2. – С. 6–13.
4. **Гедгафов М.М.** Роль искусственного интеллекта в противодействии терроризму // Журнал прикладных исследований. – 2023. – № 8. – С. 91–95.
5. **Мищиряков И.В., Шевелев А.Д., Макачук Д.В.** Исследование инструментов и методов для сбора и анализа открытой информации в сети интернет (OSINT) // Вестник науки. – 2024. – Т. 3. – № 6 (75). – С. 1414–1423.
6. **Минченко В., Вильдйкин Г.Ф.** Разведка на основе открытых источников (OSINT) и ее методология в современных реалиях / Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований: материалы III Всероссийской национальной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. В 3 ч., Комсомольск-на-Амуре, 6–10 апреля 2020 года. – Комсомольск-на-Амуре: Комсомольский-на-Амуре государственный университет, 2020. Том Часть 2. С. 319–322.
7. **Дивольд В.Е.** Разработка методики оперативно-аналитического обеспечения розыскной деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2022. – Т. 28. – № 4 (87). – С. 340–345.
8. **Вдовченко Г.П.** Сбор информации из открытых источников (Shodan, Maltego, SpiderFoot) // Международный журнал информационных технологий и энергоэффективности. – 2025. – Т. 10. – № 4 (54). – С. 17–22.
9. **Федосенко М.Ю.** Возможности применения веб-сервиса shodan.io и для сканирования общедоступных ресурсов сети интернет [Электронный ресурс]. – URL: <https://digital-journal.ru/wp-content/uploads/2022/01/3-1.pdf>
10. Методика проведения сравнительного анализа методов парсинга веб-сайтов / М.Д. Черепанов, Н.Н. Жуков, А.Д. Безруких, Ю.А. Безруких // Современные наукоемкие технологии. – 2023. – № 8. – С. 77–83.

11. **Рясов А.А., Багиров З.Р.** Возможности использования социальных сетей при расследовании преступлений // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2025. – № 1 (73). – С. 157–162.
12. **Батоев В.Б.** О технологии поиска по открытым источникам OSINT в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2023. – № 2 (100). – С. 66–71.

References

1. **Ivanov V.Yu.** Ispol'zovanie OSINT v raskrytii i rassledovanii prestuplenij // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2023. – № 1 (37). – С. 62–66.
2. **Arslanova A.R.** Darknet kak ploshchadka dlya soversheniya prestuplenij // Zakon i pravo. – 2022. – № 7. – С. 140–142.
3. **Dvoryankin O.A.** Osint, pentest i netstalking – informacionnye tekhnologii Interneta // Nacional'naya Associaciya Uchenyh. – 2022. – № 84-2. – С. 6–13.
4. **Gedgafov M.M.** Rol' iskusstvennogo intellekta v protivodejstvii terrorizmu // Zhurnal prikladnyh issledovanij. – 2023. – № 8. – С. 91–95.
5. **Mishchiryakov I.V., Shevelev A.D., Makarchuk D.V.** Issledovanie instrumentov i metodov dlya sbora i analiza otkrytoj informacii v seti internet (OSINT) // Vestnik nauki. – 2024. – Т. 3. – № 6 (75). – С. 1414–1423.
6. **Minchenko V., Vil'dyajkin G.F.** Razvedka na osnove otkrytyh istochnikov (OSINT) i ee metodologiya v sovremennyh realiyah / Molodezh' i nauka: aktual'nye problemy fundamental'nyh i prikladnyh issledovanij: materialy III Vserossijskoj nacional'noj nauchnoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh. V 3 ch., Komsomol'sk-na-Amure, 6–10 aprelya 2020 goda. – Komsomol'sk-na-Amure: Komsomol'skij-na-Amure gosudarstvennyj universitet, 2020. Tom Chast' 2. S. 319–322.
7. **Divol'd V.E.** Razrabotka metodiki operativno-analiticheskogo obespecheniya rozysknoj deyatel'nosti // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2022. – Т. 28. – № 4 (87). – С. 340–345.
8. **Vdovchenko G.P.** Sbor informacii iz otkrytyh istochnikov (Shodan, Maltego, SpiderFoot) // Mezhdunarodnyj zhurnal informacionnyh tekhnologij i energoeffektivnosti. – 2025. – Т. 10. – № 4 (54). – С. 17–22.
9. **Fedosenko M.Yu.** Vozможности primeneniya veb-servisa shodan.io i dlya skanirovaniya obshchedostupnyh resursov seti internet [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://digital-journal.ru/wp-content/uploads/2022/01/3-1.pdf>
10. Metodika provedeniya sravnitel'nogo analiza metodov parsinga veb-sajtov / M.D. Cherepanov, N.N. Zhukov, A.D. Bezrukih, Yu.A. Bezrukih // Sovremennye naukoemkie tekhnologii. – 2023. – № 8. – С. 77–83.
11. **Ryasov A.A., Bagirov Z.R.** Vozможности ispol'zovaniya social'nyh setej pri rassledovanii prestuplenij // Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. – 2025. – № 1 (73). – С. 157–162.
12. **Batoev V.B.** O tekhnologii poiska po otkryтым istochnikam OSINT v operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2023. – № 2 (100). – С. 66–71.

(статья сдана в редакцию 05.11.2025)

Субъекты оперативно-розыскной* деятельности в Российской Федерации и странах Центральной Азии: компаративистский подход

Subjects of criminal-search activities in the Russian Federation and Central Asian countries: a comparative approach

УДК 34.05

Е.В. Герасименко,
кандидат юридических наук
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
geras_ev@mail.ru

Evgeny V. Gerasimenko,
Candidate of Law
(Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

Аннотация: сравнительно-правовому анализу подвергнуты нормы, определяющие перечень субъектов, наделенных правом осуществления оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации и странах Центральной Азии, к которым относятся Киргизская Республика, Республика Казахстан, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан и Туркменистан. Раскрыто понятие «субъекты оперативно-розыскной деятельности». В результате анализа соответствующих норм оперативно-розыскных законов указанных стран выделены принципы правового регулирования данной сферы. Проведено сравнение органов, наделенных оперативно-розыскными полномочиями. На основе системного подхода предложена их классификация, включающая три группы: универсальные, распространенные и уникальные. Исследование показало, что при сохранении единой концептуальной основы нормативного правового регулирования наблюдается заметное расхождение в подходах законодателей обозначенных государств к наделению отдельных органов правом осуществления оперативно-розыскной деятельности, обусловленное как особенностями криминогенной обстановки в каждом отдельно взятом государстве, так и организацией деятельности указанных органов. Сделан вывод о том, что степень дифференциации субъектов оперативно-розыскной деятельности отражает приоритеты уголовной политики государства на современном этапе его развития. Полученные результаты могут послужить основой для дальнейших исследований, направленных на разработку оптимальной модели нормативного правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; субъекты оперативно-розыскной деятельности; органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность; сравнительно-правовой анализ; Российская Федерация; страны Центральной Азии; криминогенная обстановка

Для цитирования: Герасименко Е.В. Субъекты оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации и странах Центральной Азии: компаративистский подход // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 2. – С. 106–112.

Abstract: the article provides a comparative legal analysis of the provisions defining the list of entities authorized to carry out criminal-search activities in the Russian Federation and the Central Asian countries, which include the

* Авторская орфография сохранена в отдельных словах в соответствии с исходным текстом ранее опубликованных работ.

Kyrgyz Republic, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Tajikistan, the Republic of Uzbekistan and Turkmenistan. The concept of «entities engaged in criminal-search activities» is defined. The analysis of the relevant provisions of the criminal-search laws of these countries allowed us to identify the principles of legal regulation in this area. A comparison of the bodies authorized to carry out criminal-search powers was conducted. Based on a systems approach, a classification was proposed that includes three groups: universal, common and unique. The study showed that while maintaining a single conceptual basis for normative legal regulation, there is a noticeable discrepancy in the approaches of legislators in these countries to granting certain bodies the right to carry out criminal-search activities, caused by both the specifics of the crime situation in each individual state and the organization of the activities of these bodies. It is concluded that the degree of differentiation among the subjects of criminal-search activities reflects the priorities of the state's criminal policy at the current stage of its development. The obtained results can serve as a basis for further research aimed at developing an optimal model for the legal regulation of criminal-search activities in the Russian Federation.

Keywords: criminal-search activities; subjects of criminal-search activities; bodies carrying out criminal-search activities; comparative legal analysis; Russian Federation; Central Asian countries; crime situation

For citation: Gerasimenko E.V. Subjects of criminal-search activities in the Russian Federation and Central Asian countries: a comparative approach // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 2. – P. 106–112.

Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в Российской Федерации и странах Центральной Азии исторически опирается на единые концептуальные основы, сформировавшиеся в советский период. Однако после обретения независимости государствами, входившими в состав СССР, подходы их законодателей к регламентации ОРД и, в частности, к определению круга ее субъектов претерпели существенные изменения. Анализ опыта нормативного регулирования в данной сфере представляет значительный научный и практический интерес и позволяет выявить позитивные решения, которые могут быть использованы для совершенствования отечественного оперативно-розыскного законодательства.

Целью исследования является выявление общих тенденций нормативного правового регулирования субъектного состава ОРД, а также закономерностей, определяющих специфику данной сферы в отдельных государствах.

Для достижения поставленной цели необходимо разрешить следующие задачи:

1. Раскрыть понятие «субъекты ОРД».
2. Определить принципы формирования перечня субъектов ОРД.
3. Классифицировать субъектов по критерию распространенности.
4. Выявить факторы, обуславливающие включение различных субъектов в оперативно-розыскные законы анализируемых стран.

Приступая к решению указанных задач, отметим, что в рамках данного исследования понятие «субъекты ОРД» раскрывается через категорию «органы, осуществляющие ОРД». Под ней подразумеваются организационно обособленные структурные единицы, наделенные оперативно-розыскным законодательством и ведомственными нормативными актами

конкретными задачами, компетенцией и объемом полномочий [1, с. 138], или функционирующая в соответствии с оперативно-розыскным законодательством система оперативных подразделений и должностных лиц правоохранительного органа, спецслужбы или государственной военной организации, которые принимают решения в оперативно-розыскной деятельности, непосредственно ее осуществляют и (или) контролируют [2, с. 84]. Исходя из изложенного, под субъектами ОРД в Российской Федерации и странах Центральной Азии нами рассматриваются государственные органы и их должностные лица, обладающие исключительным правом на осуществление ОРД для решения задач, установленных соответствующими законами указанных стран.

В результате анализа норм, закрепляющих субъектный состав органов, осуществляющих ОРД в рассматриваемых странах, мы пришли к выводу о том, что правовое регулирование этой сферы базируется на двух основных принципах, сформулированных нами следующим образом:

1. Государственная оперативно-розыскная монополия. О ней свидетельствует прямое или контекстное законодательное закрепление запрета на осуществление ОРД частным лицам, коммерческим структурам, общественным организациям, государственным органам или иным субъектам, не указанным в соответствующих статьях оперативно-розыскных законов.

2. Закрытость перечня субъектов ОРД. В большинстве анализируемых нормативных правовых актов отражено, что перечень органов, осуществляющих ОРД, может быть изменен или дополнен только законом. Этот принцип обеспечивает стабильность системы субъектов, ограничивая произвольное расширение оперативно-розыскной компетенции на иных интересантов.

Приведенные принципы, по нашему мнению, изначально нашли свое отражение в Законе Российской Федерации от 13 марта 1992 года № 2506-I «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации»¹, в ст. 11 которого приведен исчерпывающий перечень государственных органов, наделенных оперативно-розыскными полномочиями, а также указано, что он может быть изменен или дополнен только законом. Впоследствии эти правовые конструкции также легли в основу соответствующих норм оперативно-розыскных законов стран Центральной Азии.

Обращаясь к ныне действующему в Российской Федерации Федеральному закону от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»² (далее – Закон об ОРД), отметим, что в нем содержится следующий перечень субъектов:

1. Органы внутренних дел.
2. Органы федеральной службы безопасности.
3. Федеральный орган исполнительной власти в области государственной охраны.
4. Таможенные органы.
5. Служба внешней разведки.
6. Федеральная служба исполнения наказаний.

Также в указанном нормативном правовом акте вне представленного перечня отражен еще один субъект осуществления ОРД, обладающий ограниченными полномочиями по проведению оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), а именно органы внешней разведки Министерства обороны Российской Федерации (проводят ОРМ только в целях обеспечения безопасности указанного органа и в случае, если их проведение не затрагивает полномочий иных субъектов ОРД).

При сравнительном анализе оперативно-розыскных законов государств Центральной Азии нами выявлено, что в этих странах наблюдается заметная дивергенция субъектного состава ОРД по сравнению с российской моделью. Используя указанный термин, отметим, что мы рассматриваем его в контексте процесса расхождения правовых систем анализируемых стран от изначально общей правовой системы [3, с. 189], существовавшей в СССР. Так, количество органов, наделенных правом осуществления ОРД, варьируется от шести, например, в Законе Киргизской Республики от 26 июня 2025 года № 127 «Об оперативно-розыскной деятельности»³,

до восьми в Законе Республики Таджикистан от 18 июля 2017 года № 1447 «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴.

Детальное сравнение субъектов ОРД Российской Федерации и стран Центральной Азии представлено в таблице 1.

С помощью системного подхода нами выделены три основные группы субъектов ОРД в Российской Федерации и странах Центральной Азии:

1. Универсальные (указанные в законодательстве об ОРД всех государств).
2. Распространенные (присутствующие в соответствующих законах трех и более стран).
3. Уникальные (характерные для законодательства менее трех государств).

Последовательно рассмотрим указанные группы. Первую составляют следующие органы:

1. Органы внутренних дел.
2. Органы национальной (государственной) безопасности.
3. Органы военной разведки.

Необходимость наделения оперативно-розыскными полномочиями указанной группы субъектов, представляется, обусловлена спецификой выполняемых ими функций. Так, органы внутренних дел выступают в качестве основного и самого многочисленного субъекта ОРД, поскольку именно на них возложена задача по раскрытию основной массы преступлений, что объективно требует применения оперативно-розыскного инструментария. Например, за 2025 год в Российской Федерации совершено 1 771, 2 тыс. преступлений, из которых 88,9% выявлено органами внутренних дел⁵.

Органы национальной безопасности осуществляют противодействие наиболее общественно опасным преступным проявлениям, включая экстремистские и террористические преступления, разведывательную и иную деятельность специальных служб и организаций иностранных государств, а также отдельных лиц. Осуществление указанной деятельности невозможно без применения оперативно-розыскных средств и методов.

Что касается органов военной разведки, очевидно, что их включение в перечень субъектов ОРД продиктовано необходимостью разрешения задач обеспечения безопасности самого ведомства и защиты государственной тайны.

Следовательно, именно эти три вида органов формируют основу субъектного состава, осуществ-

¹ Закон Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-I «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Закон Киргизской Республики от 26 июня 2025 г. № 127 «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. – URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-5574/edition/34556/ru?ysclid=mn2ysaackr272624098> (дата обращения: 23.03. 2026).

⁴ Закон Республики Таджикистан от 18 июля 2017 г. № 1447 «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс]. – URL: <https://ncz.tj/content/Закон-республики-таджикистан-об-оперативно-розыскной-деятельности> (дата обращения: 23.03. 2026).

⁵ Сведения о состоянии преступности в России за январь – декабрь 2025 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/77848182/> (дата обращения: 27.02.2026).

Таблица 1. Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность
в Российской Федерации и странах Центральной Азии

Российская Федерация	Киргизская Республика	Республика Казахстан	Республика Таджикистан	Республика Узбекистан	Туркменистан
Органы внутренних дел	Уполномоченный государственный орган в сфере внутренних дел	Органы внутренних дел	Органы внутренних дел	Министерство внутренних дел	Органы внутренних дел
Органы Федеральной службы безопасности	Уполномоченный государственный орган в сфере обеспечения национальной безопасности	Органы национальной безопасности	Органы национальной безопасности	Служба государственной безопасности	Органы национальной безопасности
Федеральный орган исполнительной власти в сфере государственной охраны	Нет	Служба государственной охраны Республики Казахстан	Нет	Государственная служба безопасности Президента	Служба безопасности Президента
Таможенные органы	Уполномоченный государственный орган в сфере таможенного дела	Нет	Таможенные органы	Государственный таможенный комитет	Органы Государственной таможенной службы
Служба внешней разведки	Нет	Уполномоченный орган в сфере внешней разведки	Нет	Нет	Нет
Федеральная служба исполнения наказаний	Уполномоченный государственный орган в сфере исполнения наказаний	Нет	Органы юстиции	Нет	Нет
Органы внешней разведки Министерства обороны	Уполномоченный государственный орган в сфере обороны (орган военной разведки)	Органы военной разведки Министерства обороны	Органы обороны	Органы военной разведки Министерства обороны	Подразделения разведки Министерства обороны
Нет	Уполномоченный государственный орган в сфере охраны Государственной границы	Нет	Нет	Нет	Подразделения разведки Государственной пограничной службы
Нет	Нет	Антикоррупционная служба	Нет	Нет	Нет
Нет	Нет	Служба экономических расследований	Нет	Департамент по борьбе с экономическими преступлениями при Генеральной прокуратуре	Нет
Нет	Нет	Нет	Органы по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией	Нет	Нет
Нет	Нет	Нет	Органы по контролю за наркотиками	Нет	Нет
Нет	Нет	Нет	Национальная гвардия	Нет	Нет
Нет	Нет	Нет	Нет	Бюро принудительного исполнения при Генеральной прокуратуре	Нет
Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Органы Государственной миграционной службы

вляющего ОРД на территории Российской Федерации и стран Центрально-Азиатского региона.

Ко второй группе относятся субъекты, закрепленные в законодательстве большинства исследуемых государств:

1. Таможенные органы.

Данный субъект включен в соответствующие перечни Российской Федерации (Таможенные органы), Киргизской Республики (Уполномоченный государственный орган в сфере таможенного дела), Республики Таджикистан (Таможенные органы), Республики Узбекистан (Государственный таможенный комитет) и Туркменистана (органы Государственной таможенной службы). Отсутствуют в качестве субъектов ОРД только в оперативно-розыскном законе Республики Казахстан. Исследователи указывают, что в современных условиях актуальность и значение таможенного регулирования обусловлены необходимостью выполнения таможенными органами обязанностей по обеспечению экономической безопасности и устойчивого развития государства в экологической, социальной и экономической сферах [4, с. 180]. В связи с нарастающей конфронтацией между различными странами мира и увеличением потока контрабандных товаров, перемещаемых через границу, весьма обоснованным представляется выделение таможенных органов в качестве самостоятельного субъекта ОРД [5, с. 73].

2. Органы финансового контроля, экономических расследований, антикоррупционные органы.

Указанные субъекты представлены в оперативно-розыскных законах Республики Казахстан (Антикоррупционная служба, Служба экономических расследований), Республики Таджикистан (органы по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией), Республики Узбекистан (Департамент по борьбе с экономическими преступлениями при Генеральной прокуратуре). В Российской Федерации, Киргизской Республике и Туркменистане самостоятельные органы данной специализации в перечнях субъектов ОРД отсутствуют, однако функции противодействия экономическим и коррупционным преступлениям возложены на иных субъектов (например, в Российской Федерации подобный функционал реализуется подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел, а также Федеральной службы безопасности). Однако, учитывая, что экономическая преступность является финансовым фундаментом организованной преступности, коррупции и терроризма [6, с. 153], введение рассматриваемых органов в качестве самостоятельного субъекта ОРД представляется логичным решением.

3. Органы государственной (президентской) охраны.

Присутствуют в оперативно-розыскном законодательстве Российской Федерации (Федеральный

орган исполнительной власти в сфере государственной охраны), Республики Казахстан (Служба государственной охраны Республики Казахстан), Республики Узбекистан (Государственная служба безопасности Президента) и Туркменистане (Служба безопасности Президента). Отсутствуют в законах Киргизской Республики и Республики Таджикистан. Представляется, что это обусловлено иной моделью организации обеспечения безопасности высших должностных лиц и интеграцией функций государственной охраны в компетенцию других субъектов ОРД (органы внутренних дел, органы обеспечения государственной безопасности и т.д.). Однако подобная модель не лишена недостатков ввиду того, что, разрешая значительное количество иных задач, такие органы способны лишь эпизодично участвовать в обеспечении безопасности объектов государственной охраны [7, с. 28–29]. Но все же создание и функционирование отдельного ведомства требует значительных бюджетных затрат и расширения управленческого аппарата, что при ограниченности ресурсов представляется нецелесообразным.

4. Органы исполнения наказаний, юстиции.

Данные субъекты ОРД представлены в соответствующих законах Российской Федерации (Федеральная служба исполнения наказаний), Киргизской Республики (уполномоченный орган в сфере исполнения наказаний) и Республики Таджикистан (органы юстиции). В Республике Казахстан, Республике Узбекистан и Туркменистане подобные органы как самостоятельные субъекты ОРД не выделены. В этих странах оперативно-розыскная работа в учреждениях пенитенциарной системы, как правило, сохраняется за органами внутренних дел как за универсальным субъектом, в рамках его общей компетенции. Таким образом, решение не включать рассматриваемые органы в перечень субъектов ОРД ряда стран является следствием избранной модели организации правоохранительной системы, при которой оперативно-розыскные функции в пенитенциарной сфере не выделяются в отдельную ведомственную компетенцию, а остаются в ведении иных субъектов. Тем не менее с учетом существующих тенденций пенитенциарной преступности [8], ее крайне высокой латентности выделение органов исполнения наказаний в качестве самостоятельного субъекта ОРД, по нашему мнению, вполне обоснованно.

Третью группу составляют субъекты, характерные для законодательства лишь отдельных государств:

1. Органы внешней разведки.

Выделены в качестве самостоятельных субъектов в законодательстве об ОРД Российской Федерации (Служба внешней разведки) и Республики Казахстан (Уполномоченный орган в сфере внешней разведки). В Российской Федерации подобные органы, как от-

мечено в ст. 11 Федерального закона от 10 января 1996 года № 5-ФЗ «О внешней разведке»⁶, осуществляют деятельность в политической, экономической, военно-стратегической, научно-технической и экологической сферах, в сфере шифрованной, засекреченной и иных видов специальной связи с использованием радиоэлектронных средств и методов за пределами территории государства, а также в сфере обеспечения безопасности учреждений, находящихся за пределами территории государства, и командированных за пределы территории граждан, имеющих по роду своей деятельности допуск к сведениям, составляющим государственную тайну. Аналогичный функционал регламентирован и в ст. 6 Закона Республики Казахстан от 22 мая 2010 года № 277-IV «О внешней разведке»⁷. Вместе с тем разведывательная деятельность осуществляется путем использования гласных и негласных методов, именуемых разведывательными мероприятиями, особый характер которых определяется условиями этой деятельности [9, с. 142–143]. Проведение ОРМ не свойственно для рассматриваемых органов. Однако в ряде случаев, например для выявления преступлений внутри ведомства, наделение органов внешней разведки оперативно-розыскными полномочиями является необходимым.

Представляется, что в остальных государствах оперативно-розыскные функции внешней разведки интегрированы в компетенцию органов национальной безопасности либо органов военной разведки.

2. Пограничные органы.

Представлены в законе Киргизской Республики (уполномоченный орган в сфере охраны Государственной границы) и Туркменистане (подразделения разведки Государственной пограничной службы). В этих государствах прослеживается отличная от иных анализируемых стран модель организации пограничного ведомства, которая обладает большей организационной и правовой автономией, существуя как отдельный государственный орган, наделенный правом осуществления ОРД. В иных исследуемых государствах, включая Российскую Федерацию, функции по охране государственной границы закреплены за органами национальной безопасности. На первый взгляд обоснованной выглядит гипотеза о внесении пограничных органов в перечень самостоятельных субъектов ОРД в связи с повышенным вниманием законодателя к вопросам охраны государственной границы и осложнением оперативной обстановки в данной сфере. Однако,

считаем, что наличие или отсутствие рассматриваемого субъекта является не столько отражением подобных проблем, сколько следствием различий в ведомственной подчиненности и уровне автономии пограничных органов в конкретной стране.

3. Органы по противодействию незаконному обороту наркотиков в качестве самостоятельного субъекта ОРД характерны только для Республики Таджикистан. Его закрепление в оперативно-розыском законодательстве отражает, по всей видимости, остроту проблемы незаконного оборота наркотических средств в данном регионе. Так, Республика Таджикистан имеет протяженную границу с Афганистаном, владеющим существенной долей производства и экспорта наркотиков опийной группы [10, с. 1107]. Это обуславливает их ввоз на территорию страны в значительных объемах. Указанные обстоятельства потребовали от законодателя Республики создания отдельного органа, специализирующегося на противодействии незаконному обороту наркотиков и наделенного правом осуществления ОРД.

4. Введение такого субъекта ОРД, как Национальная гвардия, также является исключительной особенностью оперативно-розыского законодательства Республики Таджикистан. Данный орган подчинен напрямую президенту Республики и, как следует из ст. 1 Закона от 15 июля 2004 года № 50 «О национальной гвардии Республики Таджикистан»⁸, является самостоятельным воинским формированием специального назначения. Контент-анализ указанного нормативного правового акта показал, что рассматриваемый орган совмещает в себе функции органов государственной охраны (обеспечение безопасности объектов, высших должностных лиц страны), органов государственной безопасности (выполнение отдельных задач по защите суверенитета и территориальной целостности, участие в мероприятиях по борьбе с терроризмом, диверсией), а также органов обороны (выполнение отдельных задач по защите суверенитета и территориальной целостности).

5. Уникальной особенностью оперативно-розыского закона Республики Узбекистан является включение в перечень субъектов ОРД органов прокуратуры (Департамент по борьбе с экономическими преступлениями при Генеральной прокуратуре, Бюро принудительного исполнения при Генеральной прокуратуре) – ни в одном другом государстве органы прокуратуры непосредственно не наделены правом осуществления ОРД.

6. Введение в состав самостоятельных субъектов ОРД миграционных органов – характерная особенность оперативно-розыского закона Туркменистана (органы Государственной миграционной служ-

⁶ Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Закон Республики Казахстан от 22 мая 2010 г. № 277-IV «О внешней разведке» [Электронный ресурс]. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z100000277_ (дата обращения: 23.03.2026).

⁸ Закон от 15 июля 2004 г. № 50 «О национальной гвардии Республики Таджикистан» [Электронный ресурс]. – URL: <https://ncz.tj/content/закон-республики-таджикистан-о-национальной-гвардии-республики-таджикистан> (дата обращения: 23.03.2026).

бы). Будучи одним из самых закрытых государств постсоветского пространства⁹, Туркменистан демонстрирует закономерную тенденцию к усилению контроля над миграционными процессами, в том числе через наделение соответствующих субъектов оперативно-розыскными полномочиями.

Резюмируя изложенное, отметим, что проведенное сравнительно-правовое исследование субъектного состава органов, осуществляющих ОРД в Российской Федерации и странах Центральной Азии, подтверждает наличие единой концептуальной основы нормативного правового регулирования

указанного вопроса. Вместе с тем выявленная дивергенция субъектного состава, проявляющаяся в наличии трех групп органов (универсальных, распространенных и уникальных), позволяет выдвинуть гипотезу о том, что степень дифференциации субъектов ОРД находится в прямой зависимости от особенностей криминогенной обстановки в регионе. Чем более диверсифицированным является перечень органов, наделенных оперативно-розыскными полномочиями, тем в большей степени законодатель стремится адаптировать субъектный состав для решения специфических задач, что, в свою очередь, отражает приоритеты национальной уголовной политики на текущем этапе развития соответствующего государства.

⁹ Туркменистан: самое закрытое государство на постсоветском пространстве [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20150608/1066752330.html?ysclid=mm4ss0gogt536634778> (дата обращения: 27.01.2026).

Литература

1. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / под ред. И.А. Климова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: ЮНИТИ ДАНА, 2019. – 439 с.
2. **Шумилов А.Ю.** Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник для вузов. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва: Издательский дом Шумиловой И.И., 2007. – 375 с.
3. **Митропан И.Ю.** Понятие и содержание юридической дивергенции // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – № 2 (47). – С. 185–189.
4. **Ананьева В.Н.** Теоретические подходы к определению сущности таможенного регулирования // Экономическая наука сегодня. – 2018. – № 8. – С. 180–193.
5. **Самелюк М.А.** Оперативно-розыскная деятельность таможенных органов в современных условиях // Вестник Российской таможенной академии. – 2021. – № 2. – С. 73–79.
6. **Лисицын А.Г., Малик В.И.** Некоторые аспекты организации оперативно-розыскной деятельности по выявлению преступлений экономической направленности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2024. – № 1 (98). – С. 153–158.
7. **Трифонов Т.А.** Юридические проблемы охранной деятельности (на примере Федеральной службы охраны) // Пролог: журнал о праве. – 2017. – № 4 (16). – DOI: 10.21639 / 2313-6715.2017.4.6.
8. **Кулаков А.В., Афанасьевский В.Л.** Причины и условия преступности осужденных в местах лишения свободы // Вестник Самарского юридического института. – 2024. – № 3 (59). – С. 43–47.
9. **Ляхин В.Д.** О соотношении разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2007. – № 1 (10). – С. 142–146.
10. **Аманбекова Ш.** Афганский наркотрафик и проблемы региональной безопасности в Центральной Азии // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2. – № 3. – С. 1103–1110.

References

1. Operativno-rozysknaya deyatel'nost': uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po napravleniyu podgotovki «Yurisprudenciya» / pod red. I.A. Klimova. – 4-e izd., pererab. i dop. – Moskva: YUNITI DANA, 2019. – 439 s.
2. **Shumilov A.Yu.** Kurs osnov operativno-rozysknoy deyatel'nosti: uchebnik dlya vuzov. – 2-e izd., dop. i pererab. – Moskva: Izdatel'skiy dom Shumilovoy I.I., 2007. – 375 s.
3. **Mitropan I.Yu.** Ponyatie i soderzhanie yuridicheskoy divergencii // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. – 2018. – № 2 (47). – S. 185–189.
4. **Anan'eva V.N.** Teoreticheskie podhody k opredeleniyu sushchnosti tamozhennogo regulirovaniya // Ekonomicheskaya nauka segodnya. – 2018. – № 8. – S. 180–193.
5. **Samelyuk M.A.** Operativno-rozysknaya deyatel'nost' tamozhennykh organov v sovremennykh usloviyakh // Vestnik Rossijskoy tamozhennoj akademii. – 2021. – № 2. – S. 73–79.
6. **Lisitsyn A.G., Malik V.I.** Nekotorye aspekty organizatsii operativno-rozysknoy deyatel'nosti po vyyavleniyu prestuplenij ekonomicheskoy napravlenosti // Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. – 2024. – № 1 (98). – S. 153–158.
7. **Trifonova T.A.** Yuridicheskie problemy ohranno- rozysknoy deyatel'nosti (na primere Federal'noy sluzhby ohrany) // Prolog: zhurnal o prave. – 2017. – № 4 (16). – DOI: 10.21639 / 2313-6715.2017.4.6.
8. **Kulakov A.V., Afanas'evskiy V.L.** Prichiny i usloviya prestupnosti osuzhdennykh v mestakh lisheniya svobody // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2024. – № 3 (59). – S. 43–47.
9. **Lahin V.D.** O sootnoshenii razvedyvatel'noy, kontrrazvedyvatel'noy i operativno-rozysknoy deyatel'nosti // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». – 2007. – № 1 (10). – S. 142–146.
10. **Amanbekova Sh.** Afganskij narkotrafik i problemy regional'noy bezopasnosti v Central'noy Azii // Postsovetkie issledovaniya. – 2019. – T. 2. – № 3. – S. 1103–1110.

(статья сдана в редакцию 05.03.2026)

Профилактика противоправных действий в жилых помещениях: ключевые направления совершенствования законодательства

Prevention of illegal actions in residential premises: key areas for improving legislation

УДК 342.9

А.А. Абрамчук,

адъюнкт

(Академия МВД Республики Беларусь,

Республика Беларусь, Минск)

abramchuk2008@mail.ru

Anatoly A. Abramchuk,

Postgraduate

(Academy of the Ministry of Internal Affairs

of the Republic of Belarus,

Minsk, Republic of Belarus)

Аннотация: в статье рассматривается существующая в законодательстве Республики Беларусь проблема профилактики общественно вредных деяний, возникающих в связи с предоставлением жилых помещений посторонним лицам в целях распития спиртных напитков. На основе изучения действующего законодательства и научной литературы делается вывод о том, что предложения по решению данной проблемы отсутствуют. В качестве начального этапа решения указанной проблемы предлагается ввести понятие «бытовой притон», что позволит очертить круг общественно вредных деяний, на которые будет направлена профилактическая деятельность органов внутренних дел. Также предлагается внести соответствующие изменения в Закон Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» от 4 января 2014 г. № 122-З, позволяющие ставить на профилактический учет лиц, которые проживают в помещениях, состоящих на учете в органах внутренних дел как «бытовые притоны», с наделением их в связи с этим определенными обязанностями. За отказ от выполнения обязанностей предлагается предусмотреть возможность применения к ним мер административного принуждения. Предлагаемые изменения позволят в итоге создать условия, при которых у сотрудников органов внутренних дел появится реальная возможность осуществления профилактической работы с жильцами подобных помещений, а само лицо, поставленное на профилактический учет, будет заинтересованно в том, чтобы его место жительства было снято с учета в органах внутренних дел.

Ключевые слова: государственное управление; профилактика правонарушений; планирование; бытовой притон; административно-деликтное законодательство

Для цитирования: Абрамчук А.А. Профилактика противоправных действий в жилых помещениях: ключевые направления совершенствования законодательства // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 2. – С. 113–119.

Abstract: this article examines the problem of prevention of socially harmful acts arising in connection with the provision of residential premises to strangers for the purpose of drinking alcohol beverages, which exists in the legislation of the Republic of Belarus. Based on the study of the current legislation and scientific literature, it is concluded that there is no solution to this problem, either in the legislation or in the scientific literature. As an initial step in solving this problem, it is proposed to introduce the concept of a «domestic den», which will help to outline the range of socially harmful acts, which will be the focus of preventive activities of the internal affairs bodies. It is also proposed to make corresponding amendments to the Law of the Republic of Belarus On the Fundamentals of Activities for the Prevention of Offences dated January 04.01.2014 No. 122-Z, allowing for the placement on a preventive register of persons residing in premises registered with the internal affairs bodies as a «domestic den» with the assignment of certain responsibilities to them in this regard. For refusal to fulfil these responsibilities, it is proposed to apply administrative coercive measures to them. The proposed changes will ultimately create conditions under which law enforcement officers will have a real opportunity to carry out preventative work with

residents of such premises, and the person placed on the preventive register will be interested in having such premises removed from the register.

Keywords: public administration; crime prevention; planning; brothel; administrative-tort legislation

For citation: Abramchuk A.A. Prevention of illegal actions in residential premises: key areas for improving legislation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 2. – P. 113–119.

В настоящее время существуют деяния, представляющие определенную степень общественной опасности, но не обладающие, однако, признаком противоправности, так как не закреплены в нормативных правовых актах в качестве правонарушений. Развитие административно-деликтного законодательства позволило бы повысить эффективность правового регулирования противодействия данным общественно вредным деяниям, одним из которых является предоставление жилых помещений посторонним лицам с целью распития спиртных напитков.

К сожалению, в настоящее время не ведется статистика правонарушений, связанных с посещением указанных жилых помещений, что не позволяет в должной мере оценить масштаб существующей проблемы и разработать эффективные методы борьбы с негативными тенденциями. Некоторые исследователи считают, что этот факт создает иллюзию отсутствия проблемы потребления алкоголя в жилых помещениях в Республике Беларусь и связанных с этим негативных социальных последствий. [1, с. 107]. Вместе с тем обозначенная проблематика требует отдельного внимания со стороны сотрудников органов внутренних дел, так как в указанных помещениях существенно повышен риск совершения различного рода правонарушений как против жизни и здоровья граждан, так и против их имущества. При этом характерно, что высокий риск совершения правонарушений сохраняется не только в самих жилых помещениях, но и остается высоким и после их посещения со стороны определенной категории лиц, что связано с их физическим состоянием.

Отсутствие анализа, вероятно, является также причиной, по которой в научной среде решению данной проблемы практически не уделено никакого внимания, хотя в редких публикациях сам факт ее существования признается. Так, по мнению А.Л. Федоровича, «проблема притоносодержания для употребления алкогольных напитков не теряет своей актуальности и сегодня, скрывая за замками дверей квартир не только «тихих» и одиноко пьющих алкоголиков... несмотря на инициативу на местах... нужно констатировать, что с точки зрения полноты правового регулирования нормы права прямого действия в отношении указанных притоносодержателей отсутствуют, как и нет их в Законе «Об основах деятельности по профилактике

правонарушений». Данное обстоятельство существенно сужает уровень правового воздействия на факторы, способствующие ухудшению оперативной обстановки вызванной потреблением алкоголя и его суррогатами» [1, с. 107–108].

С сожалением констатируя, что существующая проблема не является новой, отметим, что в настоящее время не предпринято никаких мер по ее решению, в том числе путем применения мер профилактического воздействия к лицам, предоставляющим такие помещения.

Целью настоящего исследования выступает разработка комплекса предложений по совершенствованию правового регулирования профилактики общественно вредных деяний, возникающих в связи с предоставлением жилых помещений посторонним лицам для распития спиртных напитков. В рамках решения поставленной цели предусматривается обоснование мер общей и индивидуальной профилактики в отношении лиц, постоянно проживающих в указанных жилых помещениях. Анализ проблематики свидетельствует о ее высокой актуальности, что подтверждается многочисленными обращениями и отчетами сотрудников органов внутренних дел. В ходе практической деятельности они регулярно сталкиваются с фактами использования жилых помещений в целях организации распития алкогольных напитков, что создает предпосылки для совершения правонарушений и дестабилизации общественного порядка на соответствующих территориях. Сотрудники органов внутренних дел, называя такие помещения «бытовыми притонами», признают, что данное название является условным, так как законодательно оно не закреплено¹.

Хотелось бы отметить важное значение терминологии в борьбе с различными видами правонарушений, ведь точное определение какой-либо проблемы позволяет обозначить круг общественных отношений, подлежащих правовому регулированию. По мнению А.И. Долговой, за каждым из терминов стоит разное содержание, четкость терминологии определяет четкость в постановке и решении проблемы борьбы с преступностью [2, с. 380]. С данным утверждением согласен М.Д. Шаргородский, который полагает, что слово закона должно максимально и с

¹ Минск-новости [Электронный ресурс]. – URL: <https://minsknews.by/bespokoynnye-sosedi-ili-s-omonom-po-pritonam> (дата обращения: 29.06.2025).

точностью выражать мысли законодателя, быть простым и общепонятным [3, с. 169]. Отсутствие в законодательстве Республики Беларусь нормативного определения жилого помещения, предоставляемого посторонним лицам с целью распития спиртных напитков, указывает на недостаточное внимание к данной проблеме со стороны законодателя, в связи с чем целесообразно решение данной проблемы начать с разработки необходимой терминологии.

Определение понятия «притон» (согласно толковым словарям – место сбора лиц с преступными либо неблаговидными целями [4, с. 520; 5, с. 1038]) подчеркивает актуальность задач органов внутренних дел по контролю таких объектов и проведению профилактической работы с их посетителями.

В уголовном праве Республики Беларусь законодатель выделил два вида притонов, за организацию и/или содержание которых лицо подлежит уголовной ответственности:

1. Притон как помещение для изготовления, переработки и (или) потребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или других одурманивающих веществ.

2. Притон для занятия проституцией.

Данные виды притонов нормативно закреплены в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) как преступления, за которые предусмотрены соответствующие меры ответственности (ст. 332 и 171 УК)², при этом уголовная ответственность наступает также и за предоставление помещений (мест) для этих целей.

Таким образом, вышеназванные деяния криминализированы в уголовном праве, что говорит о признании законодателем высокой степени их общественной опасности. Рассматривая притоны, криминализованные в уголовном законодательстве, В.С. Яловик сформулировал общее для всех составов преступлений понятие притона как места, «находящегося в пределах жилого или иного помещения (сооружения) и предназначенного для систематических занятий посторонними лицами указанной в уголовном законе антиобщественной деятельностью» [6, с. 41]. Необходимо подчеркнуть, что процесс криминализации деяния предопределяется совокупностью критериев, доминирующим среди которых является общественная опасность. Последняя характеризуется способностью деяния причинять реальный или потенциальный вред существованию общества, основам государственного строя и иным социально значимым отношениям, нарушение которых влечет дестабилизацию общественного порядка [7, с. 300]. Криминализация данного общественно опасного деяния является

результатом общей политики государства в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

По мнению А.С. Берсанова, поводом для постановки вопроса о криминализации общественно опасного деяния должна выступать «признанная неэффективность иных форм юридической ответственности, и прежде всего административной, а статистические показатели современного состояния борьбы с организацией и содержанием наркопритонов позволяют утверждать, что противодействие данному явлению лишь мерами административной ответственности едва ли будет эффективным [8, с. 33]. С ним согласен С.А. Казакевич, который на основе изучения государственной политики Республики Беларусь в сфере незаконного оборота наркотиков пришел к выводу, что «дальнейшая либерализация в стране законодательства в сфере незаконного оборота наркотиков не способна положительно повлиять на наркоситуацию, а лишь будет способствовать ее усугублению» [9, с. 81].

Аналогичные закономерности прослеживаются и в отношении притонов для занятия проституцией. Общественная опасность таких деяний обусловлена их тесной связью с иными видами преступной деятельности, такими, например, как международная торговля людьми. В последнее десятилетие торговля людьми, обеспечивающая притоны бесправной рабочей силой, приобрела масштабы одного из наиболее доходных видов международной преступной деятельности, а отсутствие у лиц, занимающихся проституцией, устойчивых социальных связей упрощает совершение в отношении последних таких преступлений, как лишение свободы и изнасилование [10, с. 35–38]. В этой связи можно утверждать, что установление уголовной ответственности за вышеуказанное деяние соответствует обоснованным в науке критериям криминализации.

Вместе с тем для нас представляет интерес именно понятие «бытовой притон» и возможность правового регулирования профилактики общественно вредных деяний, связанных с его посещением, посредством применения мер административного принуждения. Говоря о «бытовом притоне», необходимо выделить критерии, которые в своей совокупности позволяют дать определение данному виду притона.

Первый критерий определяется наличием свободного доступа посторонних лиц в рассматриваемое помещение. При этом отсутствие запирающего устройства на входе не является обязательным условием: достаточно установить, что проживающее в помещении лицо не препятствовало посещению объекта третьими лицами. Ключевым аспектом выступает отношение жильца к возможности посещения помещения посторонними – иными словами, отсутствие возражений со стороны проживающего лица против подобных визитов.

² Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (ред. от 17 февраля 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу 3 марта 2025 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275>

Второй критерий, характерный для бытового притона, заключается в специфической цели посещения соответствующего жилого помещения. Такая цель состоит в систематическом распитии спиртных напитков лицами, посещающими данное помещение.

Следующим обязательным критерием для «бытового притона» является регулярность посещения посторонними лицами указанных жилых помещений с целью распития спиртных напитков. В этой связи жилое помещение, где осуществляются разовые употребления спиртных напитков (например, отмечание знаковых дат либо праздников), не следует рассматривать как «бытовой притон».

Важным условием отнесения помещения к «бытовому притону» являются личности их посетителей. Как правило, подобные места посещают лица асоциального поведения, имеющие множественные факты привлечения к административной либо уголовной ответственности, лишенные в своем поведении традиционно установленных и признанных обществом норм морали. В результате регулярного посещения жилого помещения лицами, ведущими асоциальный образ жизни, с целью потребления алкогольных напитков формируется дополнительный критерий, характеризующий данное помещение как «бытовой притон». Это обстоятельство обуславливает необходимость правового регулирования общественных отношений, связанных с функционированием подобных объектов, вследствие высокого риска совершения в них различных правонарушений. О высоком риске совершения правонарушений могут свидетельствовать как систематические вызовы милиции на соответствующий адрес, так и привлечение владельцев либо собственников данных жилых помещений за различные факты нарушений правил пользования жилыми помещениями (к примеру, за шум в ночное время либо за содержание помещения в антисанитарных условиях).

Таким образом, под «бытовым притоном» следует понимать жилое помещение, на регулярной основе используемое посторонними лицами асоциального поведения с целью распития спиртных напитков, в котором существует высокий риск совершения правонарушений.

Следует отметить, что ввиду отсутствия законодательно закреплённого определения «бытовой притон» территориальными органами внутренних дел предпринимаются попытки самостоятельно очертить круг общественно вредных деяний, связанных с указанными жилыми помещениями, путем принятия локальных правовых актов. В качестве примера можно привести Инструкцию о порядке выявления, учета и осуществления наблюдения за жилыми помещениями, состоящими на учете в органах внутренних дел (далее – Инструкция), кото-

рая утверждена приказом ГУВД Мингорисполкома от 15 октября 2019 № 400³.

В данной Инструкции используется термин «жилое помещение, состоящее на учете в ОВД», который подразумевает постановку на учет с целью наблюдения и принятия мер по предупреждению нарушений общественного порядка или спокойствия граждан, совершаемых вследствие употребления в нем алкогольных напитков, наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или других одурманивающих веществ лицами, ведущими асоциальный образ жизни. В документе также указывается, что основанием постановки жилого помещения на учет в ОВД является достоверная информация о подобном использовании помещения, неоднократных нарушениях порядка и/или антисанитарном состоянии домовладения. В ходе посещения данного жилого помещения участковым инспектором милиции осуществляется обследование жилищно-бытовых условий; устанавливаются личности присутствующих в жилом помещении граждан, а также цель нахождения не зарегистрированных и не проживающих в нем граждан. При выявлении лиц, нарушающих общественный порядок или спокойствие граждан, осуществляется документирование указанных фактов, а также фактов использования квартиры не по назначению и нарушение условий проживания других граждан, с принятием мер реагирования; с жильцами жилого помещения проводится профилактическая беседа, разъясняются положения действующего законодательства в сфере профилактики правонарушений; проводится беседа с жильцами соседних жилых помещений на предмет установления фактов совершения в проверяемом жилом помещении противоправных действий.

Вместе с тем действующая Инструкция является лишь попыткой наделить сотрудников органов внутренних дел государственно властными полномочиями по противодействию общественно вредным деяниям, подпадающим под правовое регулирование, связанным с предоставлением жилых помещений посторонним лицам с целью распития спиртных напитков. В отсутствие законодательного закрепления проблемы контроль выражается лишь в документировании фактов правонарушений, не относящихся к компетенции органов внутренних дел (например, содержание жилого помещения в антисанитарных условиях), в направлении полученной информации для начала административного процесса в соответствующие по компетенции органы,

³ Инструкция о порядке выявления, учета и осуществления наблюдения за жилыми помещениями, состоящими на учете в органах внутренних дел (утв. приказом ГУВД Мингорисполкома от 15 октября 2019 г. № 400) [Электронный ресурс]. – URL: <https://minsk.gov.by/ru/org/7313/attach/519bdda/20251128.shtml>

а также в профилактической беседе с жильцами указанных помещений. Кроме того, положения Инструкции сами по себе требуют доработки, так как наблюдение за такими помещениями должно осуществляться не только со стороны участковых инспекторов милиции, как предписано в указанном документе, но также и со стороны всех сотрудников органов внутренних дел.

По нашему мнению, эффективность борьбы с «бытовыми притонами» напрямую зависит от возможности сотрудников органов внутренних дел как субъектов профилактики применять в ходе своей деятельности все возможные методы, предоставленные Законом Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее – Закон)⁴, выполняя тем самым активную роль вместо ныне действующей пассивной, заключающейся только в документировании правонарушений, относящихся зачастую к компетенции других органов. Другими словами, причина сложившейся проблемы заключается в том, что в настоящее время правовое регулирование направлено не на выявление и устранение причин указанных общественно вредных деяний, а на устранение их неблагоприятных последствий.

На наш взгляд, решающая роль в профилактике общественно вредных деяний, возникающих в связи с предоставлением жилых помещений посторонним гражданам с целью распития спиртных напитков, должна заключаться в целенаправленной профилактической работе с лицами, постоянно там проживающими. Цель такой работы – побудить граждан занять активную позицию, снижающую риск совершения правонарушений в данных помещениях.

В настоящее время разработан эффективный механизм по работе с лицами, состоящими на профилактическом учете в органах внутренних дел за совершение домашнего насилия, который направлен на профилактику совершения данного вида правонарушения в будущем и который позволяет привлекать таких лиц к административной ответственности по ст. 24.3 КоАП Республики Беларусь⁵ в случае невыполнения определенных обязательств, возложенных на них в связи с их постановкой на учет. В данном случае сотрудники органов внутренних дел наделены определенными полномочия-

ми, позволяющими занимать активную позицию в отношении профилируемых лиц и на законных основаниях привлекать их к участию в различных профилактических мероприятиях. Отказ от участия в предусмотренных профилактических мероприятиях влечет применение мер административной ответственности, что создает мотивационные условия для коррекции поведенческих установок субъекта. Стремление быть снятым с профилактического учета мотивирует к целенаправленному изменению образа жизни, в результате чего прекращаются как обязательства по посещению профилактических мероприятий, так и надзор со стороны органов внутренних дел.

Эффективность подобной практики зарекомендовала себя с положительной стороны, что наглядно демонстрирует постоянное снижение сообщений в службу «102» о фактах домашнего насилия. Подобный положительный опыт следует перенести и на работу с лицами, постоянно проживающими в «бытовых притонах», для чего необходим эффективный механизм постановки таких лиц на профилактический учет. На наш взгляд, в качестве основания для постановки на профилактический учет лица, постоянно проживающего в жилом помещении, которое систематически предоставляется посторонним лицам для распития спиртных напитков, следует установить факт постановки указанного жилого помещения на учет в орган внутренних дел как «бытового притона» и соответствующее положение закрепить в Законе.

Кроме этого, целесообразно предусмотреть обязанность должностных лиц органов внутренних дел после постановки жилого помещения на учет как «бытового притона» ознакомить лицо, постоянно проживающее в данном жилом помещении, с определенными обязанностями (к примеру, посещение профилактических мероприятий). В случае невыполнения лицом данных обязанностей предусмотреть возможность его привлечения к административной ответственности по ст. 24.3 КоАП Республики Беларусь. Полномочиями по определению перечня обязанностей, которые будут возложены на данное лицо, представляется целесообразно наделить органы внутренних дел, осуществляющие учет и ведение статистики всех правонарушений, связанных с посещением указанных помещений.

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения:

1. В настоящее время актуальной является проблема правового регулирования профилактики общественно вредных деяний, связанных с предоставлением жилых помещений посторонним лицам с целью распития алкогольных напитков. Несмотря на неоднократные обращения сотрудников органов внутренних дел, указывающие на наличие

⁴ Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З (ред. от 08.07.2024) «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (с изм. и доп., вступ. в силу 11 июля 2024 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант-Плюс: Республика Беларусь».

⁵ Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З (ред. от 12 июля 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу 16 июля 2025 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Nk9900275>

актуальной проблемы, соответствующее правовое регулирование в действующем законодательстве отсутствует. Предложений по решению данной проблемы нет также и в научной литературе. Высокий риск совершения в упомянутых жилых помещениях правонарушений позволяет утверждать, что правовое регулирование профилактики общественно вредных деяний, связанных с посещением посторонними лицами указанных помещений, может существенно повысить эффективность работы органов внутренних дел при охране общественного порядка.

2. Отсутствие необходимой терминологии при решении обозначенной проблемы не позволяет очертить круг общественно вредных деяний, нуждающихся в правовом регулировании их профилактики. В качестве начального этапа решения существующей проблемы предлагаем закрепить в Законе понятие «бытовой притон», определив его как жилое помещение, в котором на регулярной основе собираются посторонние лица асоциального поведения с целью распития спиртных напитков, где существует высокий риск совершения правонарушений.

3. В качестве основного метода, направленного на профилактику правонарушений в указанных жилых помещениях, целесообразно считать применение мер общей и индивидуальной профилактики в отношении лиц, постоянно проживающих в данных жилых помещениях, для чего предлагается в Закон внести следующие изменения:

а) часть 2 статьи 28 «Профилактический учет» дополнить абзацем 8 следующего содержания: «... жилое помещение, в котором он постоянно проживает, поставлено на учет в органы внутренних дел как бытовой притон»;

б) статью 30 «Прекращение осуществления профилактического учета» дополнить абзацем следующего содержания: «...осуществление профилактического учета гражданина, указанного в абзаце 8 части 2 статьи 28 настоящего Закона, прекращается в случае снятия жилого помещения, в котором он постоянно проживает, с учета в органах внутренних дел как бытового притона».

4. В случае невыполнения лицом, в отношении которого осуществляется профилактический учет в связи с постановкой жилого помещения на учет в орган внутренних дел как «бытового притона», установленных обязанностей представляется обоснованным квалифицировать данные действия по ст. 24.3 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь. Перечень обязанностей, выполнение которых необходимо при осуществлении профилактического учета, а также обязанность по учету таких помещений предлагается возложить на органы внутренних дел.

5. С целью повышения эффективности планирования дальнейших мероприятий, связанных с правовым регулированием общественных отношений в сфере профилактики общественно вредных деяний, связанных с предоставлением жилого помещения посторонним лицам с целью распития спиртных напитков, целесообразно возложить обязанность по анализу правонарушений, связанных с посещением указанных помещений, на органы внутренних дел.

Реализация указанных мер создаст правовые условия, стимулирующие лицо, состоящее на профилактическом учете, к изменению образа жизни для последующего снятия с данного вида учета.

Литература

1. **Федорович А.Л.** О необходимости установления административной ответственности за содержание притона с целью предоставления помещений для распития спиртных напитков [Электронный ресурс]. – URL: https://elilb.institutemvd.by/bitstream/MVD_NAM/1529/1/Fedorovich.pdf
2. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. проф. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма, 2005. – 912 с.
3. **Шаргородский М.Д.** Избранные работы по уголовному праву. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 434 с.
4. **Ожегов С.И.** Словарь русского языка: около 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – Москва: Русский язык, 1986. – 797 с.
5. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: около 160 000 слов / под ред. Т.Ф. Ефремовой. – Москва: АСТ; Астрель, 2006. Т. 2: М-П. – 1160 с.
6. **Ялович В.С.** Притоны для одурманивания: уголовная ответственность за их организацию и содержание: монография. – Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 1998. – 131 с.
7. **Дробязко С.Г., Козлов В.С.** Общая теория права: учебное пособие. – Минск: НО ООО «БИП-С», 2003. – 336 с.
8. **Берсанов А.С.** Уголовная ответственность за организацию либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2018. – 198 с.
9. **Казакевич Г.А., Казакевич С.М.** Государственная политика Республики Беларусь по противодействию незаконному обороту наркотиков: от эволюции формирования до трансформации реализации [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-respubliki-belarus-po-protivodeystviyu-nezakonnomu-oborotu-narkotikov-ot-evolyutsii-formirovaniya-do-viewer>
10. **Цыркун С.А.** Выявление и расследование преступлений, связанных с содержанием притонов для занятия проституцией: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2004. – 143 с.

References

1. **Fedorovich A.L.** O neobходимosti ustanovleniya administrativnoj otvetstvennosti za sodержanie prитона s cel'yu predostavleniya pomeshchenij dlya raspitiya spirtnyh napitkov [Elektronnyj resurs]. – URL: https://elibrary.institutemvd.by/bitstream/MVD_NAM/1529/1/Fedorovich.pdf
 2. Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov / pod obshch. red. prof. A.I. Dolgovoj. – 3-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Norma, 2005. – 912 s.
 3. **Shargorodskij M.D.** Izbrannye raboty po ugolovnomu pravu. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskij centr Press, 2003. – 434 s.
 4. **Ozhegov S.I.** Slovar' russkogo yazyka: okolo 57 000 slov / pod. red N.Yu. Shvedovoj. – 18-e izd., stereotip. – Moskva: Russkij yazyk, 1986. – 797 s.
 5. Sovremennyyj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. V 3 t.: okolo 160 000 slov / pod red. T.F. Efremovoj. – Moskva: AST, Astrel', 2006. T. 2: M-P. – 1160 s.
 6. **Yalovik V.S.** Prитоны dlya odurmanivaniya: ugolovnaya otvetstvennost' za ih organizaciyu i sodержanie: monografiya. – Minsk: Akademiya MVD Respubliki Belarus', 1998. – 131 s.
 7. **Droblyazko S.G., Kozlov V.S.** Obshchaya teoriya prava: uchebnoe posobie. – Minsk: NO ООО «BIP-S», 2003. – 336 s.
 8. **Bersanov A.S.** Ugolovnaya otvetstvennost' za organizaciyu libo sodержanie prитонов ili sistematicheskoe predostavlenie pomeshchenij dlya potrebleniya narkoticheskikh sredstv, psihotropnyh veshchestv ili ih analogov: dis. ... kand. jurid. nauk. – Moskva, 2018. – 198 s.
 9. **Kazakevich G.A., Kazakevich S.M.** Gosudarstvennaya politika Respubliki Belarus' po protivodejstviyu nezakonnomu oborotu narkotikov: ot evolyucii formirovaniya do transformacii realizacii [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-respubliki-belarus-po-protivodeystviyu-nezakonnomu-oborotu-narkotikov-ot-evolyutsii-formirovaniya-do/viewer>
 10. **Cyrkun S.A.** Vyavlenie i rassledovanie prestuplenij, svyazannyh s sodержaniem prитонов dlya zanyatiya prostituciej: dis. ... kand. jurid. nauk. – Moskva, 2004. – 143 s.
-
-

(статья сдана в редакцию 05.10.2025)

**Система мер предупреждения преступлений,
совершаемых иностранными мигрантами
на территории Северо-Кавказского
федерального округа****System of measures to prevent crimes committed by
foreign migrants in the North Caucasus federal district**

УДК 343.9.018.3

М.А. Ванеева,

адъюнкт

(Академия управления МВД России,
Россия, Москва)

vaneeva.mariam@yandex.ru

Maria A. Vaneeva,

Postgraduate

(Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье рассматривается актуальная проблема предупреждения преступлений иностранных мигрантов на территории приграничных субъектов Российской Федерации, таких как Северо-Кавказский федеральный округ. Изучив криминологические особенности преступности иностранных мигрантов на территории рассматриваемого федерального округа – состояние, структуру и динамику, тенденции, криминологический портрет личности преступника – иностранного мигранта, причины и условия его преступного поведения, автор предлагает изменение существующих и внедрение новых мер общесоциального и специально-криминологического предупреждения. Важно, что указанные меры разработаны с учетом выявленных региональных особенностей данного вида преступности. В представленном исследовании при обнаружении криминологических особенностей были использованы общелогические и эмпирические методы, такие как анализ, сравнение, синтез, исследование документов, анкетирование и интервьюирование.

Предложенные автором меры могут быть внедрены в практическую деятельность как на территории самих субъектов Северо-Кавказского округа, так и в иных приграничных регионах России, имеющих схожие характеристики. Данные предложения могут послужить основой для углубленного теоретического анализа в области криминологии, а также применены в образовательном процессе для преподавания дисциплины «Криминология» в образовательных организациях высшего образования для сотрудников органов внутренних дел по программам высшего образования и повышения квалификации.

Ключевые слова: предупреждение преступлений; иностранный мигрант; СКФО; система мер предупреждения; общесоциальное и специально-криминологическое предупреждение; интеграция и социализация личности

Для цитирования: Ванеева М.А. Система мер предупреждения преступлений, совершаемых иностранными мигрантами на территории Северо-Кавказского федерального округа // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 2. – С. 120–128.

Abstract: in this article, the author examines an urgent and topical issue – the problem of preventing crimes of foreign migrants on the territory of border subjects of the Russian Federation, such as the North Caucasus Federal District. Having studied the criminological features of the crime of foreign migrants in the territory of the subjects of the federal district under consideration, such as the state, structure and dynamics, trends, criminological

portrait of the personality of the criminal of a foreign migrant, the causes and conditions of their criminal behavior, the author suggests changing existing and introducing newly developed measures of general social and special criminological prevention. It is important that these measures are developed taking into account the identified regional characteristics of this type of crime. In the presented study, general logical and empirical methods were used to identify criminological features, such as analysis, comparison, synthesis, document research, questionnaires and interviews.

The measures proposed by the author can be implemented in the practical activities of the subjects of prevention both on the territory of the subjects of the North Caucasus Region themselves, and on the territory of other border regions of Russia with similar characteristics, as well as used for further theoretical development of criminological research, as well as used in the educational process for teaching the discipline «Criminology» in educational organizations, higher education of employees of the internal affairs bodies on higher education and advanced training programs.

Keywords: crime prevention; foreign migrants; North Caucasus Federal District; system of preventive measures; general social and special criminological prevention; integration and socialization of an individual

For citation: Vaneeva M.A. System of measures to prevent crimes committed by foreign migrants in the North Caucasus federal district // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 2. – P. 120–128.

На сегодняшний день одной из приоритетных проблем уголовной и миграционной политики Российской Федерации является борьба с незаконной миграцией и предупреждение порождаемых ею преступлений иностранных мигрантов. Категория «иностранный мигрант» выбрана автором не случайно – в данной работе будут рассмотрены определенные категории мигрантов, включающие в себя иностранных граждан, лиц без гражданства, а также натурализованных граждан из их числа, прибывших из-за границы и временно пребывающих и проживающих на территории России, независимо от целей (трудоустройство, учеба, туризм, личные цели). Выбранная терминология указывает на заинтересованность лишь проблемами внешних мигрантов, без учета внутренних и иммигрантов, вернувшихся из-за границы и ранее проживавших на территории России.

В настоящее время категория «мигрант» отсутствует в нормативных актах, однако активно используется исследователями по схожей тематике [1; 2; 3]. Тем не менее в нашем исследовании предлагается авторское определение понятия «иностранный мигрант»: это внешний мигрант, прибывший из зарубежных стран (иностранный гражданин, лицо без гражданства, натурализованный гражданин), пересекший Государственную границу Российской Федерации и находящийся на ее территории с целью постоянного проживания, временного или постоянного пребывания. Данное понятие носит доктринальный характер, поскольку отсутствует в уголовном и миграционном законодательстве.

Ввиду постепенного, но неуклонного увеличения федеральных статистических показателей, а также в связи с некоторым ростом показателей отдельных видов преступлений иностранных мигрантов на территории пограничных регионов России рассматрива-

емая проблема становится одной из приоритетных¹. Она также актуальна и значительна как для законодательной и исполнительной ветвей власти, особенно представителей правоохранных органов, так и для населения страны в целом и конкретных регионов в частности. Как заявил председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по безопасности и противодействию коррупции В.И. Пискарев, «нелегальный завоз мигрантов является способом проникновения в нашу страну представителей экстремистских и террористических групп, поэтому представляет собой серьезную угрозу для безопасности государства и граждан»². Именно поэтому необходимо заблаговременно разрабатывать и внедрять программы и системы мер предупредительного воздействия, учитывая при этом региональные и иные особенности преступности определенного вида. Вместе с тем в подобных исследованиях при разработке мер предупреждения и учете особенностей личности преступника-мигранта особое внимание следует уделять криминологическому анализу его гражданства, поскольку именно гражданство отражает действие всех компонентов формирования личности [4, с. 78]. Данное утверждение весьма справедливо, ведь, являясь гражданином определенной страны, человек во многом формируется под влиянием той социальной и правовой среды, в которой он

¹ Статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 15.10.2025).

² Володин В.В. Проекты о борьбе с нелегальной миграцией будут приняты до декабря // Российская газета. – 2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2024/10/02/volodin-proekty-o-borbe-s-nelegalnoj-migraciej-budut-priniaty-do-dekabria.html> (дата обращения: 25.04.2026).

находится в момент его психологического становления. В таком случае гражданство выступает не просто формальным признаком криминологической характеристики, а системным узлом, в котором концентрируются основные криминогенные факторы, оказывающие влияние на формирование личности. Итак, гражданство указывает на страну, сформировавшую базовые социальные нормы, правовую культуру, отношение к закону, модели разрешения конфликтов. С экономической точки зрения оно зачастую коррелируется с уровнем экономического развития страны исхода, а значит, ведущим мотивом становится материальное обогащение.

Знание и соблюдение законов, процедур, взаимопочтение и доверие к правоохранительным органам также формируется в стране гражданства, тогда как незнание государственного языка и законов страны пребывания делает мигранта уязвимым и может способствовать антиобщественным способам достижения своих целей. Таким образом, гражданство как одна из ведущих характеристик личности преступника позволяет оценить и проанализировать личность иностранного мигранта как человека, находящегося в исключительных ограниченных социальных, экономических и правовых условиях, с целью дальнейшей реализации этих знаний при формулировании мер предупредительного воздействия.

Миграционные процессы в приграничных регионах России, таких как Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО), играют ведущую роль в детерминации преступности иностранных мигрантов и натурализованных граждан из их числа. Это обусловлено рядом особенностей Северо-Кавказского региона: близостью иностранных государств Закавказского региона, открытостью границ, национальной и этноконфессиональной близостью с местным населением, наличием родственных, деловых, дружеских связей коренного и приезжего населения, а также криминологическими особенностями личности иностранного мигранта (социально-демографическими, нравственно-психологическими, культурными и уголовно-правовыми характеристиками), допускающего совершение преступных деяний, и, безусловно, особым причинным комплексом совершения таких деяний.

Существующие меры предупреждения преступности в СКФО, несмотря на свою значимость, не соответствуют современным темпам развития региона и имеют недостатки правового, организационного и социально-экономического характера. В статье представлена научно-обоснованная система мер общего и специально-криминологического предупреждения преступности иностранных мигрантов на территории субъектов СКФО. Ее разработка опирается на результаты комплексного исследования, охватывающего состояние, структуру и динамику преступности, криминологическую характеристику

личности иностранного мигранта, а также причинный комплекс соответствующих преступлений.

Методологическая база исследования сформирована на основе всеобщего диалектического и системного подходов, обеспечивающих объективность и достоверность результатов. В работе применены общелогические методы научного познания, включая анализ, синтез, сравнение, индукцию, дедукцию, моделирование, абстрагирование и обобщение. Наряду с ними использованы эмпирические методы: статистический анализ, анкетирование, интервьюирование, контент анализ, а также исследование документов и печатных изданий. Особое место в методологии занимают специально-юридические методы. Формально-юридический метод позволил выявить уголовно правовые признаки преступлений, совершаемых иностранными мигрантами, а анализ документов – изучить первоисточники норм о противодействии такой преступности. Сравнительно-правовой метод задействован для анализа норм, устанавливающих ответственность за наиболее распространенные преступления, совершаемые иностранными мигрантами. Кроме того, метод экспертного опроса способствовал верификации исследовательских гипотез и формированию эмпирической базы работы. Комплексное применение указанных методов обеспечило всестороннее изучение проблематики и позволило сформулировать обоснованные предложения по предупреждению преступности иностранных мигрантов в СКФО. На основе вышеприведенного и была разработана научно обоснованная система мер криминологического предупреждения преступлений иностранных мигрантов на территории СКФО.

Автор статьи предлагает начать научное обсуждение с характеристики и предложения мер общесоциального характера, являющихся необходимыми и первоочередными для нормального функционирования общественных отношений в любом российском регионе. «По своей сути общее предупреждение преступлений направлено на такое управление социальными процессами, которое противодействует проявлению предпосылок антиобщественного поведения и возможности перерастания его в преступное», – пишет В.Д. Ларичев, раскрывая суть подобных мероприятий [5, с. 131]. И мы не можем не согласиться с исследователем, ведь реализация мер, противоборствующих антиобщественному поведению, также способствует и недопущению преступлений, в том числе и в среде иностранных мигрантов. Однако даже меры общесоциального предупреждения, не имеющие особой целенаправленности в отношении иностранных мигрантов, в рассматриваемом регионе имеют свою специфику и особенности применения. Связано это прежде всего с особенностями исторического и современного состояния субъектов Северного

Кавказа, особенностями личности коренного и приезжего населения, а также с сезонным характером преступности таких лиц, их организованным характером, повышенной степенью опасности, а также закрытостью этнических сообществ и диаспор.

В системе мер общего предупреждения, разработанной с учетом выявленных характеристик и тенденций преступности иностранных мигрантов на территории субъектов СКФО, приоритетное значение имеют социально-экономические меры, поскольку, будучи одним из наиболее социально неблагополучных слоев современного общества, мигранты в значительно большей степени подвержены воздействию «фоновых» явлений, чем местные жители [6, с. 73]. Данный блок может включать в себя следующие меры:

- закрепление положения о необходимости включения иностранных мигрантов в перечень лиц, нуждающихся в социальной адаптации. Это поможет нейтрализовать основные причины и условия совершения правонарушений и преступлений иностранными мигрантами как на территории субъектов СКФО, так и на территории всей Российской Федерации, будет способствовать их постепенной адаптации в российском обществе, а значит, и предупреждать и предотвращать совершение ими новых преступлений. К подобному выводу приходит и Э.Б. Магомедов, который говорит об учреждении центров временного размещения для данной группы лиц и производстве социальных выплат в первые месяцы их пребывания на территории субъектов СКФО [7, с. 12];

- предложение по соразмерному увеличению рабочих мест на территории субъектов СКФО, а также разработка квоты индивидуально для каждого субъекта Северного Кавказа в зависимости от необходимости в рабочей силе в определенных видах экономической и хозяйственной деятельности, при условии заблаговременного заключения трудовых договоров на этапе приглашения иностранцев (по различным основаниям) на территорию субъектов СКФО. Данная мера способна обеспечить гарантированное, законное постоянное место трудоустройства для иностранных работников, а также позволила бы избежать маргинализации иностранных мигрантов, вовлечения их в преступную деятельность. В результате таких изменений причина отсутствия трудоустройства, как и отсутствия материальных средств к существованию, будет устранена, что, в свою очередь, приведет к уменьшению безработицы и экономической диспропорции в Северо-Кавказском регионе;

- введение обязательства работодателя нести полную материальную ответственность за социально-экономическое обеспечение иностранных мигрантов при въезде на российскую территорию с целью осуществления трудовой деятельности по

трудовому договору или по найму, а также введение системы штрафов и лишение права заниматься определенным видом деятельности за несоблюдение условий договора со стороны работодателя. Принятие таких обязательств может способствовать не только снижению материального неустойства, но и обретению легального и постоянного дохода и, как следствие, понижению уровня криминализации анализируемой социальной группы. Кроме того, полагаем, данное изменение позволит снизить вероятность обмана или злоупотребления полномочиями со стороны работодателя по отношению к иностранным мигрантам.

При рассмотрении вопросов организационно-управленческого характера, возникающих в процессе обеспечения предупреждения преступлений иностранных мигрантов на территории субъектов СКФО, был выявлен ряд проблем и недоработок, приводящих к несовершенству системы предупреждения преступлений, совершаемых прежде всего против порядка управления. Данные вопросы предполагается возможным разрешить путем внедрения следующих мер:

- создание сводной электронной системы идентификации иностранных мигрантов при въезде и выезде из России, а также постоянного функционирования системы распознавания личности на территории субъектов СКФО;

- введение обязательного тестирования вновь прибывших на территорию СКФО иностранных мигрантов на психологическую стабильность и устойчивость для выявления личностных ориентиров, установок, ценностей, а также наклонности того или иного иностранного мигранта. Подобные меры ранней профилактики и предупреждения сотрудниками полиции преступлений мигрантов позволят заранее выявить и определить преступные намерения или признаки повышенной виктимности;

- усиление сотрудничества и взаимодействия в части информирования и оказания содействия со странами Содружества Независимых Государств, а также странами Закавказского региона в области регулирования и контроля миграционных процессов;

- актуализация массива централизованных оперативно-справочных, криминалистических и розыскных учетов, сосредоточиваемых в существующем Межгосударственном информационном банке, данные в котором не пополняются в полном объеме или частично с 2019–2021 гг. рядом иностранных государств, таких как Республика Молдова, Туркменистан, Азербайджанская Республика, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан;

- расширение списка участников Соглашения о взаимной правовой помощи по административным вопросам в сфере обмена персональными данными от 18 декабря 2020 г. с целью возможности получения актуальной информации от представителей

иностранных государств в более короткие сроки. Для оперативного решения спорных вопросов с гражданами Закавказского региона в рамках этого направления Э.Б. Магомедов также предлагает учредить представительства и консульства на территории Северо-Кавказских субъектов, что, на наш взгляд, является достаточно целесообразным и оптимальным решением существующих проблем и противоречий [7, с. 13];

- улучшение организационно-методического взаимодействия с научно-исследовательскими центрами и образовательными организациями, в том числе ведомственными и силовыми, в которых проходят обучение иностранные граждане;

- проведение дополнительной сверки сотрудниками подразделений по вопросам миграции переведенных личных данных иностранных мигрантов после сервиса машинного перевода во избежание неправильного написания, дублирования информации или некорректного перевода;

- соразмерное увеличение числа сотрудников подразделений по вопросам миграции, которым будет обеспечено постоянное и непрерывное обучение и повышение квалификации по своему направлению, что, соответственно, позволит увеличить пропускную способность обработки документов и проведения собеседований, более качественный прием экзаменов, а также обеспечит оптимальный пропускной режим на Государственной границе Российской Федерации;

- создание трехмесячного адаптационного периода для иностранных мигрантов, вновь прибывших на территории субъектов СКФО.

Политические меры общего предупреждения должны представлять собой в первую очередь грамотно разработанную внешнюю и внутреннюю политику государства и конкретного региона, обеспечивающую стабильность и уверенность граждан в государственных органах и представителях власти, поскольку мнимое чувство превосходства, социальная и психологическая неустойчивость многих иностранных мигрантов со всей очевидностью порождают асоциальное поведение, противоречащее общественным нормам и принципам, что впоследствии перерастает в отрицательное отношение к правовым нормам, угрожающее социальному порядку и благополучию, проявляющееся в стремлении противодействовать им. Особое внимание на рассогласованность социальных позиций, статусов людей даже в демократическом обществе обращает ряд авторов. Они отмечают, что «иллюзорное политическое полноправие лишь прикрывает действительную экономическую незащищенность». Именно эти причины и порождают преступность среди мигрантов, и именно с этими явлениями социальной жизни необходимо бороться в первую очередь.

Названные меры должны быть направлены на

демократизацию политической жизни, борьбу с коррупционными проявлениями, любыми проявлениями ксенофобии и экстремизма, особенно в Северо-Кавказском регионе. Необходимо не допускать обострений имеющихся противоречий, сохраняя и охраняя при этом независимость и суверенитет Российской Федерации, ее целостность и единство на пути решения проблем осуществления правоохранительной деятельности, в том числе и на пути борьбы с преступностью иностранных мигрантов в приграничных регионах. Реализации указанных задач может помочь социальная реклама, государственные программы социальной адаптации, разработанные политическими партиями России и их представителями на территории субъектов СКФО – депутатами, представителями органов государственной власти и органов местного самоуправления в субъектах Российской Федерации.

Одним из ведущих направлений общего предупреждения преступлений иностранных мигрантов на территории субъектов СКФО, составляющих общую систему мер предупреждения преступлений данного вида, является правовое обеспечение. Среди ученых-юристов и сотрудников правоохранительных органов является устойчивым мнение о недостаточности существующего правового обеспечения профилактики преступлений, поскольку действующее законодательство не всегда эффективно используется в силу разрозненности и противоречивости правовых норм профилактического характера [8, с. 155], особенно это касается миграционной сферы и незаконной деятельности иностранных мигрантов, в частности. Как отмечают А.Г. Хабибулин и К.Р. Мурсалимов, недостаточная эффективность профилактических мероприятий в миграционной сфере связана с отсутствием системной законодательной регламентации [9, с. 12–14]. В этой связи указанное направление предупреждения может включать в себя блок следующих мер:

- принятие единого кодифицированного миграционного законодательства с целью урегулирования имеющихся пробелов и систематизации имеющихся норм и мер;

- формирование правового института закрытия въезда иностранным мигрантам, ранее допускаящим два и более правонарушения, а также совершение преступления любой категории тяжести на территории субъектов СКФО и России.

Данные меры в целом позволят снизить уровень преступности, а также привлечь законопослушных граждан, стремящихся к правомерной трудовой, хозяйственной, учебной и иной деятельности.

Ведущим направлением общего предупреждения преступности иностранных мигрантов является создание благоприятных условий для их социальной и культурной адаптации с привлечением широкой научной общественности для обсуждения и реали-

зации концептуальных основ миграционной политики России на территории СКФО. Обязательными мерами, обеспечивающими лучшую интеграцию и культурное развитие таких лиц на территории субъектов СКФО [10, с. 339–341], должны стать:

- создание единого информационного пространства с использованием всех имеющихся средств массовой информации, которое будет способствовать формированию позитивных нравственно-психологических установок по отношению к мигрантам среди местного населения;

- осуществление просветительской работы как с коренным населением СКФО по разъяснению норм законодательства, в частности о порядке регистрации иностранных мигрантов, подачи документов, уведомления органов МВД России как принимающей стороны, так и с иностранными мигрантами с целью освоения и соблюдения ими норм российского законодательства;

- создание на официальных сайтах правоохранительных органов субъектов СКФО в соответствии с частью 2 статьи 31 Федерального закона № 182 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»³ специализированного раздела для иностранных мигрантов, который будет содержать всю необходимую справочную информацию: выписки из федеральных законов, приказов МВД России и регламентов, необходимых для изучения и учета при подаче документов, образцы заполнения бланков, контактные номера сотрудников подразделений по вопросам миграции. Создание такого портала наряду с просветительской функцией также поможет исключить коммерческих посредников при оформлении разрешительных документов, которые допускают ошибки в оформлении бланков, нарушают права иностранных мигрантов, а также осуществляют незаконную предпринимательскую деятельность и мошеннические действия в отношении вновь прибывших на территорию субъектов Северо-Кавказского федерального округа;

- принятие главами субъектов СКФО решения о необходимости создания социальных адаптационных центров для обеспечения ускоренной и успешной интеграции иностранных мигрантов в российское общество, что само по себе, как представляется автору данной статьи, способно предупредить совершение новых правонарушений и преступлений в рассматриваемом регионе. Сотрудниками подобных центров должен организовываться интеллектуальный досуг, проводиться культурно-просветительские мероприятия по изучению российской культуры, на которых будет происходить ознакомление с историей страны и особенностями

культуры отдельных народов Северного Кавказа;

- открытие и функционирование не только специализированных стационарных, но также и передвижных центров, а также внедрение специальных курсов и комиссий, сформированных на базе кафедр иностранных языков местных (региональных) колледжей, институтов и университетов СКФО, которые бы готовили граждан в соответствии с требованиями, предъявляемыми к лицам, претендующим на получение разрешения на работу, патента (при необходимости), временного проживания, вида на жительство, а также на приобретение гражданства Российской Федерации;

- ужесточение требований к экзамену на владение русским языком, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации в связи с действительно низким уровнем таких знаний рассматриваемой категорией лиц. В частности, целесообразно включить в экзамен устную часть, а также учитывать уровень владения русским языком при проведении собеседования. Необходимо также ввести обязательное требование о присутствии сотрудников подразделений по вопросам миграции при проведении таких экзаменов;

- закрепление обязательного требования о производстве видеофиксации как процедуры сдачи экзамена иностранными мигрантами, так и проведения личных собеседований и устной части экзамена. Также обязательным должно быть дальнейшее направление такой видеозаписи в Росбоннадзор для качественного контроля, гарантии эффективности проведения оценочных мероприятий и исключения коррупционной составляющей.

Таким образом, рассмотрев приоритетные направления общего предупреждения и обозначив меры, которые, по мнению автора, были бы способны создать благоприятные социально-экономические и иные условия для функционирования рассматриваемого региона, можем перейти к характеристике и предложению мер специально-криминологического предупреждения. Вышеозначенные меры имеют своей специальной целью предупреждение конкретного вида преступной деятельности и заключаются в снижении темпов роста преступности данного вида на территории субъектов СКФО, а также заблаговременном пресечении подготовки и планирования подобных преступлений.

Среди таких специальных мер криминологического предупреждения предлагаем выделить следующие [11, с. 115]:

- осуществление более тщательного контролируемого и неконтролируемого выезда иностранных мигрантов в случае отсутствия легальных оснований пребывания на территории субъектов России путем проведения проверки иностранных мигрантов посредством ПТК «Розыск-Магистраль» на предмет приобретения проездных билетов с ин-

³ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «Консультант Плюс».

формированием субъектов Российской Федерации, в которые предположительно выехал иностранный мигрант. Данная мера является необходимой, поскольку судебное решение об осуществлении неконтролируемого выезда, не подкрепленное механизмами реального контроля за перемещениями, зачастую приводит к противоположному результату: иностранные граждане самовольно покидают территорию субъекта, чтобы уклониться от внимания правоохранительных органов и продолжить незаконное пребывание в другом регионе России, где сотрудники полиции не обладают информацией о целях, продолжительности и основаниях их пребывания. Предложенная мера может быть реализована в том числе при помощи программно-технического комплекса, осуществляющего сбор и анализ информации об иностранных мигрантах, допускающих подобные деяния;

- проведение муниципальными образованияами совместно с общественными объединениями СКФО регулярных совещаний по актуальным вопросам реализации государственной миграционной политики, (межэтнических) и этноконфессиональных отношений, профилактики экстремизма и терроризма, а также проведение постоянных конференций, семинаров, круглых столов, расширенных выездных семинаров-совещаний с участием представителей институтов гражданского общества, представителей национальных общин и диаспор, привлечением курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, обучающихся по соответствующим программам и направлениям;

- проведение на региональном уровне постоянных рабочих встреч с участием заинтересованных правоохранительных органов, а также с представителями религиозных конфессий, национальных общин и диаспор, где до сведения присутствующих будут доводиться требования миграционного законодательства Российской Федерации, актуальные изменения и порядок действий при подаче документов и изменении статусов нахождения на территории России;

- создание центров миграции, консультативных центров, в том числе и передвижных, которые будут выполнять свои функции на территории определенного района или же субъекта СКФО (например, в Ставропольском крае, в Республике Дагестан, где миграционный прирост особо высок). Такие центры, думается, смогли бы осуществлять информационную, правовую, а при необходимости и психологическую поддержку как иностранных мигрантов, так и лиц из их числа, уже получивших российское гражданство, а также и всех заинтересованных в этом лиц (их близких родственников, друзей, знакомых);

- проведение заблаговременных медицинских

осмотров в медицинских организациях (кабинетах) при консульствах иностранных государств с целью ускорения прохождения процедур пересечения Государственной границы Российской Федерации, получения патента или разрешения на работу, а также исключения коррупционных проявлений при вынесении заключений медицинскими учреждениями;

- введение обязательного условия прохождения медицинской комиссии и получения заключения иностранным мигрантом при подаче документов для получения РВП, ВНЖ или российского гражданства, а также при последующей подаче документов для изменения статуса нахождения на территории России;

- введение ограничения въезда членов семей иностранных мигрантов, имеющих основной целью приезда трудоустройство, то есть лиц, имеющих ограниченное время пребывания;

- выдача сим-карт иностранным мигрантам, планирующим оставаться на территории Северо-Кавказского региона на срок более чем 90 дней с целью постоянного или временного пребывания (проживания), предназначенных для контроля за перемещением таких лиц;

- отбывание наказания иностранными мигрантами-преступниками в стране гражданства (при его наличии) или же в стране исхода (прибытия), при этом расходы на возмещение ущерба пострадавшим, транспортировку и судебные издержки также должны быть возмещены иностранным мигрантом, допустившим совершение преступления;

- законодательное закрепление обязанности участковых уполномоченных полиции по проведению периодических инструктажей, бесед с иностранными мигрантами путем включения данной категории в перечень лиц, нуждающихся в индивидуальной профилактической работе;

- периодическое инспектирование молельных домов на территории Северного Кавказа, проведение оперативно-профилактических мероприятий в местах отправления религиозных обрядов и массового пребывания мигрантов (спортивных клубов и залов, которые массово посещают иностранные мигранты, а также секций по смешанным единоборствам) с целью выявления причастности к противоправной деятельности и исключения вовлечения и вербовки в экстремистские и террористические сообщества на территории субъектов СКФО и России в целом;

- введение вознаграждения по решению начальников территориальных органов гражданам, проживающим на территории республик и краев Северного Кавказа, за сообщение о местах пребывания (проживания) нелегальных иностранных мигрантов, а также об иностранных мигрантах, подготавливающих или совершивших преступления на территории их населенного пункта;

– установка запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории субъектов СКФО, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности;

– введение в штатную численность отделов полиции и подразделений по вопросам миграции переводчиков, психологов, способных выявлять особенности поведения иностранных мигрантов и оперативно и эффективно налаживать контакт с такими лицами;

– централизованное расселение администрацией муниципальных образований густонаселенных районов населенных пунктов (жилого сектора, гостиниц, общежитий, хостелов, гостевых домов, кафе, рынков, объектов строительства и иных мест постоянного или временного массового проживания и пребывания иностранных мигрантов) с целью предотвращения образования национальных преступных группировок и концентрации таких лиц на ограниченной территории. Данная мера, полагаем, будет способствовать ускоренной бесконфликтной, эффективной социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных мигрантов в российское общество, учитывая при этом особенности мультинациональных округов и их субъектов, таких как Северо-Кавказский федеральный округ.

Подобные предложения относительно установления усиленного контроля за иностранными гражданами, лицами без гражданства, включающими и мигрантов в том числе, со стороны представителей правоохранительных органов были высказаны еще в самом начале развития криминологических исследований по предупреждению преступлений мигрантов в 80-е годы XX века. Среди таких идей были и внедрения адаптационных периодов, и создание адаптационных центров помощи и поддержки, и усиленный контроль в местах проживания и локализации иностранных граждан и лиц без

гражданства [12, с. 235]. В продолжение данных концепций и были предложены указанные выше меры и мероприятия, адаптированные при этом в соответствии с региональными особенностями и нуждами развития и функционирования Северо-Кавказского федерального округа.

Таким образом, выделив основные направления предупредительной деятельности на территории субъектов СКФО в отношении иностранных мигрантов, автором статьи были сформулированы предложения по формированию и дополнению системы мер криминологического предупреждения преступлений иностранных мигрантов в приграничных субъектах России. При этом была учтена специфика региона, особенности преступности рассматриваемого вида, а также новые знания, полученные о криминологическом состоянии данного массового явления на территории СКФО. Предложенные меры общесоциального предупреждения преступлений среди иностранных мигрантов направлены на создание благоприятных социальных условий для жизни как коренного, так и приезжего населения на территории данных субъектов. Эти меры призваны предотвращать антиобщественное, а впоследствии и преступное поведение, а также устранять негативные причины и условия, влияющие на общество в рамках конкретного федерального округа России. Специально-криминологические меры прежде всего целенаправленно воздействуют, контролируют и стабилизируют уровень преступности иностранных мигрантов на территории субъектов СКФО, а также реализуют заблаговременное сдерживание и нейтрализацию преступного потенциала указанной группы лиц. Таким образом, предложенная система мер при ее грамотной и постепенной реализации и внедрении в субъекты Северо-Кавказского федерального округа будет способна снизить и стабилизировать существующий уровень преступности иностранных мигрантов на территории приграничных регионов Российской Федерации.

Литература

1. **Военкова Е.А.** Криминологическая характеристика преступника-мигранта // Диалог. – 2017. – № 1 (6). – С. 11–15.
2. **Кудин О.В.** К определению понятия «мигрант» в российском законодательстве // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiya-migrant-v-rossijskom-zakonodatelstve>;
3. **Плюгина И.В.** Понятие мигранта и основные категории мигрантов // Журнал российского права. – 2007. – № 8 (128) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-migranta-i-osnovnye-kategorii-migrantov>;
4. **Магомедов Э.Б.** О некоторых аспектах преступности мигрантов-иностранцев в республиках Северо-Кавказского федерального округа и противодействии ей // Государственная служба и кадры. – 2017. – № 1. – С. 73–82. – EDN YKGWYN.
5. **Ларичев В.Д.** Общесоциальное предупреждение преступности. Что это, вид криминологического предупреждения преступности или просто поступательное развитие общества? (Постановка вопроса) // Общество и право. – 2011. – № 1(33). – С. 130–133. – EDN OOIKNH.
6. **Юрова К.И.** Специально-криминологическое предупреждение преступности иностранных лиц // Виктимология. – 2016. – № 3 (9). – С. 72–77. – EDN XEJJAT.
7. **Магомедов Э.Б.** Криминологическая характеристика преступности мигрантов-иностранцев в республиках Северо-Кавказского федерального округа и её предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Грозный, 2020. – 19 с.

8. **Архипцев И.Н.** Некоторые аспекты противодействия и профилактики преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства в России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2012. – № 14 (133). – С. 151–161. – EDN RMUEHJ.

9. **Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р.** Профилактика миграционной преступности: правообразующий аспект // Миграционное право. – 2024. – № 1. – С. 12–14.

10. **Ванеева М.А.** Меры общесоциального предупреждения преступлений, совершаемых иностранными мигрантами на территории СКФО / Санкт-петербургские встречи молодых ученых: материалы III Всероссийского конгресса, Санкт-Петербург, 11 июня 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025. С. 337–343. – EDN GRAKUH.

11. **Ванеева М.А.** Специально-криминологическое предупреждение преступлений, совершаемых иностранными мигрантами на территории субъектов Северо-Кавказского федерального округа // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2025. – № 2 (67). – С. 113–122. – EDN JQRQQR.

12. Теоретические основы предупреждения преступности / В.В. Клочков, А.С. Шляпочников, В.Н. Кудрявцев [и др.]; отв. ред. В.К. Звирбуль [и др.]. – Москва: Юридическая литература, 1977. – 255 с.

References

1. **Voenkova E.A.** Kriminologicheskaya harakteristika prestupnika-migranta // Dialog. – 2017. – № 1 (6). – S. 11–15.

2. **Kudin O.V.** K opredeleniyu ponyatiya «migrant» v rossijskom zakonodatel'stve // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2022. – № 2 [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiya-migrant-v-rossijskom-zakonodatel'stve>;

3. **Plyugina I.V.** Ponyatie migranta i osnovnye kategorii migrantov // Zhurnal rossijskogo prava. – 2007. – № 8 (128) [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-migranta-i-osnovnye-kategorii-migrantov>;

4. **Magomedov E.B.** O nekotoryh aspektah prestupnosti migrantov-inostrancev v respublikah Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga i protivodejstviy ej // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. – 2017. – № 1. – S. 73–82. – EDN YKGWYN.

5. **Larichev V.D.** Obshchesocial'noe preduprezhdenie prestupnosti. Chto eto, vid kriminologicheskogo preduprezhdeniya prestupnosti ili prosto postupatel'noe razvitiye obshchestva? (Postanovka voprosa) // Obshchestvo i pravo. – 2011. – № 1(33). – S. 130–133. – EDN OOILKH.

6. **Yurova K.I.** Special'no-kriminologicheskoe preduprezhdenie prestupnosti inostrannyh lic // Viktimologiya. – 2016. – № 3 (9). – S. 72–77. – EDN XEJJAT.

7. **Magomedov E.B.** Kriminologicheskaya harakteristika prestupnosti migrantov-inostrancev v respublikah Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga i eyo preduprezhdenie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Groznyj, 2020. – 19 s.

8. **Архипцев И.Н.** Nekotorye aspekty protivodejstviya i profilaktiki prestuplenij, sovershaemyh inostrannymi grazhdanami i licami bez grazhdanstva v Rossii // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. – 2012. – № 14 (133). – S. 151–161. – EDN RMUEHJ.

9. **Habibulin A.G., Mursalimov K.R.** Profilaktika migracionnoj prestupnosti: pravoobrazuyushchij aspekt // Migracionnoe pravo. – 2024. – № 1. – S. 12–14.

10. **Ванеева М.А.** Mery obshchesocial'nogo preduprezhdeniya prestuplenij, sovershaemyh inostrannymi migrantami na territorii SKFO / Sankt-peterburgskie vstrechi molodyh uchenyh: materialy III Vserossijskogo kongressa, Sankt-Peterburg, 11 iyunya 2025 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2025. S. 337–343. – EDN GRAKUH.

11. **Ванеева М.А.** Special'no-kriminologicheskoe preduprezhdenie prestuplenij, sovershaemyh inostrannymi migrantami na territorii sub'ektov Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga // Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoy akademii. – 2025. – № 2 (67). – S. 113–122. – EDN JQRQQR.

12. Теоретические основы предупреждения преступности / В.В. Клочков, А.С. Шляпочников, В.Н. Кудрявцев [и др.]; отв. ред. В.К. Звирбуль [и др.]. – Москва: Юридическая литература, 1977. – 255 с.

(статья сдана в редакцию 28.11.2025)

О разграничении преступлений, предусмотренных статьями 137 и 272¹ Уголовного кодекса Российской Федерации

On the differentiation of crimes provided for in Articles 137 and 272¹ of the Criminal Code of the Russian Federation

УДК 343.3/.7

Е.А. Зуева,

аспирант

(Санкт-Петербургский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации,
Россия, Санкт-Петербург)
lizueva113@gmail.com

Elizaveta A. Zueva,

Postgraduate

(St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of prosecutor's office
of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia)

Аннотация: актуальность исследования обусловлена масштабной цифровизацией общественных отношений, где предоставление и обработка персональных данных стали неотъемлемой частью повседневной жизни большинства граждан. Эти процессы сопровождаются высокими рисками неправомерного использования конфиденциальной информации, что обусловило необходимость усиления нормативного правового регулирования. В частности, Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен статьей 272¹, устанавливающей ответственность за незаконный оборот компьютерной информации, содержащей персональные данные. Нововведение породило проблему соотношения и разграничения данного преступления с нарушением неприкосновенности частной жизни.

Целью настоящей работы является выявление критериев отграничения преступлений, предусмотренных ст. 137 и 272¹ Уголовного кодекса Российской Федерации. Автором для исследования применены общенаучные (анализ, синтез, сравнение, аналогия, обобщение, дедукция и индукция) и частнонаучные (статистический, сравнительно-правовой, формально-юридический) методы познания. В результате определены критерии отграничения преступлений, включающие признаки объекта, объективной стороны и субъективной стороны, уделено особое внимание передаче сведений о частной жизни лица, составляющих его личную и семейную тайну, иностранным гражданам и организациям, в связи с этим обоснована целесообразность дополнения ч. 2 ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации квалифицирующим признаком преступления «те же деяния, сопряженные с трансграничным распространением сведений».

Ключевые слова: персональные данные; компьютерная информация; частная жизнь; личная тайна; распространение

Для цитирования: Зуева Е.А. О разграничении преступлений, предусмотренных статьями 137 и 272¹ Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 2. – С. 129–136.

Abstract: the relevance of the study is due to the large-scale digitalization of public relations, where the provision and processing of personal data have become an integral part of the daily lives of most citizens. These processes are accompanied by high risks of misuse of confidential information, which necessitated the strengthening of regulatory legal regulation. In particular, the Criminal Code of the Russian Federation has been supplemented by article 272¹, which establishes responsibility for the illegal trafficking of computer information containing personal data. The innovation created the problem of correlation and differentiation of this crime with violation of privacy.

The purpose of this work is to identify the criteria for distinguishing crimes provided for in Articles 137 and 272¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. The author uses general scientific (analysis, synthesis, comparison, analogy, generalization, deduction and induction) and private scientific (statistical, comparative legal, formal legal)

methods of cognition. As a result, the criteria for distinguishing crimes were determined, including the signs of the object, the objective side and the subjective side, special attention was paid to the transfer of information about the private life of a person who constitutes his personal and family secrets to foreign citizens and organizations, and in this regard, the expediency of supplementing Part 2 of Article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation with the qualifying sign of the crime «the same acts involving the cross-border dissemination of information.»

Keywords: personal data; computer information; privacy; personal secrets; dissemination

For citation: Zueva E.A. On the differentiation of crimes provided for in Articles 137 and 272¹ of the Criminal Code of the Russian Federation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 2. – P. 129–136.

Предоставление своих персональных данных (например, при трудоустройстве или осуществлении покупок в онлайн-магазинах) стало неотъемлемой частью повседневной деятельности большинства граждан. Персональные данные представляют собой ценный информационный ресурс, который может быть использован для персонализации маркетинговых коммуникаций или даже для совершения преступлений против собственности, личности, общественной безопасности.

Заместитель председателя правления публичного акционерного общества «Сбербанк России» С.К. Кузнецов отметил, что персональные данные около 90% взрослого населения имеются в открытом доступе¹, а президент публичного акционерного общества «Ростелеком» М.Э. Осеевский высказал мнение, что персональные данные всех россиян уже есть в Сети².

Для обеспечения информационной безопасности страны в соответствии с подп. 6 и 8 п. 57 Указа Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» сформулированы следующие задачи: снижение до минимально возможного уровня количества утечек информации ограниченного доступа и персональных данных, а также уменьшение количества нарушений установленных российским законодательством требований по защите такой информации и персональных данных; обеспечение защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина при обработке персональных данных, в том числе с использованием информационных технологий³.

Во исполнение указанных задач Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ)

дополнен ст. 272¹ «Незаконное использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконного хранения и (или) распространения», а также внесены изменения в ст. 137 «Нарушение неприкосновенности частной жизни» и 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации»⁴.

Целью настоящего исследования является выявление критериев отграничения преступлений, предусмотренных ст. 137 и 272¹ УК РФ, с помощью общенаучных (анализа, синтеза, сравнения, аналогии, обобщения, дедукции и индукции) и частнонаучных (статистического, сравнительно-правового, формально-юридического) методов познания.

Некоторые вопросы соотношения и квалификации указанных преступлений рассмотрены в научных статьях И.С. Алихаджиевой, А. Городовой, М. Кабанова, А.А. Князькова, А.В. Малешинной, А.С. Озеровой, Е.А. Русскевича, Е.В. Хохловой, А.А. Шутовой, В.Ф. Щепелькова. Ввиду того что судебная практика по применению новой правовой нормы, закрепленной в ст. 272¹ УК РФ, находится в стадии формирования, проблема разграничения смежных составов преступления является недостаточно изученной.

По данным МВД России⁵, за первое полугодие 2025 года выявлено 601 преступление по новой статье УК РФ о незаконной обработке персональных данных. По 313 из них возбуждены уголовные дела⁶. Так, например, в декабре 2024 года один из обвиняемых и его знакомый, работавший в офисе мобильного оператора, через специальную програм-

¹ «Сбер» оценил долю утечек данных взрослых россиян в 90% [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RTuYy> (дата обращения: 17.09.2025).

² Глава «Ростелекома» считает, что личные данные всех россиян уже утекли в сеть [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/22439315> (дата обращения: 27.11.2025).

³ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.

⁴ Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. – 2024. – № 278.

⁵ Предоставлены по запросу сенатора Совета Федерации Российской Федерации А.Г. Шейкина [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/1522893/2023-06-03/v-sovfe-de-rossii-an-prizvali-proverit-svoi-iphone-na-nalichie-virusov>

⁶ За полгода выявили более 600 преступлений, связанных с оборотом персональных данных [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/3RTuX7> (дата обращения: 29.11.2025).

му определили данные трех абонентов (фамилию, имя, отчество, дату рождения, место регистрации, паспортные данные) и передали их неустановленному лицу, за что получили вознаграждение в размере 2 700 рублей. В обвинительном заключении их деяния были квалифицированы по пп. «а», «в» и «г» ч. 3 ст. 272¹ УК РФ (незаконные передача (распространение), сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной путем неправомерного доступа к средствам ее обработки, хранения, совершенные из корыстной заинтересованности группой лиц по предварительному сговору, с использованием своего служебного положения)⁷. Если бы деяние было совершено до 11 декабря 2024 года, то в зависимости от обстоятельств преступления оно бы квалифицировалось по ст. 137 или по ст. 272 УК РФ, или их совокупности. С учетом изменяющейся практики можно предположить, что количество зарегистрированных преступлений по ст. 137 УК РФ будет снижаться.

Исходя из расположения ст. 272¹ УК РФ именно в разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» главы 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», можно утверждать, что родовым объектом преступления являются общественные отношения, охраняющие общественную безопасность, видовой – безопасность компьютерной информации, основным непосредственным – безопасность компьютерной информации, содержащей персональные данные. Дополнительным объектом данного преступления выступают общественные отношения, охраняющие конституционное право граждан на неприкосновенность частной жизни, в отличие от ст. 137 УК РФ, где указанный объект приобретает статус основного.

Предметом дискуссии в научном сообществе стало месторасположение нормы, предусмотренной ст. 272¹ УК РФ. Так, И.С. Алихаджиева указывает, что ее необходимо определить в раздел VII УК РФ «Преступления против личности», поскольку «вред претерпевает не информация о человеке сама по себе, а особо значимые ценности и социальные блага личности» [1, с. 217–218]. Другие ученые выражают необходимость включения соответствующего уголовно-правового запрета в главу 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», аргументируя данное предложение первостепенностью дополнительного объекта уголовно-правовой охраны [2, с. 19; 3, с. 124]. А.А. Князьков считает, что вместо введения нового состава преступления стоило дифференци-

ровать уголовную ответственность за имеющиеся преступления, связанные с неправомерным доступом к компьютерной информации, путем включения в соответствующие статьи квалифицирующего признака «в отношении компьютерной информации, составляющей персональные данные» [4, с. 68].

Предметом преступления, предусмотренного ст. 272¹ УК РФ, является компьютерная информация, содержащая персональные данные, полученная незаконным путем (путем неправомерного доступа к средствам ее обработки, хранения или иного вмешательства в их функционирование либо иным), ошибочно указанная, по нашему мнению, в пояснительной записке к законопроекту в качестве объекта преступного посягательства⁸. Под компьютерной информацией в соответствии с примечанием 1 ст. 272 УК РФ понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи⁹. Как подчеркивают ученые, на современном этапе законодательное определение компьютерной информации требует актуализации, так как помимо «классических» компьютеров, преобразующих информацию в электрические сигналы, создаются фотонные и квантовые компьютеры, работающие на иных физических принципах [5, с. 13].

Компьютерная информация – это лишь одна из форм, в которую могут быть облечены персональные данные, поскольку, согласно пп. 3 и 4 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Федеральный закон «О персональных данных»), обработка персональных данных может осуществляться без использования средств автоматизации, то есть без помощи средств вычислительной техники¹⁰. Как отмечает Е.В. Хохлова, первичные этапы обработки персональных данных часто осуществляются без применения специализированного оборудования и сетевых возможностей, и уже позже данные могут преобразовываться в цифровую форму [6, с. 97]. Таким образом, из сферы действия статьи исключены персональные данные на бумажном носителе или в устной форме. На наш взгляд, их собирание или распространение надлежит квалифицировать по ст. 137 УК РФ, в случае если они составляют личную или семейную тайну.

⁸ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8> (дата обращения: 16.11.2025).

⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20 января 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

¹⁰ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Российская газета. – 2006. – № 165.

⁷ Во Владимире прокурор направил в суд уголовное дело о незаконных сборе и передаче персональных данных абонентов сотового оператора [Электронный ресурс]. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_33/mass-media/news/main/e6281387/ (дата обращения: 17.01.2026).

Представим ситуацию, когда лицо с единым умыслом выполняет сбор и (или) передачу как компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной незаконным путем, так и персональных данных на бумажном носителе. Е.А. Русскевич считает, что в подобной ситуации действия виновного рассматриваются ст. 272¹ УК РФ и не требуют дополнительной квалификации [7]. По нашему мнению, в случае, если сведения на бумажном носителе составляют личную или семейную тайну потерпевшего, подобное преступное поведение надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 272¹ и ст. 137 УК РФ.

Под персональными данными, согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона «О персональных данных», понимается любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)¹¹. Повышенная уголовная ответственность установлена за осуществление незаконных действий с персональными данными несовершеннолетних лиц, а также специальными категориями персональных данных¹² и биометрическими персональными данными¹³, относящимися к предмету преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 272¹ УК РФ. При совершении незаконных действий (например, использовании) одновременно с персональными данными, предусмотренными ч. 1 (Ф. И. О., даты рождения) и ч. 2 (сведений о состоянии здоровья) ст. 272¹ УК РФ, деяние надлежит квалифицировать по совокупности.

На этапе формирования новой уголовно-правовой нормы в пояснительной записке к законопроекту акцентировалось внимание на незаконности получения персональных данных¹⁴. Как справедливо отмечает В.Ф. Щепельков, «данная трактовка предмета преступления в большей степени отвечает задачам уголовно-правовой охраны общественных отношений, ради которой в уголовный закон была включена ст. 272¹ УК РФ» [8, с. 37].

Перечень способов незаконного получения персональных данных является открытым, к ним относятся:

1) неправомерный доступ к средствам обработки и хранения компьютерной информации;

2) иное вмешательство в функционирование указанных средств;

3) иной незаконный путь получения персональных данных.

Незаконность получения предмета преступления может быть констатирована как посредством ссылки на наличие предикатного преступления или правонарушения, так и через декларативную дескрипцию отраслевого регулирования [9].

Таким образом, на наш взгляд, предметы преступлений, предусмотренных ст. 137 и 272¹ УК РФ, различны, но имеют совпадающую часть, в которую входят персональные данные, облеченные в форму компьютерной информации, являющиеся сведениями о частной жизни лица, составляющие его личную или семейную тайну. Ввиду того что не все персональные данные относятся к категории личной или семейной тайны (поскольку лицо самостоятельно определяет, какие сведения оно желает сохранить в тайне, а какие сделать общедоступными), нормы, установленные в ст. 137 и 272¹ УК РФ, по нашему мнению, нельзя признать общей и специальной соответственно, поскольку, если в специальной норме не предусмотрены признаки ее родового понятия в общей норме, соотношение общей и специальной нормы разрушается [10, с. 124].

Рассмотрим объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 272¹ УК РФ, которая выражается в альтернативных деяниях, а именно: незаконные использование и (или) передача (распространение, предоставление, доступ), сбор и (или) хранение предмета преступления. Обобщающим понятием для указанных действий является «обработка»¹⁵, которая кроме перечисленных включает и другие действия: запись, систематизацию, накопление, уточнение (обновление, изменение), извлечение, обезличивание, блокирование, удаление, уничтожение.

Согласимся с мнением А.В. Малешинной и А.С. Озеровой, которые считают, что законодатель справедливо криминализировал только четыре действия, поскольку другие либо содержательно охватываются терминами «сбор» и «использование», либо «причиняют вред не информационной автономии личности, а компьютерной безопасности» [11, с. 173]. К тому же, согласно ч. 1 ст. 24 Конституции Российской Федерации, именно сбор, хранение,

¹¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Российская газета. – 2006. – № 165.

¹² К специальным категориям персональных данных в соответствии с ч. 1 ст. 10 Федерального закона «О персональных данных» относятся сведения о расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состоянии здоровья, интимной жизни.

¹³ Под биометрическими персональными данными, согласно ч. 1 ст. 11 Федерального закона «О персональных данных», понимаются сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность.

¹⁴ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8> (дата обращения: 16.11.2025).

¹⁵ Обработка персональных данных согласно п. 3 ст. 3 Федерального закона «О персональных данных» – это любое действие (операция) или совокупность действий (операций), совершаемых с использованием средств автоматизации или без использования таких средств с персональными данными, включая сбор, запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение, использование, передачу (распространение, предоставление, доступ), обезличивание, блокирование, удаление, уничтожение персональных данных.

использование и распространение информации о частной жизни (в том числе персональных данных, являющихся составной частью информации о частной жизни) не допускаются без согласия лица. Основываясь на указанной конституционной норме, ученые в области уголовного права обосновывают необходимость криминализации незаконного хранения и использования сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну [12, с. 10; 13, с. 9]. Отсутствие двух этих деяний в норме, закрепляющей ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни, а также использование термина «распространение» вместо «передача (распространение, предоставление, доступ)» является отличием разграничиваемых составов преступлений.

Проанализируем каждое из деяний, указанных в диспозиции нормы, предусмотренной ч. 1 ст. 272¹ УК РФ.

1. Использование компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной незаконным путем, означает применение указанных сведений каким-либо способом для какой-либо цели.

Спектр использования этих сведений разнообразен: от действий, не подлежащих уголовному преследованию, таких как осуществление звонков потенциальным клиентам для целей продвижения товаров и услуг, до преступных деяний, например несанкционированного доступа к аккаунтам и приложениям, а также фальсификации документов для получения кредитов или совершения сделок с имуществом. Таким образом, использование предмета преступления, предусмотренного ст. 272¹ УК РФ, при совершении иного противоправного деяния (например, мошенничества) надлежит квалифицировать по совокупности преступлений.

2. Передача (распространение, предоставление, доступ).

Термин «передача» выступает в качестве родового понятия, охватывающего три различные формы обработки персональных данных, каждая из которых имеет свое правовое значение. Законодательно закреплены понятия «распространение» и «предоставление» персональных данных, представляющие действия, согласно пп. 5 и 6 ст. 3 Федерального закона «О персональных данных», направленные на раскрытие, распространение неопределенному кругу лиц, предоставление определенному лицу или определенному кругу лиц¹⁶. Понятие «доступ» не имеет легального определения, а в толковом словаре раскрывается как «возможность пользоваться чем-либо, получать что-либо (например, получить доступ к секретным документам)» [14].

Термин «передача» преимущественно применяется в уголовном законе к имуществу и различным его разновидностям (денежным средствам, материальным ценностям, ценным бумагам, товарам или технологиям, вооружениям или военной технике, ядерным материалам или радиоактивным веществам, огнестрельному оружию, взрывчатым веществам и взрывным устройствам, предметам, имеющим особую культурную ценность, взятке и др.), а также используется в словосочетании «средства передачи компьютерной информации» (ст. 159⁶, 274, 274¹ УК РФ). При этом ни в одной норме УК РФ, кроме закрепленной в ст. 272¹, передача не раскрывается в диспозиции через перечень ее разновидностей. Данное перечисление считаем излишним, так как это усложняет восприятие и без того перегруженной, на наш взгляд, нормы (альтернативные деяния, альтернативные способы, исключение из ч. 1 части предмета преступления).

Для целей уголовного законодательства используются словосочетания «распространение информации» или «распространение сведений» в ст. 110², 128¹, 137, 144, 163, 172⁴, 179, 185³, 207¹, 207², 207³, 215⁴, 274¹, 283¹, 354¹ УК РФ, также для компьютерной информации используется термин «распространение» в ст. 273, 274¹ УК РФ.

Применительно к нарушению неприкосновенности частной жизни понятие «распространение», согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 УК РФ)», охватывает сообщение (разглашение) их одному или нескольким лицам в устной, письменной или иной форме и любым способом¹⁷. В связи с этим А.А. Шутова предлагает использовать в диспозиции нормы, закрепленной в ст. 272¹ УК РФ, вместо слова «передача (распространение, предоставление, доступ)» термин «распространение» [3, с. 128].

3. Сбор предмета преступления означает его получение любым способом.

В уголовном законе преимущественно со «сведениями» используется термин «собираение» в ст. 137, 183 и 276 УК РФ.

4. Под хранением следует понимать умышленное деяние лица, связанное с незаконным владением, обеспечением сохранности (неизменности) компьютерной информацией, содержащей персональные

¹⁶ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Российская газета. – 2006. – № 165.

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 2.

данные, полученной незаконным путем (содержание на жестком диске, флеш-накопителе, карте памяти, в облачных хранилищах и др.).

Хранение представляет собой длящееся преступление, которое будет считаться юридически оконченным с момента начала хранения, а фактически – с момента прекращения хранения. Хранение следует за собиранием предмета преступления (деяния в таком случае являются взаимосвязанными), а также будет присутствовать в ситуации, когда лицо не добывало предмет преступления, а получило его от другого лица на хранение. Из-за специфики предмета преступления хранение приобретает самостоятельное значение, когда лицо незаконным путем получило компьютерную информацию, содержащую персональные данные (т.е. совершило деяние, выходящее за пределы ст. 272¹ УК РФ), и затем осуществляет хранение этих данных.

Субъективная сторона нарушения неприкосновенности частной жизни характеризуется лишь прямым умыслом, тогда как разграничиваемый состав преступления совершается в целом умышленно.

Акцентируем внимание на особо квалифицированном составе преступления, закрепленном в ч. 4 ст. 272¹ УК РФ, который предусматривает повышенную ответственность за деяния, сопряженные с трансграничной передачей компьютерной информации, содержащей персональные данные, и (или) трансграничным перемещением носителей информации, содержащих персональные данные. Понятие «трансграничная передача» закреплено в п. 11 ст. 3 Федерального закона «О персональных данных»¹⁸, а «трансграничное перемещение» раскрывается в примечании 2 к ст. 272¹ УК РФ¹⁹.

Рассмотрим указанный квалифицирующий признак применительно к нарушению неприкосновенности частной жизни. С началом специальной военной операции масштабный характер приобрели случаи покушения на политических и общественных деятелей, государственных служащих и представителей СМИ²⁰. Так, при участии украинских спецслужб с помощью взрывных устройств убиты журналистка

Дарья Дугина, военный корреспондент Максим Фомин (псевдоним Владлен Татарский), совершено покушение на писателя и политика Захара Прилепина²¹. Подобным преступлениям предшествует тщательная подготовка, включающая собирание сведений о частной жизни лиц, составляющих их личную или семейную тайну, и последующее их распространение, в том числе среди иностранных лиц. Так, в июне 2022 года правоохранными органами пресечена противоправная деятельность представителей частного сыска и сотрудников налоговых органов, связанная с незаконным сбором охраняемой законом информации в интересах третьих лиц, включая иностранных граждан²². В таких случаях личная безопасность граждан становится неотъемлемой частью национальной безопасности. Нам представляется целесообразным рассмотреть вопрос о закреплении в диспозиции нормы, предусмотренной ч. 2 ст. 137 УК РФ, квалифицирующего признака преступления «те же деяния, сопряженные с трансграничным распространением сведений».

В примечании 1 к ст. 272¹ УК РФ предусмотрено, что не образует состава преступления обработка персональных данных физическими лицами исключительно для личных и семейных нужд. Необходимо подчеркнуть, что термин «личные и семейные нужды» не имеет нормативного закрепления, что затрудняет его единообразное применение. На наш взгляд, введение данного исключения обусловлено тем, что действие Федерального закона «О персональных данных» не распространяется на те же случаи, что указаны в примечании 1, с оговоркой «если при этом не нарушаются права субъектов персональных данных» (п. 1 ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О персональных данных»)²³. Соответственно, если указанный закон не применяется, например, в случае, когда гражданин для себя лично на персональном компьютере ведет сбор и накопление персональных данных своих знакомых (Ф.И.О., адрес места жительства, даты рождения, номер телефона), то это деяние не будет наказуемо и по ст. 272¹ УК РФ.

Таким образом, нормы, предусмотренные ст. 137 и 272¹ УК РФ, нельзя признать общей и специальной соответственно, их разграничение можно осуществить по объекту, предмету, объективной стороне (деяние, способ) и субъективной стороне (вина).

²¹ Там же.

²² ФСБ России разоблачила сливавших иностранцам данные о военнослужащих [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/1352429/2022-06-20/fsb-rf-razoblachila-slivavshikh-inostrantcam-dannye-o-voennosluzhashchikh> (дата обращения: 10.11.2025).

²³ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Российская газета. – 2006. – № 165.

¹⁸ Трансграничная передача персональных данных – передача персональных данных на территорию иностранного государства органу власти иностранного государства, иностранному физическому лицу или иностранному юридическому лицу.

¹⁹ Под трансграничным перемещением носителей информации понимается совершение действий по ввозу на территорию Российской Федерации и (или) вывозу с территории Российской Федерации машиночитаемого носителя информации (в том числе магнитного и электронного), на который осуществлены запись и хранение такой информации.

²⁰ Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации «О совершенствовании киевским режимом преступлений террористической направленности» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/doklady/1969025/ (дата обращения: 25.01.2026).

Литература

1. **Алихаджиева И.С.** Законопроект № 502113-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за незаконные использование и передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные)»: научный комментарий // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2024. – № 2. – С. 213–222.
2. **Сенцов А.С., Волколупова В.В.** Перспективы криминализации незаконного оборота персональных данных: критический анализ нового законопроекта // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 4 (78). – С. 16–23.
3. **Шутова А.А.** Новеллы уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот персональных данных // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 166. – С. 122–134.
4. **Князьков А.А.** Уголовно-правовая новелла за нарушение законодательства о персональных данных (ст. 272.1 УК РФ): особенности конструирования состава и вопросы квалификации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2025. – № 5. – С. 65–73.
5. **Попов А.Н., Шарапов Р.Д.** Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 года № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет». – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. – 82 с.
6. **Хохлова Е.В.** Вопросы криминализации деяний в отношении персональных данных в контексте законопроекта № 502113-8 // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2024. – Т. 14. – № 1. – С. 93–103.
7. **Русскевич Е.А.** Об уголовной ответственности за незаконные действия с компьютерной информацией, содержащей персональные данные // Уголовный процесс. – 2025. – № 7 (247). – С. 53–59.
8. **Щепельков В.Ф.** Уголовная ответственность за незаконный оборот персональных данных (ст. 272.1 УК РФ) // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2025. – № 3 (74). – С. 35–42.
9. **Городова А., Кабанов М.** Правовое регулирование должно быть универсальным // Адвокатская газета. Сетевое издание. – 2025. – № 6 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/pravovoe-regulirovanie-dolzhno-byt-universalnym/> (дата обращения: 18.12.2025).
10. **Кузнецова Н.Ф.** Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. академика В.Н. Кудрявцева. – Москва: Городец, 2007. – 336 с.
11. **Малешина А.В., Озерова А.С.** Новые подходы к уголовно-правовой охране персональных данных // Вестник Российской правовой академии. – 2025. – № 2. – С. 166–182.
12. **Кадников Б.Н.** Уголовно-правовая охрана конституционного права граждан на неприкосновенность частной жизни : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2008. – 25 с.
13. **Хуаде А.Х.** Уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2015. – 217 с.
14. Толковый словарь государственного языка Российской Федерации. Часть 1 (А–Н) [Электронный ресурс]. – URL: https://ruslang.ru/normativnyje_slovari?ysclid=mkx4m2i59h795369634 (дата обращения: 03.12.2025)

References

1. **Alihadzhieva I.S.** Zakonoproekt № 502113-8 «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii (v chasti ustanovleniya otvetstvennosti za nezakonnye ispol'zovanie i peredachu, sbor i hranenie komp'yuternoj informacii, sodержashchej personal'nye dannye)»: nauchnyj kommentarij // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. – 2024. – № 2. – С. 213–222.
2. **Sencov A.S., Volkolupova V.V.** Perspektivy kriminalizacii nezakonno go oborota personal'nyh dannyh: kriticheskiy analiz novogo zakonoproekta // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2024. – № 4 (78). – С. 16–23.
3. **Shutova A.A.** Novelly ugovnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za nezakonny oborot personal'nyh dannyh // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. – 2024. – Т. 166. – С. 122–134.
4. **Knyaz'kov A.A.** Ugolovno-pravovaya novella za narushenie zakonodatel'stva o personal'nyh dannyh (st. 272.1 UK RF): osobennosti konstruirovaniya sostava i voprosy kvalifikacii // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). – 2025. – № 5. – С. 65–73.
5. **Popov A.N., Sharapov R.D.** Kommentarij k postanovleniyu Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 15 dekabrya 2022 goda № 37 «O nekotoryh voprosah sudebnoj praktiki po ugovnym delam o prestupleniyah v sfere komp'yuternoj informacii, a takzhe inyh prestupleniyah, sovershenykh s ispol'zovaniem elektronnyh ili informacionno-telekommunikacionnyh setej, vkluchaya set' Internet». – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii, 2024. – 82 s.
6. **Hohlva E.V.** Voprosy kriminalizacii deyanij v otnoshenii personal'nyh dannyh v kontekste zakonoproekta № 502113-8 // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. – 2024. – Т. 14. – № 1. – С. 93–103.
7. **Russkevich E.A.** Ob ugovnoy otvetstvennosti za nezakonnye deystviya s komp'yuternoj informaciej, sodержashchej personal'nye dannye // Ugolovnyj process. – 2025. – № 7 (247). – С. 53–59.
8. **Shchepe'kov V.F.** Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonny oborot personal'nyh dannyh (st. 272.1 UK RF) // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. – 2025. – № 3 (74). – С. 35–42.
9. **Gorodova A., Kabanov M.** Pravovoe regulirovanie dolzhno byt' universal'nym // Advokatskaya gazeta. Setevoe izdanie. – 2025. – № 6 [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/pravovoe-regulirovanie-dolzhno-byt-universalnym/> (data obrashcheniya: 18.12.2025).
10. **Kuznecova N.F.** Problemy kvalifikacii prestuplenij: lekci po spekursu «Osnovy kvalifikacii prestuplenij» / nauch. red. i predisl. akademika V.N. Kudryavceva. – Moskva: Gorodec, 2007. – 336 s.

-
11. **Maleshina A.V., Ozerova A.S.** Novye podhody k ugovno-pravovoj ohrane personal'nyh dannyh // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. – 2025. – № 2. – S. 166–182.
 12. **Kadnikov B.N.** Ugolovno-pravovaya ohrana konstitucionnogo prava grazhdan na neprikosновенnost' chastnoj zhizni : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 2008. – 25 s.
 13. **Huade A.H.** Ugolovno-pravovaya harakteristika narusheniya neprikosновенnosti chastnoj zhizni: dis. ... kand. yurid. nauk. – Krasnodar, 2015. – 217 s.
 14. Tolkovyj slovar' gosudarstvennogo yazyka Rossijskoj Federacii. Chast' 1 (A-N) [Elektronnyj resurs]. – URL: https://ruslang.ru/normativnye_slovari?ysclid=mkx4m2i59h795369634 (data obrashcheniya: 03.12.2025)
-

(статья сдана в редакцию 26.02.2026)

Административное судопроизводство как способ обеспечения законности деятельности органов внутренних дел Российской Федерации

Administrative Proceedings as a Means of Ensuring the Legality of the Activities of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation

УДК 342.98

В.Н. Ткачук,

адъюнкт

(Санкт-Петербургский университет МВД России,
Россия, Санкт-Петербург)
tkvalya@mail.ru

Valentina N. Tkachuk,

Postgraduate

(University of Ministry of the Internal of Russia,
Saint Petersburg, Russia)

Аннотация: в статье на основе анализа различных научных точек зрения, действующего законодательства и правоприменительной практики раскрывается понятие административного судопроизводства, сущность и его функциональное значение. Особое внимание в работе уделяется исследованию административного судопроизводства именно как способа обеспечения законности деятельности органов внутренних дел и их должностных лиц. Актуальность темы обусловлена особой значимостью такой деятельности в системе публичного управления, реализацией сотрудниками органов внутренних дел властных полномочий, непосредственно затрагивающих права и свободы граждан, права организаций при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам и организациям, что определяется необходимостью иметь в наличии доступные и действенные правовые средства судебного контроля за законностью их решений, действий (бездействия). В заключение делается вывод о способах обеспечения административного судопроизводства как посредством оспаривания гражданами и организациями решения в суде действия (бездействия) органов внутренних дел и их должностных лиц, так и путем обязательного судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, прав организаций при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам и организациям. Указывается, что данные способы не только позволяют защищать нарушенные права, но и предотвращают правонарушения, обеспечивая высокий уровень законности и эффективности правового регулирования в сфере деятельности органов внутренних дел и их должностных лиц. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания, в том числе методы анализа и синтеза, системно-структурный подход, а также специальные юридические методы: сравнительно-правовой метод, формально-юридический анализ нормативных актов и научных публикаций, метод правового регулирования.

Ключевые слова: административное судопроизводство; суд; законность; способ обеспечения законности; органы внутренних дел; должностные лица; судебный контроль; оспаривание; административный истец; административный ответчик

Для цитирования: Ткачук В.Н. Административное судопроизводство как способ обеспечения законности деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2026. – № 2. – С. 137–143.

Abstract: the article, based on the analysis of various scientific points of view, current legislation and law enforcement practice, reveals the concept of administrative proceedings, its essence and functional significance. Particular attention is paid to the study of administrative proceedings as a way to ensure the legality of the activities of internal affairs agencies and their officials. The relevance of the topic is determined by the special significance of the activities of internal affairs agencies and their officials in the public administration system, the implementation of their powers that directly affect the rights and freedoms of citizens, the rights of organizations in the implementation

of certain administrative authority requirements to individuals and organizations, which is determined by the need to have accessible and effective legal means of judicial review of the legality of their decisions, actions (inactions). In conclusion, it is concluded that administrative proceedings ensure the legality in two main ways: the first is when citizens and organizations challenge in court the decisions, actions (inactions) of internal affairs agencies and their officials; The second is mandatory judicial review of the observance of human and civil rights and freedoms, as well as the rights of organizations, when implementing certain administrative requirements imposed on individuals and organizations. This not only protects violated rights but also prevents offenses, ensuring a high level of legality and the effectiveness of legal regulation in the activities of internal affairs agencies and their officials. The methodological basis of the study was formed by general scientific methods of inquiry, including methods of analysis and synthesis, a systems-structural approach, as well as specialized legal methods: the comparative legal method, formal legal analysis of regulations and scientific publications, and the method of legal regulation.

Keywords: administrative proceedings; court; legality; method of ensuring legality; internal affairs bodies; officials; judicial control; challenge; administrative plaintiff; administrative defendant

For citation: Tkachuk V.N. Administrative Proceedings as a Means of Ensuring the Legality of the Activities of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2026. – № 2. – P. 137–143.

В современной правовой системе Российской Федерации судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации).

Исторически так сложилось, что административные споры, возникающие из отношений между гражданами и государственными органами, разрешались в рамках гражданского или арбитражного судопроизводства. Однако по мере изменения и усложнения государственного управления, роста объема административных актов и решений со стороны органов публичной власти, увеличения числа жалоб на действия должностных лиц, а также по инициативе ученых-правоведов, юристов и судей потребовался иной механизм для эффективного разрешения административных дел.

Таким образом, с осознанием особой природы административно-правовых отношений возникла потребность в выделении административного судопроизводства в самостоятельный вид. В отличие от частноправовых отношений, где стороны, как правило, равны, в административном судопроизводстве нет равенства между сторонами в связи с тем, что одной стороной является субъект, наделенный властными полномочиями (государственный орган, должностное лицо), а другой стороной выступает субъект, который такими полномочиями не наделен (гражданин, организация).

Такое различие полномочий и статуса субъектов потребовало иных подходов к доказыванию, распределению бремени доказывания, а также иных способов защиты прав в административном судопроизводстве.

Процесс выделения административного судопроизводства в качестве самостоятельного вида имел

свои особенности, но общая тенденция сводилась к желанию создать специализированные административные суды или административные коллегии в обычных судах, что позволило бы сконцентрировать опыт и знания судей в области административного права, а также к разработке специальных процессуальных норм, учитывающих специфику административных дел, и к закреплению на законодательном уровне принципов административного судопроизводства. На практике специализированных судов и административных коллегий создано не было. В 2015 году был принят Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации¹ (далее – КАС РФ), что фактически выделило административное судопроизводство в качестве самостоятельного вида в России.

Многие теоретики и практики в сфере административного права и административного судопроизводства обратили внимание на то, что принятие КАС РФ стало «архиважным событием для современной правовой системы Российского государства» в связи с тем, что граждане и юридические лица получили «значимый правовой механизм защиты своих нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов в публично-правовой сфере» [1, с. 47], а также что это событие стало «рубежным... в реализации двух российских реформ последних десятилетий: судебной и административной» [2, с. 57; 3, с. 102].

За десятилетний период действия и применения положений КАС РФ юридическая наука и практика сформировала теоретический и практический фундамент использования административного судопроизводства как способа обеспечения законности

¹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

деятельности органов публичной власти и защиты интересов граждан и организаций, а также конституционно охраняемых ценностей. По мнению ряда авторов, административное судопроизводство представляет собой механизм защиты прав и законных интересов невластных субъектов в их отношениях с публичной властью, имеет свою специфику по сравнению с частноправовыми спорами и направлено на проверку законности деятельности государственных органов и должностных лиц.

Так, по мнению А.В. Мартынова, с принятием КАС РФ «научная мысль сконцентрировалась именно на правозащитной функции административного судопроизводства» [1, с. 48]. Как справедливо отмечает И.В. Панова, принятый КАС РФ «детально урегулировал порядок рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений в судах общей юрисдикции», а также регламентировал всю процедуру рассмотрения административных дел в судах, начиная с подачи административного искового заявления и заканчивая исполнением судебных актов [4, с. 35]. При этом сфера его регулирования ограничивается исключительно вопросами судопроизводства в судах общей юрисдикции. Ученый подчеркивает, что в основе административного судопроизводства лежит «идея правовой защиты невластных субъектов (гражданина, индивидуального предпринимателя, предприятия), в его отношениях с публичной властью» [5, с. 23].

В развитие данного тезиса А.Б. Зеленцов отмечает, что предметом соответствующей судебной защиты выступают права, свободы и законные интересы граждан и организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений. Указанные объекты правовой охраны, по мнению автора, обладают собственной спецификой в сравнении с правами и законными интересами, составляющими содержание частноправовых отношений, выступающими предметом частноправовых споров и защищаемыми в порядке гражданского судопроизводства [6, с. 74]. Данное разграничение имеет принципиальное значение для определения отраслевой принадлежности и процессуальной формы защиты. Аналогичной позиции придерживается А.П. Яковлева, которая акцентирует внимание на том, что административное судопроизводство имеет своей целью защиту прав граждан и организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений. Это достигается путем проверки судами законности деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных служащих, должностных лиц [3]. Таким образом, в рамках административного судопроизводства реализуется публично-правовая функция судебной власти, направленная на обеспечение режима законности в сфере публичного управления.

Важными являются мнение Ю.Н. Старилова, который утверждает, что одной из функций административного судопроизводства выступает «судебный нормоконтроль за административным нормотворчеством» [7, с. 253], и Д.В. Уткина, подчеркивающего особую роль судебной деятельности в осуществлении нормоконтроля [8, с. 9].

Разделяя в полной мере точку зрения вышеуказанных ученых, автор считает необходимым акцентировать внимание на том, что административное судопроизводство носит публично-правовой характер, является «важнейшей процессуальной формой осуществления судебной власти в стране» [7, с. 252], представляющей собой урегулированный законом порядок рассмотрения и разрешения судами административных дел, предусмотренных КАС РФ, отличается от других видов судебного разбирательства, таких как уголовное, арбитражное и гражданское, и должно «обеспечивать высокий уровень качества государственного управления, осуществлять судебный нормоконтроль за административным нормотворчеством и способствовать повышению доверия общества как к судебной, так и к исполнительной власти» [1, с. 50].

После изложенных выше мнений, определения сути и важности административного судопроизводства, следует отметить, что одним из субъектов, обеспечивающих правопорядок и безопасность государства, защиту публичных и иных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, являются органы внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) и их должностные лица. ОВД представляют собой систему государственных органов исполнительной власти Российской Федерации, являющаяся составной частью правоохранительной системы, главной задачей которой выступает обеспечение общественного порядка и общественной безопасности, борьба с преступностью и иными правонарушениями.

В соответствии со статьями 5 и 6 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции»² (далее – ФЗ «О полиции») ОВД осуществляют свою деятельность на основе принципов соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также неукоснительного следования закону. В административном судопроизводстве в соответствии со статьей 9 КАС РФ принцип законности объединен с принципом справедливости при рассмотрении и разрешении административных дел. Здесь следует отметить, что понятие законности как основополагающего принципа закреплено в нормативных правовых актах и в деятельности ОВД и в административном судопроизводстве, но важно понимать, что по своему содержанию и значению эти понятия различны.

² Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О полиции» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Рассмотрим имеющееся в юридической и научной литературе определение «законность». Данное понятие трактуется весьма неоднозначно и может отражаться в различных его проявлениях и характеристиках (например, как принцип, режим, метод воздействия или деятельности, механизм, способ), а также рассматривается в узком и широком смыслах. В научной литературе узкий подход подразумевает соблюдение просто законов, а широкий – вообще всего законодательства, в том числе подзаконных актов [9, с. 113].

С точки зрения этимологии в Большом энциклопедическом и Большом юридическом словарях понятие «законность» трактуется в первом случае как «принцип безусловного исполнения всеми органами государства, должностными лицами и гражданами требований закона и судебных решений...» [10], а во втором – как «верховенство закона – неукоснительное исполнение законов и соответствующих им правовых актов всеми органами государства, должностными и иными лицами...» [11].

Известным фактом является то, что «законность не может существовать сама по себе, так как ее необходимо обеспечивать» [9, с. 116]. ОВД и их должностные лица как раз являются теми субъектами, которые обязаны соблюдать и обеспечивать законность во всех ее проявлениях.

В рамках административного судопроизводства понятие «законность» определено в двух аспектах. Во-первых, как уже было отмечено, законность выступает в качестве принципа административного судопроизводства. Во-вторых, она рассматривается в качестве одной из основных задач административного судопроизводства, закрепленной в пункте 4 статьи 3 КАС РФ, а именно: «укрепление законности и предупреждение нарушений в сфере административных и иных публичных правоотношений». В данном контексте задачи ОВД и их должностных лиц по обеспечению законности целесообразно рассматривать в виде цели, которая должна быть достигнута в процессе всей их деятельности. Следует отметить, что ОВД имеют свою систему и состоят из значительного числа организаций и структурных подразделений, которые в зависимости от их направленной деятельности и предназначения будут исполнять как общие, так и специальные (специфичные) задачи по обеспечению законности. Так, например, задача суда, с одной стороны, состоит в разрешении спора между гражданами (организациями) и ОВД и их должностными лицами в целях недопущения нарушений законности, а с другой – в осуществлении контроля за законностью деятельности последних и принятыми ими решений. Деятельность же ОВД напрямую связана с предупредительной (профилактической) работой, а также с применением мер принудительного воздействия (мер принуждения). В данном случае целью можно считать недопущение нарушений

законности деятельности как со стороны граждан и организаций, так и самих ОВД и их должностных лиц.

Таким образом, проведенный анализ содержания категории «законность» как принципа и основной задачи административного судопроизводства позволяет акцентировать внимание на том, что, несмотря на различия в содержательном наполнении и способах обеспечения законной деятельности в рамках административного судопроизводства, с одной стороны, и в деятельности ОВД и их должностных лиц, с другой стороны, их целевая направленность является единой и заключается в защите прав, свобод и законных интересов граждан и организаций.

В связи с тем что ОВД и их должностные лица являются властными субъектами и наделены полномочиями применять меры принуждения, им нередко приходится сталкиваться с возникновением конфликтных ситуаций, требующих последующего судебного разрешения. Так, в зависимости от особенностей, содержания и категории конкретного административного дела, предусмотренного КАС РФ, ОВД и их должностные лица в суде являются участниками судебного процесса, наделенными административно-процессуальным статусом стороны, а именно административного истца или административного ответчика. В зависимости от того, какой стороной в деле являются ОВД и их должностные лица (административный истец или административный ответчик), а также какие службы и подразделения представляют интересы ОВД, будут отличаться их процессуальные полномочия. Здесь следует отметить, что в суде интересы ОВД и их должностных лиц, как правило, представляют уполномоченные сотрудники, действующие на основании доверенности и обладающие полным объемом прав, предусмотренных законодательством для стороны в судебном процессе.

Рассмотрение и разрешение административных дел является одной из основных функций административного судопроизводства. Согласно позиции А.В. Мартынова, «природа административных дел вытекает из материальных правоотношений в сфере административного или публичного права» [12, с. 274]. Специфика данных правоотношений состоит в том, что ОВД и их должностные лица выступают в них в качестве властного субъекта, обладающего правом применять меры принуждения и принятия властных решений, в отличие от граждан и организаций, которые не наделены подобными полномочиями. Таким образом, стороны в административном судопроизводстве как участники материально-правовых отношений, в рамках которых возникает спор о праве, изначально не обладают процессуальным равенством.

Отечественная модель административного судопроизводства, закрепленная в частях 2 и 3 статьи 1 КАС РФ, предусматривает рассмотрение и разрешение судами общей юрисдикции двух категорий

административных дел. Первая категория охватывает дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций (так называемые тяжёбые дела). Вторая категория включает другие административные дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений и связанные с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий [13, с. 93]. Как обоснованно указывает А.И. Каплунов, первая категория дел представляет собой «споры о праве» между гражданами и организациями, с одной стороны, и властным субъектом – с другой, возникающие по поводу реализации дозволений. Для разрешения таких споров судом применяется состязательная форма юрисдикционного юридического процесса, выступающая каналом реализации гражданско-правового типа регулирования общественных отношений. Вторая категория дел, напротив, базируется на уголовно-правовом типе регулирования общественных отношений, каналом реализации которого является следственный тип юрисдикционного юридического процесса [13, с. 94].

По первой категории дел, как правило, ОВД и их должностные лица выступают в качестве административного ответчика. Это свидетельствует о наличии предъявленных к ним требований, связанных с предполагаемой неправомерностью действий или решений. Статьей 4 КАС РФ гарантируется каждому заинтересованному лицу право на обращение в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, в том числе в случае, если, по мнению этого лица, созданы препятствия к осуществлению его прав, свобод и реализации законных интересов либо на него незаконно возложена какая-либо обязанность, а также право на обращение в суд в защиту прав других лиц или в защиту публичных интересов.

Согласно части 2 статьи 62 КАС РФ процессуальной особенностью производства по делам первой категории выступает распределение бремени доказывания, при котором обязанность подтвердить законность своих действий возлагается на ОВД и их должностных лиц, являющихся административными ответчиками. Административные же истцы «освобождаются от обязанности доказывать противоправность, незаконность обжалуемого акта (решения, действия, бездействия)» [12, с. 275].

Таким образом, граждане или организации вправе инициировать судебное разбирательство против ОВД и их должностных лиц (например, в связи с ненадлежащими условиями содержания в изоляторе временного содержания подозреваемых и обвиняемых; если считают, что нарушены их права действием или, наоборот, бездействием сотрудников ОВД; при оспаривании решения привлечения к администра-

тивной ответственности и т.п.). Примерами таких дел являются административные дела о присуждении компенсации за нарушение условий содержания под стражей, содержания в исправительном учреждении. Данная категория административных дел является специальной по отношению к делам об оспаривании решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделённых государственными или иными публичными полномочиями. ОВД и их должностные лица могут выступать по данной категории дел в качестве административного ответчика в части нарушения условий содержания под стражей. Лицо, полагающее, что нарушены условия его содержания под стражей, одновременно с предъявлением требования об оспаривании связанных с условиями содержания под стражей решений, действия (бездействия) может потребовать компенсации.

Принимая во внимание материально-правовые основания обращения граждан и организаций в суд по делам первой категории, отметим, что основным способом обеспечения законности выступает оспаривание прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций (ч. 1 ст. 1 КАС РФ). Это предполагает оспаривание нормативных правовых актов полностью или в части актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами; решений, действий (бездействия) органов государственной власти, должностных лиц (пп. 1, 1.1, 2 ч. 2 ст. 1 КАС РФ), в том числе и ОВД.

Приведем наиболее распространенные случаи, когда в административном судопроизводстве оспаривание будет являться способом обеспечения законности:

1. Оспаривание нормативных правовых актов (индивидуальных актов и решений), изданных и принятых ОВД. Например, в случаях если ОВД в пределах своей компетенции издает нормативный правовой акт (приказ, регламент, инструкцию), который противоречит федеральному законодательству, ущемляет права граждан или организаций, то заинтересованные лица вправе оспорить его в суде в порядке административного судопроизводства. Это могут быть решения о признании незаконным решения об аннулировании патента³, о признании решений о сокращении и срока пребывания и аннулирования визы⁴. В данном случае суд проверяет не

³ Решение Пластского городского суда Челябинской области от 25 октября 2024 г. по делу № 2а-625/2024 (УИД 74RS0036-01-2024-000818-29) [Электронный ресурс]. – URL: <https://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&service=aa2&base=AOUR&n=8298267#MYfi3AVKCiPzJK9V1> (дата обращения: 02.02.2026).

⁴ Решение Свердловского районного суда г. Перми Пермского края от 23 июня 2025 г. по делу № 2а-909/2025 [Электронный ресурс]. – URL: [Решение%20Свердловского%20районного%20суда%20г%20Перми%20Пермского%20края%20от%2023%20июня%202025%20г%20по.pdf](#) (дата обращения: 16.11.2025).

только формальное соответствие решения нормам закона, но и соблюдение процедуры его принятия.

2. Оспаривание действий (бездействия) должностных лиц ОВД. В качестве типичного и распространенного примера в правоприменительной практике можно привести решение Смольнинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 6 августа 2024 г. по делу № 2а-2511/2024⁵ об оспаривании решения и обязанности совершить действия. По материалам дела административный истец А.А. Романов обратился в суд с административным иском с заявлением, в котором просил признать незаконным решение Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. В качестве способа по восстановлению нарушенного права административный истец просил рассмотреть обращения в соответствии с законодательством. В обоснование административных исковых требований указано, что обращения истца содержат оскорбительные выражения в адрес сотрудников ОВД, в связи с чем на основании российского законодательства обращения оставлены без рассмотрения. Изучив доводы административного искового заявления, выслушав возражения представителя административного ответчика, исследовав материалы дела, суд не нашел оснований для удовлетворения административных исковых требований о признании незаконным решения и обязанности устранить допущенные нарушения и решил в удовлетворении административных исковых требований отказать.

По второй категории административных дел, связанных с осуществлением обязательного судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий в отношении лиц, нарушающих установленные в отношении них запреты и ограничения, либо с недопустимым девиантным поведением и необходимостью применения в отношении таких лиц санкций и иных мер принудительного воздействия [11, с. 93], ОВД и их должностные лица сами инициируют судебное разбирательство, обращаясь в суд с административным иском и выступают административным истцом. В данном случае ОВД выступают в судебном процессе не в защиту собственных субъективных прав, а в целях обеспечения законности и защиты общества и государства, а также прав и свобод граждан, вытекающих из публичных правоотношений. Примером будут являться административные

дела о временном помещении иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальное учреждение и о продлении срока пребывания иностранного гражданина, подлежащего депортации или реадмиссии, в специальном учреждении (п. 4 ч. 3 статьи 1 КАС РФ); об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы (п. 5 ч. 3 статьи 1 КАС РФ); административные дела, связанные с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания (п. 10 ч. 3 статьи 1 КАС РФ) и др. По второй категории административных дел контроль со стороны суда (так называемый обязательный судебный контроль) будет являться еще одним способом обеспечения законности деятельности ОВД и их должностных лиц.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

Принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в 2015 году стало важным и рубежным событием для современной правовой системы Российского государства, а также явилось ключевым этапом становления судебной и административной реформ последних десятилетий, при котором был создан специализированный механизм судебной защиты прав граждан и организаций в спорах с публичной властью, в том числе и с ОВД и их должностными лицами.

Административное судопроизводство как способ обеспечения законности деятельности ОВД и их должностных лиц представляет собой урегулированную Кодексом административного судопроизводства деятельность судов общей юрисдикции по рассмотрению и разрешению административных дел о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, а также дел, связанных с осуществлением обязательного судебного контроля за законностью осуществления государственных полномочий.

Обеспечение законности в административном судопроизводстве осуществляется двумя основными способами, определяемыми категориями административных дел. Для первой категории – тяжёлых дел – законность обеспечивается через оспаривание решений и действий (бездействия) ОВД и их должностных лиц (чч. 1–2 ст. 1 КАС РФ), где они выступают ответчиками с бременем доказывания (ч. 2 ст. 62 КАС РФ). Для второй категории – других административных дел – применяется обязательный судебный контроль за соблюдением ОВД прав и свобод при реализации властных требований к физическим лицам и организациям (ч. 3 ст. 1 КАС РФ), и в этих случаях ОВД и их должностные лица приобретают статус административного истца.

⁵ Решение Смольнинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 6 августа 2024 г. по делу № 2а-2511/2024 [Электронный ресурс]. – URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/343827564/Решение%20Смольнинского%20районного%20суда%20г%20Санкт%20Петербурга%20от%2006%20августа%202024%20г%20по%20.pdf> (дата обращения: 17.11.2025).

Литература

1. **Мартынов А.В.** Роль и значение административного судопроизводства в обеспечении качества современного государственного управления // Административное право и процесс. – 2018. – № 3. – С. 47–53.
2. **Овсепян Ж.И.** Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: вопросы предмета правового регулирования и отраслевой идентификации // Российское право: Образование. Практика. Наука. – 2015. – № 4. – С. 57–67.
3. **Яковлева А.П.** Состязательность административного судопроизводства и активная роль суда // Правовое регулирование в современной России. – 2015. – № 6 (51). – С. 107–112.
4. **Панова И.В.** Административная юстиция сегодня: административное судопроизводство // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2017. – № 1 (28). – С. 23–31.
5. **Панова И.В.** Развитие административного судопроизводства и административной юстиции в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 1. – С. 32–41.
6. **Зеленцов А.Б.** Субъективные права и законные интересы как предмет правовой защиты в системе административной юстиции: юридическая природа и виды // Административное право и процесс. – 2017. – № 6. – С. 74–83.
7. **Стариков Ю.Н.** Принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации – приоритетное направление законотворческой деятельности в сфере установления судебных процедур разрешения публично-правовых споров: по материалам Международной научно-практической конференции на тему «Административное судопроизводство в Российской Федерации», г. Омск, 28 ноября 2014 г. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2014. – № 4 (19). – С. 251–260.
8. **Уткин Д.В.** Административное судопроизводство в современном правовом государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2004. – 24 с.
9. **Аверьянова О.В.** Понятие законности и система средств обеспечения законности в государственном управлении // Ленинградский юридический журнал. – 2019. – № 2 (56). [Электронный ресурс] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-zakonnosti-i-sistema-sredstvobespecheniya-zakonnosti-v-gosudarstvennom-upravlenii> (дата обращения: 25.11.2025).
10. Большой энциклопедический словарь / ЗАКОННОСТЬ [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/bes/%> (дата обращения: 25.09.2025).
11. Большой юридический словарь / ЗАКОННОСТЬ [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/law/zakonnost> (дата обращения: 10.02.2025).
12. **Мартынов А.В.** Понятие и сущность административного судопроизводства в Российской Федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 5-6. – С. 273–281.
13. **Каплунов А.И.** О системе административного права как отрасли права и как учебной дисциплине для образовательных организаций высшего образования / Система административного права: сборник статей по материалам круглого стола, Москва, 12 октября 2022 года; под общ. ред. М.Н. Кобзарь-Фроловой. – Москва: Русайнс, 2023. С. 90–95.

References

1. **Martynov A.V.** Rol' i znachenie administrativnogo sudoproizvodstva v obespechenii kachestva sovremennogo gosudarstvennogo upravleniya // Administrativnoe pravo i process. – 2018. – № 3. – S. 47–53.
2. **Ovsepyan Zh.I.** Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii: voprosy predmeta pravovogo regulirovaniya i otraslejv identifikacii // Rossijskoe pravo: Obrazovanie. Praktika. Nauka. – 2015. – № 4. – S. 57–67.
3. **Yakovleva A.P.** Sostyazatel'nost' administrativnogo sudoproizvodstva i aktivnaya rol' suda // Pravovoe regulirovanie v sovremennoj Rossii. – 2015. – № 6 (51). – S. 107–112.
4. **Panova I.V.** Administrativnaya yusticiya segodnya: administrativnoe sudoproizvodstvo // Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava. – 2017. – № 1 (28). – S. 23–31.
5. **Panova I.V.** Razvitie administrativnogo sudoproizvodstva i administrativnoj yusticii v Rossii // Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki. – 2017. – № 1. – S. 32–41.
6. **Zelencov A.B.** Sub'ektivnye prava i zakonnye interesy kak predmet pravovoj zashchity v sisteme administrativnoj yusticii: yuridicheskaya priroda i vidy // Administrativnoe pravo i process. – 2017. – № 6. – S. 74–83.
7. **Starilov Yu.N.** Prinyatie Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii – prioritetnoe napravlenie zakonotvorcheskoj deyatel'nosti v sfere ustanovleniya sudebnyh procedur razresheniya publichno-pravovyh sporov: po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii na temu «Administrativnoe sudoproizvodstvo v Rossijskoj Federacii», g. Omsk, 28 noyabrya 2014 g. // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2014. – № 4 (19). – S. 251–260.
8. **Utkin D.V.** Administrativnoe sudoproizvodstvo v sovremennom pravovom gosudarstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Voronezh, 2004. – 24 s.
9. **Aver'yanova O.V.** Ponyatie zakonnosti i sistema sredstv obespecheniya zakonnosti v gosudarstvennom upravlenii // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. – 2019. – № 2 (56). [Elektronnyj resurs] – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-zakonnosti-i-sistema-sredstvobespecheniya-zakonnosti-v-gosudarstvennom-upravlenii> (data obrashcheniya: 25.11.2025).
10. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' / ZAKONNOST' [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://gufo.me/dict/bes/%> (data obrashcheniya: 25.09.2025).
11. Bol'shoj yuridicheskij slovar' / ZAKONNOST' [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://gufo.me/dict/law/zakonnost> (data obrashcheniya: 10.02.2025).
12. **Martynov A.V.** Ponyatie i sushchnost' administrativnogo sudoproizvodstva v Rossijskoj Federacii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2015. – № 5-6. – S. 273–281.
13. **Kapluinov A. I.** O sisteme administrativnogo prava kak otrasli prava i kak uchebnoj discipline dlya obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovaniya / Sistema administrativnogo prava: sbornik statej po materialam kruglogo stola, Moskva, 12 oktyabrya 2022 goda; pod obshch. red. M.N. Kobzar'-Frolovoj. – Moskva: Rusajns, 2023. S. 90–95.

(статья сдана в редакцию 03.02.2026)

К сведению авторов

На страницах журнала освещаются вопросы юридической науки, уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-разыскного, уголовно-исполнительного, административного, миграционного законодательства, передовой опыт борьбы с преступностью в России и за рубежом.

Статьи должны отражать наиболее актуальные темы правоохранительной деятельности, затрагивающие проблемы и предлагающие пути их решения. Статьи, имеющие слабый научный аппарат, к опубликованию не принимаются.

В соответствии с международными требованиями статья должна содержать:

на русском языке: название статьи, фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью, должность, ученую степень и звание. Полное наименование организации (в скобках – сокращенное), город, телефон, электронный адрес. Аннотацию (150–250 слов), ключевые слова (5–7 слов или словосочетаний), список литературы, на которую ссылается автор. Данная информация должна быть представлена на английском языке, за исключением Ф.И.О. автора (авторов) и списка литературы, которые транслитерируются.

Текст статьи должен быть набран на компьютере в текстовом редакторе Word: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25. Не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов. Объем статьи 8–20 страниц машинописного текста (стандартная страница – 1800 знаков с пробелами, включая таблицы, рисунки и список литературы). Статья представляется в редакцию в электронном (диск, электронная почта) и распечатанном виде. Файл, содержащий статью, называется по фамилии автора.

Список литературы приводится в конце статьи. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы, а через запятую – номер страницы (например, [3, с. 25]). Обязательно указываются следующие данные: для книг – фамилия и инициалы автора (редактора), название книги, место издания (город), год издания; для журнальных статей – фамилия и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, номер, выпуск, страницы (первая и последняя).

Статья должна быть вычитана и подписана автором (авторами) следующим образом: «Материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Не возражаю против размещения моей статьи в электронной библиотеке». Далее ставится дата и подпись. Статьи соискателей, адъюнктов и аспирантов визируются научным руководителем. Направляя статью для опубликования в журнале, автор (соавторы) безвозмездно предоставляет редакции журнала «Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина» неисключительные права на использование данной статьи, в том числе на неограниченное ее распространение любым способом, включая создание ее электронного варианта для размещения в локальной сети Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, а также в сети Интернет (на сайте института, в научных электронных библиотеках и т.д.), с целью доведения статьи до всеобщего сведения и выполнения требования ВАК при Минобрнауки России об информационной открытости научной периодики.

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объем статей и принимать решение о включении их в журнал. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала. Отклоненные редакцией материалы не рецензируются и не возвращаются.

Ответственность за достоверность фактов несут авторы статей.

Научные публикации, включенные в журнал, представляют точку зрения автора на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии журнала.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и размещается в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка»

eLIBRARY.RU

